

18+

Юрий Бевзюк

Времен связующая мысль

Юрий Бевзюк

Времен связующая мысль

«Издательские решения»

Бевзюк Ю.

Времен связующая мысль / Ю. Бевзюк — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-983084-5

Времен связующая мысль: афоризмы, злободневное в политике, историостереософия, философские эссе, автобиографическая прозапоэзия. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-983084-5

© Бевзюк Ю.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Юрий Бевзюк	8
Времен связующая мысль (ОПЫТ ИСТОРИОСТЕРЕОСОФИИ)	9
Важные афоризмы о смелости	30
НА ЛАВРАХ ПОБЕД ЭПОХАЛЬНЫХ ПОДЗАЛЕЖАВШИСЬ	72
К РОССИИ	75
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Времен связующая мысль

Юрий Бевзюк

© Юрий Бевзюк, 2020

ISBN 978-5-4498-3084-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

В книге «Времен связующая мысль» (ОПЫТ ИСТОРИОСТЕРЕОСОФИИ) – результат 66-тилетних – с шести лет – наблюдений и изучения истории по жизни и по доступным книгам и прочим источникам – автора с широким жизненным опытом: еще до 15-ти попавшему в комсомольскую власть в последние полтора года «сталинщины»; трудившегося в ранней молодости на заводах, в райкоме комсомола (*организатор первых народных дружин в районе Владивостока Первомайском*); методистом на детской турстанции при крайоно; старшим инструктором по самостоятельному туризму краевого Совета профсоюзов (основал в 1961-м году Владивостокский клуб туристов и турклубы еще в четырех городах края); в армии был 10 месяцев наводчиком на автоматической зенитной пушке и оператором станции орудийной наводки, – затем более двух лет инструктором по комсомолу политотдела дивизии (на капитанской должности); после армии вел туркружки, был одним из ведущих деятелей в крае спорториентирования (2 мая 1970-го, как «бегающий» тренер команды мединститута, – чемпион края); в 68-70-м – работник парткома Мортранспорта; в 70-71-м – первый помощник капитана («комиссар») на танкере; с 71-го по 82-й – профессиональный охотник в Совгаванском госпромхозе; с 82-го кружковод детской турстанции при крайоно снова; с конца декабря 88-го по сие время – «дачный» незарегистрированный «фермер».

С весны 90-го по май 95-го был внештатным «колумнистом» газет «ТОК»а и «Красное знамя», публиковался в «Сибирской газете» (около 30-ти остропроблемных и прогнозных статей) Уже на 65-м автор, в обстоятельствах экстремальных, – стихосложением внезапно овладевает, – и уже в рифму и размер проблемы истории, социологии и экономики кратчайше излагает, на все события важные отзывается... на кончины всех деятелей заметных, – на все доступные выступления в прессе, *в которых истина по неведению или злонамеренно искажается...*

Книга «ВРЕМЕН СВЯЗУЮЩАЯ МЫСЛЬ» в каких обстоятельствах замыслилась – на 7-й ее странице ... **Тайфуна, может, испугавшись надвигавшегося...**, – как выборка с комментарием и «перевод в стих» афоризмов, с дополнением собственными стихоафоризмами. Этого – около десяти страниц. Затем наиболее важные стихотворения и эссе прежних – с 2005-го – лет (преимущественно последних двух) ставились в начало книги, и таковых набралось 6 первых страниц. Далее постранично названия эссе, стихотворений самых важных; где из одного заглавия не совсем ясно содержание – в скобках пояснение).

На стр.24, **Вчера, растапливая печку ...** – внезапное начало моего стихосложения. ... Ощувив в себе такую способность, стал применять ее для анализа сложных проблем истории, литературы, политики, географии, экономики, социологии, социопсихологии, истории физики, юриспруденции, лингвистики – вплоть до ботаники-зоологии (в применении к земледелию и промысловой рыбалке, собирательству и охоте), – нынешнего состояния людства, грозящих ему опасностей, – и всё это, главным образом, – на собственном примере – *во создание жизнеспособного «жизни способа»...*

с.217 (Цитата из книги) «Сколько в сей книге *концентрированных* подкниг – сразу и не сосчитать навскидку. Первая – афоризмов (они рассыпаны по всей книге); вторая – вытяжки из дневника достойного в книгу (сложность была – в 73 почти – при издании книги извлечь по-быстрому из дневника эти вытяжки); третья – памфлетная публицистика после декабрьских года 11-го выборов; четвертая – историостереософия (сравнение моих прогнозов в прозе: в 1957-м (в 17 лет), 64-м, 67-м, в 69-м, – в дневнике; в 90-95-го годов – в краевой (и немного сибирской) газетной публицистике, – в пока не совсем оправдавшейся эйфории от начала их осуществления, – через 21—26 лет – в декабре года 2011-го; и пятая – книга фото-

графий автобиографических, с, чую, изрядной поэзией в к ним пояснениях (с вкраплением важных эссе, – особенно касательно моего почти *двойникового* сходства с Эрнестом Хемингуэем (ф.21 и 86—87), – но кардинальных различий – вследствие иных обстоятельств – в поведении и судьбе) объяснениях, дававшихся спонтанно, с ходу, без всякого труда, – но недурственных, надеюсь... ..То есть это – не книга, – *пятикнижие*»...

В сей книге до (или более) 300-т эссе на всевозможные темы «зарифмленных» – и, так сказать, комментариями пересыпана к вечным – и, большие, своими афоризмами... – Особенно важны уже после фотографий (и пояснений к ним) – «хвосты» (их два), которые добавлял уже после верстки и авторской правки и первого и понадобившегося еще и второго сигнального экземпляра... Возможность вынести, наконец, во вне свои мысли – велела сочинять и ответственно, и быстро...

14.2.2019, 22.18 во Вл-ке

Синописис писался в августе 2013-го для Пекинской книжной ярмарки; пока без результатов; существенно в январе 2019-го дополнялся на более высоком словесности мастерства; и вот сейчас еще раз прочитал с поправками

Юрий Бевзюк

Времен связующая мысль

(ОПЫТ ИСТОРИОСТЕРЕОСОФИИ)

В книге результат 66-тилетних – с шести лет – наблюдений и изучения истории по жизни и по доступным книгам и прочим источникам автора с широким жизненным опытом; еще до 15-ти попавшему в комсомольскую власть в последние полтора года «сталинщины», трудившегося в ранней молодости на заводах, в райкоме комсомола (*организатор первых народных дружин в районе Владивостока Первомайском*), методистом на детской турстанции при крайоно, старшим инструктором по самодеятельному туризму краевого Совета профсоюзов (основал в 1961-м году Владивостокский клуб туристов и турклубы еще в четырех городах края); в армии был инструктором по комсомолу политотдела дивизии; после армии вел туркружки, был одним из ведущих деятелей в крае спорториентирования (2 мая 1970-го, как «бегающий» тренер команды мединститута, – чемпион края по спорториентированию); в 68-70-м был работником парткома Мортранспорта, в 70-71-м – первый помощник капитана («комиссар») на танкере; с 71-го по 82-й – профессиональный охотник в Совгаванском госпромхозе; снова кружковод детской турстанции при крайоно; с конца декабря 88-го по сие время – «дачный» незарегистрированный «фермер».

С весны 90-го по май 95-го был внештатным «колумнистом» газет «ТОК»а и «Красное знамя», опубликовано около 30-ти остропроблемных и прогнозных статей...

Уже на 65-м автор, в обстоятельствах тяжких, – стихосложением внезапно овладевает, – и уже в рифму и размер проблемы истории, социологии и экономики кратчайше излагает, на все события важные отзывается... на кончины всех деятелей заметных, – на все доступные выступления в прессе, в которых истина искажается...

Готовы к изданию: (1) дневников с мая 56-го по 65-й год, с воспоминаниями в комментарии (около 500 страниц); (2) саг и минипоэм на злободневные темы, сатирических некрологов в стихах и прочих прозостихотворений (страниц 300); (3) книга (до ста страниц) стихотворных вольных переложений и собственных стихотворений по мотивам древнекитайской (эпохи Тан) поэзии – с присовокуплением обширного о Китае эссе; (4) то же самое по поэзии Генриха Гейне, и объемное эссе о его драматической судьбе и особом месте (наряду и одновременно с Гоголем) в мировом *духовно-обновительном* процессе; (5) прозопоэма «Природа истории» – от «яиц Леды» до Февральской революции российской (включительно) в «одной такой стране на свете» стране (более ста страниц)...

Ровнеет в мире градиент развития – хиреет фактор экономический: тем громаднее политический... Ему предреет идеологически компендий *мысли* в этой книге... Не исключительно моей – всечеловеческой...

...Потом рассеянно вспоминал, у кого же из учителей моих в поэзии такие же глагольные начала... в 02.39 без усилий особенных само собою вспомнилось... Да у Блока же!.. «...Бьются часы, мировое несущие; ширятся звуки, движенье и свет; прошлое страстно глядится в грядущее: нет настоящего! Жалкого нет...» (Утром так и не нашел в томе объемистом сочинений блоковских, так и не знаю, когда он это – теперь сугубо современное! – сочинил)...

Я автор, – значит – авторитарен: слову звучать иначе мне сам стих повелевает... но так, чтоб сразу было всё понятно... Язык я этим раздвигаю – и жизнь носителя его тем продлеваю... 03.12.

(Не горделиво ль слишком ли...)

«Кони отбросил» капитализм (покуда мирно) уже ударом первым кризиса: иначе б на пожар финансовый не лили сверх меры долларо-евровую эмиссию... четыре года аж почти... Отчаянными усилиями поддерживают пока капиталисты жизни своего уклада видимость... Но пламя всепожирающее финансовое неминуемо из-под контроля – и, как всегда, внезапно! – вырвется... .Теперь от бед людство заблудшее спасти лишь в силах... отнюдь не «мандёж» верхов экономический, – но лишь правёж низов тот политический... не обойтись – лишь он теперь людство отвязное может спасти... Как то в истории уж не однажды было... (У нас, в России, – уже столетие последнего правежа приблизилось) ... 03.37

Давно отравлено то, что с рынка мирового жрём... какая ж это экономика!.. И сякнет в города приток рабов: мигранты из села (других уж стран) лишь в первых двух-четырёх поколениях работают – потом всё то же городское дерьмо: то есть только добро переводят в гомно, отравляющее вокруг всю природу... А на земле будут работать – и почву удобрять своими отходами... 3.51

Разницы уровней развития – градиента! – нет: не может быть финансов самодвижения... То значит – прибылей, о дьявол!, нет!.. И не спасут тут никакие измышленья... 4.15..

Только что вошел «в тандем» с Блоком! Но по-порядку... Так и не найдя вчера по заглавиям стихотворения знаменитого этого Блока («Бьются часы, мировое несущие...» в толстенном его сборнике), стал уже с половины листать, – и вот на стр.346-й... достойное сюда испомещенья... с необходимым уточненьем... кое сам Блок по чрезвычайности того времени (требовавшего всего внимания к накату событий, ни до ни после не бывалых, исключительных) – и больше, наверное, по причине трагически ранней смерти, – так и не успел сделать...

«Да. Так диктует **совесть мне** (у него «вдохновенье» – Ю.Б.): моя свободная мечта (это ведь и есть вдохновенье: избегаем повторения мысли сообщения без усиления... Напротив! Совесть-то сильнее вдохновения, его причина даже часто, – как в этом великом стихотворении – Ю.Б.). Всё льнёт туда, где униженье, где грязь, и мрак, и нищета (у Блока точка, многоточие чтобы обозначить начало у него строки; впредь где у него многоточие – я добавляю и свое – Ю.Б.) ... *Туда, туда, смиренней, ниже, – оттуда зримей мир иной... Ты видел ли детей в Париже, иль нищих на мосту зимой?..* На непроглядный ужас жизни открой скорей, открой глаза, – (тире добавлено мною – Ю.Б.) *пока великая гроза всё не смела в твоей отчизне* (курсив мой – Ю.Б.), – дай гневу правому созреть, приготовляй к работе руки... . Не можешь – дай тоске и скуке в тебе копиться и **коптеть** (у Блока совсем неверное «гореть» – Ю.Б.) Но только – лживой жизни этой румяна жирные сотри, как боязливый крот, от света заройся в землю – там замри, **всё новое** (у Блока: «всю жизнь», т.е. противоестественно и себя – Ю.Б.) жестоко ненавидя, **страшась его прорыва к свету** (у Блока даже противоречащее общему смыслу стихотворения «и презирая этот свет», – *который нельзя ведь никому презирать в прямом смысле, – а в переносном – «высший свет», – так это самим презирать себя тем, против которых это великое – на все времена!* – стихотворение и направлено – Ю.Б.), **зари** (вместо маловразумительного «пускай» – Ю.Б.) грядущего не видя, – дням настоящим **сказав** (вместо «молвив»): *нет!* Сентябрь 2011 (7 февр. 2012)

За все семь бед правителей несостоятельных — со страной не справившихся, — послесталинских уж год как зреет грозовой *один* ответ... Но опасаясь — всемирно грянет раньше суд за полтысячелетия власти «капитала» — и усугубит событий разгул у нас... как раз... к 2017-му...

Но неужели история, старуха эта злая, так уж к круглым юбилеям пристрастна? Вряд ли... Так последствия деяний и, главное, — надеяний! — подобрались... История — это все мы плюс... она, история: вывод конечный на данный *критический* момент из всех причин и следствий с зарождения человечества... (фиксирую начало и конец сочинения прозостихотворения, — как бы соревнуюсь с самим собой на уменьшение времени... 3.49)

Во всех прегрешениях «капитала» (в кавычки взял — не стану перечислять прегрешения капитала в погоне за прибылью грабительской максимальной, — не он ведь виноват: с прибылью справедливой необходим будет всегда!) ... Постараюсь прояснить бездеятельности «правителей» наших те последствия, кои я на своей шкуре испытал, начиная с в 1956-м моих весен-лет 16-ти...

Хрущев начал... с разоблачений злодеяний (якобы!) Сталина... Но история — в конечном счете люди, то есть! — судит строже гораздо не за злодеяния, — **за злонед`яния ...** (А у нас с Хрущева те правители в истории страны как раз злодеи, что много для нее сделали, — «снимая головы» с хитро-корыстных привластных бездельников) ... Необходимого на тот момент: на алтарь Победы забранное — собственность трудовую обратно отдать, гласность ввести, — политику вместо «замполитства» — и не мог скудоумный, но хитрокорыстный дурак Никита... Потому *его штабисты победы великой наверх и вытолкнули... дабы заставить страну работать в основном... на победу, уже достигнутую...* Чтобы страну окончательно истощить — это было капиталистам-грабителям очень и очень выгодно! Еще бы: с одной шестой сам устранялся по... его сугубой глупости конкурент... *Да кто тогда — и посейчас! — осмелится бы к нам ползть!.. Столь самонадеянные глупцы в политике, как Наполеон и Гитлер, бывают ведь реже, чем раз в столетие...*

В 70 его лет лысыго толстого дурака Никиту заменили... волосато-бровястым, толстяком не назвать — «царем» Леонидом (совсем не тем в истории остался знаменит, чем спартанец фермопильский, воитель великий!): по интеллекту Никиты никак не выше, — но очень цепко во власть вцепился...

Никиту в основном еще схоласты от «коммунизма» выдвинули, — но сменили Леонидом... уже циники корыстные, на зернопоставках нам совращенные за границей... Под той же *марксосхоластики* покуда прикрытием... .. В семидесятых нами — в качестве сырьевого звена — замкнулся мировой рынок: «п...ц» капитализму (по моему прогнозу 14 марта 1967-го ()) приблизился сильно — скукожились сильно шансы грабительства... Опускаю характеристики двух после Леонида «правителей» — стала позарез необходима обаятельная улыбка Михаила... Волей или неволей — с санкции **Тетчер*** Маргариты (за коей стоял миркапитал **грабительский**) — во все тяжкие Горбач наш пустился: народ вечерами и в выходные... добровольно вкалывать... в кооперативах наконец-то — с опозданием в четверть века роковым! — даже решился отпустить...

Еще в самом начале 90-х в статье в газете краевой писал я: «Не „светит“ нам капитализм... Себе необходимое грабительские капиталисты еще в 70-е в нас вложили — в нефтегазодобычу... Далее они будут нашу промышленность самообеспечения всячески гнобить, дабы место своему „секондхэгду“ освободить, всучить нашим потребителям»... (А мы заплатим за рухлядь и гниль валютой ихней же за наши богатства сырьевые будто бы и неисчислимые (но не бездонные они!) — и, юмор черный **весь** ()): к ним же мерзавцы наши переведут и сверхприбыль... Хотелось б им и всю захватить сверхприбыль за наши богатства сырьевые

полновесные за свой просроченный сэкондхэнд, – но **надо покуда им терпеть, кормить оравы наших бездельников городских (пускай они в безделье гинут)** ... А то... начнется у нас завершение Октября 17-го... – и у них вспыхнет) ... Но, скорее всего, – *у них* начнется на сей раз завершение «революции трудящихся» – опять, скорее всего, в Германии, затем – в США... – и «далее – везде»...

И – далее повышенное внимание!!! – им, как по «плану Маршалла» надо ведь было свои склады от старья и залежей **разгрузить**, – не на свалку, а к нам свезти! – чем сразу «двух зайцев» «убили» уже третий десяток лет хитрецы: дают работу своему «быдлу» – у нашего же, напротив, отбирают занятия, – что действует, понятно, на наших разлагающе весьма (новейший способ убивать! Притом массово! Бомбы водородные будут-не будут еще на горожан безмозглых падать (скорее, вряд ли), – а **безделье в городах у нас уже давно убивает массы**) ...

Но... вместо ума у грабительских капиталистов – лишь обоняние: где там запахло сверхприбылью! Да и «принцип» давний ведь у них грабительский – «после нас хоть трава не расти»... Жадность не дала им сообразить: «врага» геополитического устранив – на деле **то**, что поддерживало полвека лишних их! – они прямиком на агонию свою систему грабительскую вывели, – от раны смертельной, у нас нанесенной... в 1917-м, в октябре...

...Не признаю «теорию заговора» внешнего – но хуже **оно**: в наличии все признаки измены внутренней... Почему-то в 1918—20 еще слабую Соввласть не смог сокрушить плюс к внутренней контрреволюции и военный поход держав Антанты аж 14-ти, – а потом она, наша Советская власть, – эту Антанту сама! «поставила раком», заставила нас удовлетворять (миллионами жизней цена? Истории важен лишь результат! Не знает жалости она)...

Так что после 1991-го не разъясняю... способный понять сам знает... а неспособному нечего и объяснять... *Не во внешнем заговоре корень нашего зла – во внутренних наших властей пакостях... За кои им вскоре ответ держать... перед разгневанными массами...*
04.29

*Маргарет Тэтчер, скончавшись назад с неделю (), как мать моя, в 87, – была не сильно умная, – но зело скверно-настырная бабенция... Из тех, что не «в свои сани» лезут (во власть, в судейство), – не задумываясь, по своей женкости, над последствиями... – В полнейшую правоту свою, по недоумству, уверовавши – для «власть имущих» стараются, «роют землю» – делают самое гнусное, самое скверное... Ох, много напакостили Марга Тэтчер и ее «подкаблучник» Рейган – человечеству...

Тэтчер еще особой пакостью (для нас) отмечена: подобно той даме при нашей Кате 2-й (великой), Перекусихиной, – «тестировавшей» постельные «достоинства» намеченных в фавориты, – «опробовала» в 84-м нашего улыбочивого Мишу – еще «невинного» в грехах власти высшей... и – «Годен!», – мировой олигархии доложила...

...**Два твердо помнил я стихотворения из Блока**, первого так и не нашел в сборнике, – а второе, оказалось, – к поэме незаконченной о себе и времени «Возмездие», тот знаменитый (великий!) ПРОЛОГ «Жизнь – без начала и конца. Нас всех подстерегает случай. (И далее две темные строки блоковские «Над нами – сумрак неминуемый иль ясность божьего лица») в полную рифму заменяю своими словами ясными):

Пред нами путь животности ползучей – или тернистая тропа творца*...

И** (вместо «но») ты, художник, твёрдо веруй в начала и концы. Ты знай, где стерегут нас ад и рай. Тебе дано бесстрастной мерой измерить всё, что видишь ты. Твой взгляд – да будет тверд и ясен. Сотри **мрачащие***** (вместо «случайные» у Блока) черты – и ты увидишь: мир прекрасен... (вместо одной точки у Блока)...

* Начало это – с Блоком моё в «тандеме» – далеко не для всех... И, вспомнив библейское, – не для «овец»: для тех, за кем людское стадо следует – *не подло-корыстных тех в затхлое время, – а для смелых тех в эпохи свежие перемен...* Кто те способности имеет, чтобы подвигнуть «стадо» к свету, *архитруднейшее продвижение людства к человечеству идейно-образно обеспечить...*

Пожалуй, самый великий по части «связи времен» наш поэт – так и не сумел вполне преодолеть древние бреды: противительным союзом «но» он как бы извиняется перед *творцом* внешним, не совсем еще в его невозможности уверен... Жизнь общая действительно «без начала» – из бесконечности материи проистекает, – но твоя имеет и конец и начало: не имеет конца она лишь фигурально – в твоих словесно-образных творениях, – если они, конечно, затребуются временем после тебя... Или даже временами всеми в случаях весьма редких: Александр Блок в числе таких творцов несомненно... Противительным союзом «но» Блок как бы оправдывается за перебор «богу», – не вполне понимая, что этой химерой («виртуалом»!) хитро-подлые **жрецы корыстные обескураживали **издревле** творцов истинных: мало ведь кто из потенциальных творцов смертных осмеливался брать на слабого себя прерогативы «всезнающего» небесного «творца» бессмертного... Союз «и» присоединительный как раз и говорит: и художникам-творцам, – и всем нам!: *кроме как только на самих себя – не на кого надеяться...*

*** Они, к глубочайшей печали нашей, не случайны, – но закономерны ужасно!.. И одиночкой, самым даже разгениальным, – не стираемы... Лишь усилиями всего человечества чрезвычайными... Но даже ими, страшусь я, законы естества универсальные не преодолеваются: *исполнение приговора природы, боюсь, лишь несколько отдалается...* В любом разе нам должно сопротивляться...

Больн`о людство экзистенциальной страшной болезнью: *перевесом* животности в себе... Боюсь, уже давненько сей устрашающий регресс: с начала машинной эры (вызванной критически возросшей в Европе плотностью населения) ... То шло оно, людство, вперед, да всё вперед (критерием считать *познание себя – и человечности в нём возрастанье!*) ... но дёрнулось **назад** с войной второй ужасной мировой, – и отдаёт, всё отдаёт назад последние полвека – со всё возрастающим ускореньем (я сам сему с 17-ти лет свидетель) ... 05.40... Боюсь-страшусь: бесстрашная история (природа то есть) из этого всего сего – вывод последний не замедлит сделать вскоре ...09.06

И вечный бой – лишь изредка покой... 18.9.12., 01.31

На суде паркомовский ставленник первым помощником капитана (*помплетом* вкратце) звался На деле имел над капитаном полномочия «комиссара»: я сам однажды сменил «кэпа», нахулиганившего на суде в Находке по-пьяни, – звонком с причала нефтеналивного в партком...

*Хотел пример я только словом описать, / как в **субебезумии** людства стоять... / Не знал, что в годы предзакатные / придется, по-библейски, в стаде взять / на себя мне роль «козла» -поводыря...* 18.9.12., 04.27

Козёл больших размеров достигает, где лет до пяти ему расти хозяин позволяет... .. В тех древних горах, где предки коз когда-то зимы бедовали, – козлы от хищников стада свои спасали... Но десять тысяч лет уж одомашнена коза, и молоком и мясом кормит нас, – а козликам несчастным немногим позволяют вырастать... Одна козоводка в «Приусадебное хозяйство» писала: привыкли к козлику – и коз исправно осеменял: через четыре зимы перетаскивали **сена едока**, – пока таким могучим он не стал и своенравным, – что все загородки стал ломать рогами, копытами все стекла вышибал, веревки рвал – и принялся когда даже стены

козлятника своего расшибать, – пришлось так и на мясо сдать буяна... .. Надеюсь, не свою судьбу я предсказал... 04.55

Американский фильм любительский «Мусульманская Невинность» (точней, пожалуй, так на русский-то перевести) дней пять в массмедиа муссируют... серьезные бунты в мусульманских странах вызвал, где «богохульство» еще остается в уголовных кодексах стран **многих**, как архаизм **злостный**, – как **признак несомненный первобытной дикости, с одной стороны**, – с других же сей взрыв эмоций ненавистных к оплоту капитализма – о перенаселении опаснейшем в тех райских странах говорит, – где давние занятия **избыты** в безумнейшем преследовании грабительских сверхприбылей... Отвязные капиталисты, там древнюю культуру земледелия сгнобив, – к кормушке секондхенда население прикормили, работать на земле вконец уж отучили... Ох, сильное усугубление бед там можно предвидеть смело...

Изрядно тягостно себя люду бездумному навязывать, но как же иначе его спасти...

Несет любой мыслитель эту тяжесть, – но как иначе высказать себя...

Три вида есть времен связи, – и первая – биологическая, роднит людей с животным миром... Затем – язык, и выше – мысль, – что языком только развилась... Пока у горстки лишь передовых – и друг от друга изолированных... *Друг друга скоро надо им найти, – круг быстро мыслящих расширить*... Иначе долго человечеству не жить...

Ното разумным назван прежде времени: пока еще – он лишь животное умелое; и сумасшедшей гонкой техники теряет **быстро** разум он последний (что от предков) ... Так и не стать он может *сапиентным – зане совсем разбрементит Землю, – чудовищный отрыв сознания от техники не одолев как можно поскорее... Одно спасенье – денег неправедных паденье уже не замедлит... Оно ускорит возвращение к земле, к семье, к самоуправленью... Ключ от Судьбы – возврат Советов...*

В истории каждый участвует – но очень немногим (и далеко не всегда!) дано ее объяснять... Пока лишь себя из живущих таковым знаю – сочетанием природной остроты ума и самых счастливых обстоятельств (отнюдь не для «личного» счастья) – его не может существовать для обладателя обширного ума, покуда мир несчастен, – но *мудрец обязан ощущать себя счастливым всегда, как обладатель того, что когда-то может принести миру счастье*) ...

И первым самым счастьем-несчастьем... было в разломе истории в 1954-56-м годах – попасть во власть избраньем «комсомольским богом» в 27 средней школе Владивостока еще за неделю до 15-ти... Уже в 10-м классе пришлось расплачиваться за ту чудную власть, возможную лишь на самом излете «сталинщины», – зато еще в феврале 1957-го я в дневнике записал: **«силы идейной у них (у начальства) уже не стало – действовать одной командой уже никак нельзя»**... С тех пор приходится идти мне встречь обстоятельств: в начале 10-го класса объявил неосмотрительно: после школы пойду на завод – вместо того, чтобы выслуживаться на «медаль»... сразу и дома и в школе изрядные передряги... Работой нелегкой – слесарем-дизелистом на ремонте тральщиков и подводных лодок я свой трудовой путь начал... но через 10 месяцев меня в Первомайский райком комсомола взяли, в 58-59-м заведовал в нём пропагандой, в лето 58-го народные дружины в районе организовал, – чем, понятно, сразу страшен стал партийному начальству (но по младости, ясно, этого не понимал): недругом мне

сам Гульченко Александр Никитич стал, в октябре 58-го Первым секретарем райкома партии назначенный (затем секретарь КК партии, замминистра рыбной промышленности Союза кончал) ... Но у меня с лета 56-го, с каникул после 9-го класса, – уже была *запасная посадочная площадка*: как секретарю еще школьной комсомольской организации и члену райкома комсомола – поход школьников уникальный довелось мне организовать, 58-мидневный переход Владивосток-Хабаровск тайгами, пришлось вести его по политико-административной карте в самых безлюдных местах, – и обрести посему на всю жизнь самый основательный в тайге ориентирования навык... – ...Из райкома комсомола изгоняем – я методистом краевой школьной турстанции (при крайоно) в 19 лет взят... там за полгода много познал, с подругой Фадеева Александра Головниной Тамарой знавался, со старшим братом Константина Суханова не раз ночевал в его последней хибаре в Барсовой пади... но в том же августе 59-го в очень сложный переплет попал: на слете юных туристов краевом я крайкомокомсомольским девушкам понравился, через них высоко потом забравшемуся во власть Косте Харчеву, – но он мне не понравился (в книге воспоминаний, давно готовой к печати, всё объясняется) ... через полгода опять в бухте Малый Улисс на заводилке военном экспериментальном малом, на полтора года слесарем вне бригады, – намыкался сполна, особенно в начале, дневник (тоже готовый к печати) вполне отражает... Но с весны 1961-го опять я всплываю «на крае» – в Краевом Совете профсоюзов по самостоятельному туризму инструктором старшим: летом-осенью 61-го во Владивостоке турклуб основал, избирался первым его председателем; в Артеме, Арсеньеве, Дальнегорске (Тетюхе тогда) турклубы, в Находке также в декабре 61-го основал напоследок... В июле 62-го в армию на три года таки взяли, 10 месяцев наводчиком (осенью отлично на автоматической зенитной пушке отстрелялся – после чего оформили вступление в партию), оператором станции орудийной наводки в зенитном дивизионе... затем мне самую широкую возможность изучать себя предоставила армия (сейчас опять-таки такое нельзя и представить! – в 54-м излетающая эпоха сталинская власть сакральную над крупнейшей школой края, как секретарю комитета комсомола, на два года мне дала, – в 63-м – целую дивизию мне, сначала рядовому солдату, изучать – мудрым решением ЦК партии – всего за год до меня в армию забранья – офицеров в политотделах годными на то срочниками замещать!): в политотдел южносахалинской мотострелковой дивизии инструктором по комсомолу меня взяли (отдельная уединенная в комендантской роте комната, полная свобода по всему Южному Сахалину развезжать по своей дивизии частям) ... В тот год – май 63-го – 64-го август – я очень многое познал: и об армии, – и, главное, – из «высасыванья» библиотек областной и особенно Дома Офицеров Советской Армии неустанного (во второй какими-то чудесами уцелели «крамольные» книги еще с годов 20-х) – по пять часов ночами год спал, килограмм с десятков веса потерял, – зато очень многое познал (тогда не знал – но опередил уже я всех, заявленных тогда, – да и теперь! – в истории понимании) ... (Это мне буквально последние полтора-два года предстояло с полнейшей ясностью уже узнать) ... Но тогда, в отдаленном 64-м, мало-помалу мое старшее политотдельское начальство понимать начало – стал срочник-сержант у подполковника-полковника власть реальную – над умами и «сердцами» забирать, – вкупе с сотоварища завистью: в январе 64-го в «родной» зенитный дивизион, где меня политначальство тамошнее, сам по радиции слышал, еще «за мудрость» почитло,

– «на усиление» освобожденным комсоргом (тоже капитанская прежде должность) в Южный Сокол вознамерилось услатить... Но комсомолия тамошняя рассуждала иначе: уже без меня там нашлись умеющие братву забавлять, – одному из них, лейтенанту, комсобрание и отдало комсомольскую власть при весьма комичных обстоятельствах... Пришлось полковнику, политотдела дивизии начальнику, слишком умного («моторного» притом) – и тем опасного сержанта, сердце скрепя, везти в Южносахалинск назад (подробно в дневниках) ... Еще столько же, месяцев восемь, удалось мне с удвоенным старанием областные библиотеки «сосать» (армия уже в основном ясна стала), – и в результате... я в дневнике записал в августе:

«Под марксо-ленинскую схоластику у нас паразитический класс похуже капиталистского на Западе – образовался, ничего не производя, – но фиксируя страны хозяйственную отсталость»... Записал, конечно, не стихами, – разбужен во мне сей дар весьма сильными обстоятельствами более 41-го года спустя, – но то было достижение ума для 24-х лет немалое: лишь годом ранее к такому же выводу в Югославии пришел 50-тилетний заместитель Тито Джил`ас (за что и просидел в тюрьме вплоть до смерти вождя) ... Поверь, читатель, не бахвалюсь, – всю жизнь свои способности как раз приуменьшал: не только *с высоты лет, весьма уже изрядных как не на себя – смотрю на себя*: я объясняю причину главную, почему в 91-м **временно** пала Советская власть... Будь вблизи от власти в 91-м хотя бы десток таких, как я (не в 24 года, а уже в 52) ... но этого не могло быть никогда... почему – в книге сей вкратце разъясняю... Но выводы из этого всего главные: – *образование этого паразитического класса под марксистскими словесами – гибель капитализма по меньшей мере на четверть века задержало – от нанесенного доблестными дедами тех подлых компр`адоров в октябре 1917-го, – раз; словесно в 91-м переиначившись довлеющего и посеичас худшее в истории страны компр`адорство, – открыло нанесенную их дедами в 17-м капитализму рану – и вот он и в агонию, наконец, вступает, – два»*... «Вывод из выводов» капитальнейший – я пришел к нему в конце 91-го... через 27 лет после, 14 марта 67-го, «бессрочного» капитализму приговора прописания... И лишь по миновании того крутого исторического перевала...

Ну, а в 64-м, тогда, в том суховатом августе, меня таки «на усиление кадров» в Анивский полк комсоргом мотострелкового батальона начальство сплавило... Годик выпал тяжкий (дневник читайте), – но филологию за тот год изучил основательно (в местной библиотеке книжки нашлись всех наших этой науки светил), – изучил так, что в 65-м, тоже в августе, в ДВГУ на исправфак экзамене, симпатичная филологиня-экзаменаторша воскликнула на русского устного экзамене: – Вы филологию лучше меня знаете, зачем вы на историю поступаете! – ... – Зачем же мне тогда на филологию поступать, если ее и так уж знаю? Историю, я считаю, что похуже знаю – ... Но... через «колхоз», менее полутора месяцев спустя... к моему разочарованию величайшему ...оказалось, что и историю я... если не знаю, то понимаю гораздо лучше **всех** преподавателей, единственной докторицы, по источниковеденью, не исключая (ее я в первом же семестре, по истории СССР кандидатшу заболевшую нашу подменявшую, и прием 65-го историков наш, из детей-девочек, и немногих еще абитуриентов, и из армии из 25-ти всего нас трое, состоявшем, – чтением из книги какого-то древнего автора о любви Марины Мнишек и Самозванца нас забавлявшую... но мне было не до забав, не до историй выдуманных душещипательных (почему особенно – чуть далее... ..поверь, читатель, не бахвалюсь, – я с высоты лет как другого смотрю на себя: – я объясняю причину главную, почему 27 лет спустя **временно** пала Советская власть) ... Разозленный-раздосадованный, я докторицу двумя-тремя вопросами по эпохе Смуты прервал безжалостно, она покраснела, смешалась... потом, как ни в чем ни бывало, чтение продолжала... угомонился и я – ей же источниковеденье каверзное на старших курсах сдавать... Но она благородной весьма оказалась – и доказала мне свою гражданственность! – когда я, после первого курса на заочное, наконец, перейдя – через год уже до последних курсов галопом добрался, всё на «отлично» сдавая, – получив направление в деканате, ее разыскал, бумажку протягиваю, она: «Мне у вас нечего спрашивать – вы уже историком пришли к нам», – и проставила мне в зачетку, ко всем прочим, два или три полновесных своих «пятака»)Единственное для меня пятно светлое в том универе (да, в Южном меня, сержанта, по должности в двухгодичный университет «Марксизма-Ленинизма» для офицеров при ДОСА, по состоянию на должности капитанской записали, ни единой лекции, конечно, я не посещал, подполковников-преподов маленьких, как Бобчинский с Добчинским, философа и полит`эконома, от всей души заранее презирая... Сдавал – хочешь-не хочешь, а надо – лишь экзамены... и на выпускных полит`эконом меня так раз`ярил каким-то вопросом схоластным по странам «народной демокра-

тии», – что я, ответив ему, как на самом деле обстояло, в пустынный коридор выскочил всердцах... Следом за мной с физиономией более мягкой, чем у политэконома грубоватой, философ вышел: «Молодой человек, вы на... имя-отчество... рассердились, даже нагубили, – а он вам поставил „отлично“ и мне сказать поручил, чтобы вы непременно по гуманитарной линии шли, я к нему присоединяюсь: вы далеко можете уйти...» ... Так подполковники маленькие передо мной оправдались, – и, приободрив похвалой за «диссидентство» меня, – проявили тайную свою гражданственность... Вот какими ирреальными светлыми пятнами – кроме дипломов в двух универ`ах, с одними только «пятакими», – приходилось утешаться... А университет Дальневосточный государственный репрессией мракобесной сразу встретил меня...

Как в капле воды, в сем казусе эпоха гнусная послесталинская отражалась, посему в сей преамбуле надо упомянуть вкратце... Армия в последнюю неделю буквально в ней пребыванья изрядную тяжесть взвалила на меня, – зато дала мне всего за четыре ночи и дня и в людоведенье и в юристике-криминалистике понятие неслабое... В отдаленной ракетной части, в глухих сахалинских горных лесах, пятерка «дедов» наглых вконец истерроризировала молодых солдат: год почти терпели те чрезвычайные издевательства, – пока одного не избили до реанимации... в госпитале армейские юристы весьма серьезное уголовное дело размотали... Общественный обвинитель из срочников был надобен – а кто же в дивизии, кроме меня? – посему судебный процесс решили провести в полку Анивском... Ночами дело... помнится... пяти-томное изучал, вникал, на процессе сидел три дня, речь обвинительно-оправдательную составил, первым ее зачитал (затем уж обвинитель государственный, полковник военной *юстиции*... потом мою речь похвалил, «вот только вы, по-моему, слишком в психологию зарылись» – «надо же мне и для себя что-то извлечь было» ... крепко друг другу пожав руки, мы простились) ... Продолжение сей главной в жизни передраги, постигшей меня в авг. 65-го в Дальгосунивера вратах – на стр. () читайте...

Есть связь времен – времён продленье: оно лишь в связи поколений... Связь эта прервана... уже полвека невероятной гонкой техники, – что в услужении войне, – война же впредь – всему конец: и потому не быть уж ей (но это – жизни усложнение на основе *самоуправления*... *Венец абсурда современья – оборзенье денег...* С «разоруженьем» «**мудро-принудительным**» КПСС дошло – держали капитализм лишнего полвека *своей страны лишением!* Паденье денег оборзевших воспоследовать не замедлит!...

Так что покуда – продолжение бед (на «ровном», как обычно, месте: то есть *глупокопытия* животного следствием) ... Беды и вынудят возврат к Советам, к великому лозунгу: «От каждого по способностям (которые у людей *безмерны!* Всё дело – лишь направить верно) – каждому по (*оправданным!*) потребностям»... Из этих «ножниц» Правда, верно, в конце концов и воследует...

Без бед не может быть Побед!.. Правду подьемяют всеословные – по всему миру! – Советы... с нею – добрососедство, – а с ним – и верные деньги... А Правда в главном – в возвращении к земле, к семье, – в добро-разумности общения, – в стремлении жить трудами своими «до самая смерти»... Правда отнюдь – не в праздности «на пенсии»... Заголовок и все три стихотворенья до 4-х утра 11 янв. 2012

Отсюда начиналась в авг. 2011-го книга

...Тайфуна, может, испугавшись надвигавшегося (в начале 2011-го августа), вдруг разом моя электроника отказала: в смартфоне скис аккумулятор, в компьютере курсор прилип, – решил набрать я изречений книжку на пишмашинке – *бездействия почти на семьдесят третьем ни дня уже не мыслю...* ... В моей **четвертой** библиотеке есть (от пожара уцелела **третьей**) книжица «Меткость слова» (Афористика как жанр словестного искусства. Москва,

1975), Н. Т. Федоренко, филолога (тогда известного), академии наук СССР члена-корреспондента... На 4-й странице он так определяет жанр: «Афористика – одно из средств образно-речевого выражения мудрости, совокупность интеллектуальных изречений, ограниченных в лаконичную и совершенную форму», – короче: **«Афоризм – это емкая мысль, сказанная сжато, точно, красиво»** (впредь собственные афоризмы, возникшие в работе над книжкой, – в том числе и переложения с улучшением, – выделяю жирным шрифтом, более важные еще беру в курсив, – а особо важные – еще и подчеркиваю)...

На 15-й странице Э. Кроткого (совсем неизвестного мне) глубоко верный афоризм «Бездарность легче прощают человеку, чем талант» – я бы сказал еще афористичней: **«Бездарность прощается легче гораздо – чем талант»** (ясно вполне – речь исключительно о человеке).

На 24-й странице перевод тоже очень справедливого Шатобриана афоризма: «Леса предшествовали человеку, пустыни следовали за ним», – я бы уточнил – слишком медленно движутся леса и пустыни: **«Леса встречали человека – пустыни за собою оставляя»**... (Ставлю вместо точки многоточие, – поскольку опустынивание усиливается) Наверное, лучше так:

Леса человека встречали – пустыни его провожали

Краткость не всякая верна: на 33-й странице расхожее выражение «Деньги делают людей чужими» – верно не вполне, – к тому же **деньги на самом деле ничего «не делают» – это люди делают в стремлении овладеть д'еньгами** О деньгах, пока солнышко из тумана не вышло, и компьютер я не включил (после полутора недель без солнышка экономить энергию солнечные панели вынужден), набросал я на полях Федоренковой книжки:

Деньги удобство мощное собою являют, сводя все занятия к общему знаменателю: создают, пока в силе человек, блага, – стремлением, деньгами запасшись, на будущую слабость обезопаситься (**денег запас – на будущее безопасность**): созданные блага потребляются не сразу, – и есть что малым, слабым, старым дать... *Поэтому с самого начала мощным двигателем развития стали...* Но они и разобщают при распаде общины патриархальной – и затем в тесноте, в городах, – стремлением обезличенными знаками, мало места занимающими, – не заработанные блага задаром деньгами забрать жадными и духом слабыми, но наглыми и нахальными, – создавая тем жирную почву криминалу, – действительно, отчуждают людей всячески...

Деньги от общин «гамузных» – патриархальная семья, «мир» селянский – освобождают, набивают селянами города, – тем революции, войны порождают, – но и **позволяют** – это еще грядет! – в конце-концов **вновь общинами на земле собраться, – но уже не принудительно, а по призваниям и симпатиям..**

Деньги возникли в 8-м веке до нашей эры чеканкой монеты – в Лидии, в юго-западной части Малой Азии, – *и уже через век – «архаические» революции во всех более чем стах полисах Греции; греки умели* – их вынуждала скудная их земля торговать! – **пускать в дело монету**, – потому у них и расцвела к веку до новой эры пятому демократия (и созданная ею культура озаряет все предстоящие ей века)!.. А не умели (деньги тратить) персидские сатрапы! Они сидели на мешках с монетой, клали ее в закрома, – и сокрушили их не столько малые по сравнению с персидскими силами греков войска, – сколько то, что Александр сразу дал ход *сокровищам гигантским*, после второй значительной битвы с Дарием при Иссе захваченным: в смысле буквальном **приобрел** в самой Персии сторонников массу...

До века 15-го монеты в Европе не хватало (потому не мало, что вследствие застоя хозяйственного не было инфляции, – и монету *тезаврировали*, то бишь скапливали), – и потому

там так болезненно восприняли инфляцию, кою учинили испанцы, выбросив на рынок массу золота-серебра американского... Тогда-то, ощутив с великой досадой «усушку» своих запасов серебра и золота, – их и стали борзо во что-то вкладывать, – что было одной из причин – не малой! – начала капитализма... (и следствием самым главным возрастания плотности населения в Средиземноморском регионе, «средиземноморизации» (**мой неологизм, новый термин**, однако) границ в нем, – и вынудившей Великие Географические открытия) Инфляция до века 17-го не раз разгоралась в Китае, где еще до века 10-го впервые придумали деньги бумажные – и деньги «летучие» – векселя; инфляция издавна порождала в Китае грандиозные войны «крестьянские» (хотя какие «хрестьяне» в Китае?) ... **Инфляция функцию денег, как средства сохранения впрок результата труда, сильно ослабляет, – что по бедным сильно ударяет, – но богатых шевелиться заставляет, в производство нужного чего-то вкладывать...** То есть, *инфляция – «бич» виртуальный, – но по бедным бьет больно и прямо, «вкалывать» на износ как бы без принуждения прямого заставляет, – а у богатых вынуждает предпринимательство: от его результатов и бедным перепадает, – но и массу тунеядцев, развратников порождает, – до пор недавних их в войнах друг с другом травливали (захватывая и массы неповинного селянства); но как физики-математики сделали войну совсем «нерациональной», – то как (будет) дальше – не совсем ясно... Просматривается: **раз невозможной стала война фронтальная, – то на проблемы грознеющие людства самым широким фронтом надо наступать**, взяв лучшее из всех предшествующих общественных формаций (рабовладение и капитализм исключая) Но если будущее в полном мраке, – то и на прошлое во времена у нас недалние глупо *корыстие наше недавнее* нагнало много тумана, – и, его не разогнав, – в будущее не заглянешь!..*

... Неприятная – всего лишь вдвое! За век! – Инфляция в Европе в веке 15-м стала забываться, – и скопидомство протестантское в веках 16-18-м, как у персидских когда-то сатрапов, – возобладало... Психология богатых такая же уже в начале века 20-го, – когда борзая механизация вытеснила с земли населения массы, – а в городах веберовская «протестанская «этика» богачей не позволяла им с должной скоростью занятия «быдлу» создать!.. – Почему и понадобилась Первая мировая война, – чтобы миллионы людишек лишних в **взаимобойне самоистребились, – а остальные фронтами дисциплинировались** ... Но в результате просчитались: **в истории впервые имущие власть классы возмездие возымили! Революцию великую в России пролетарскую*!.. Фактически начало революции социалистической всемирной** (которую Ленин сразу провозгласил, вернувшись в апреле 1917-го в Россию. Заметим: **не несуществующий «творец» взял на себя возмездие, – а в целом обычный, – но волей, мыслью, совестью сильный, в быту очень скромный человек...** Но мы немного от денег отвлеклись – хотя все, сказанное о Ленине, – прежде всего о них... Лишь в кризисе начала тридцатых великом до воротил стало доходить – Кейнс их просветил, – что негоже деньги, подобно Кощею, понапрасну копить! Но понадобилась еще одна война великая (я считаю, однако, что в веке двадцатом была одна мировая война, – а Первая и Вторая – ее этапы), – дабы **тупое скопидомство** обратилось в **безудержное потребительство**, – которое тоже грозит бедами великими... И в войне фронтальной, науки-техники стараниями, – она всё ж таки дисциплинировала, – уже не может быть, – хотя и кровавого, – выхода... Выход один – в **землеразместительном** (тягу к афоризму-неологизму мне простите) **коммунизме...** *Как раз непрерывная (перманентная) инфляция и создает его предпосылки...*

Людство не может беды упредить, и пущая из них – о, парадокс! – труда борзая, необузданная производительность**, – что делает людей всё больше лишних... Доныне в войнах выход находился, равно болезни, мор особенно младенцев, – теперь оно меж Сциллой

и Харибдой: людей всё больше – качество всё ниже... **Петля всё туже взаимозависимости** – боюсь, страшусь: уж не конец ль людства приблизился... ..Как отворотить – я напрягаю мысль (пред собственной кончиной наисильную) ... Но беды близкие не отворотить! Только они и могут гибель отдалить... 26 июля 2011 г.

*По древнеримски, то есть по-латински, *proletarius*, пролетарий, – от *proles*, дитя, сын, потомок, *потомство*, – *народ* по-русски то есть... Пролетариат – **часть населения, обладающая одним лишь своим потомством.** ... Экскурс я сей в лингвистику предпринял, дабы отделить это латинское *имя существительное* от русского глагола *пролетать*, – с которым несколько по смыслу совпадает: де **пролетариям, кроме своих цепей, нечего терять**, – легко поэтому «летают»... Но если обзавелся детьми малыми, – не очень, ясно, *полетаешь*...

****Важна бесспорно для войны одной труда производительность – и отчасти даже вредит в условиях мирных** ... Она бездельников массы плодит: едва десятый годен ведь к развитию!; – так возникает много лишних, в разврат, занятия пустые погрузившихся (и старичье могло б в селе себя кормить), – **в огромных городах, оторванных от жизни, в отрыве от кормилицы земли (где бы они полезны были, – тем бы и жизнь себе продлили)**.. ... Пока еды производителей борзая гонка *изощрений научно-технических стимулирует* ненасильственно сонмы огромные сих городских бездельников кормить, – но очень быстро (в мерах исторических – *десятилетия два три* от силы) *игрушками, полезными весьма условно (и весьма немногим)*, **рынок таки насытится**, – исчезнет у селян стимул трудиться **значительно**... что будет – трудно представимо...

...**Апокалипсис произойдет очень быстро: встречающая произойдет шишбка**, поелику «быдлю», подталкиваемое оборзевшим рынком, всё еще в переполненные города ломится, – супротив необходимости, полвека уж нависшей, **сильно города проредить**... Финансовая попытка, предпринятая в 2002-м в США – после «падения башен» 11 сент. 2001-го, *наверняка спецслужбами инспирированного* – города ипотекой разгрузить (равно и трепыхания Штатов геостратегические) – привели в 2008-м к колоссальному финансовых «пузырей» кризису, – который может разрешится гибелью капитализма лишь... (**полвека его придерживали своим «недопотреблением» мы**, – но *зависть всеми эмоциями руководит!*, – это и без того слишком долго длилось: уж 20 лет, как «образумились» мы, – и вскоре же – через пять-семь лет – началось исполнение приговора капитализму, еще в 1917-м у нас историей вынесенному: после удара страшного в октябре – он... с восьмидесятилетним промедлением ..., наконец, в агонию вступил... Агония капитализма сравнительно недолго будет длиться, – но труп его будет долго гнить... потребует еще целый исторический период если не диктатуры пролетариата (пожалуй, она уже сделала надобное у нас в 1919), – *то строгого народного контроля*... Вот тогда-то, как предрекал Бертран Рассел еще в 20-го века годах 20-х, очень человечеству пригодится «опыт советского коммунизма»... ..*Переоценка сапиентности в человечестве марксистами, взгляд на человека слишком оптимистический*, сильно виденье исказило перспективы исторической; ленинисты значительно перспективу сию прояснили практически; само ускоренье технического развития апокалиптическое вынуждает, так сказать, «подтягивать тылы»: *ускорять* под угрозой гибели и умственно-нравственное развитие...

Борзые экспортом (чересчур с железяками умелые) – немцы уж возбужают, мол, докуда Греции швырять всё больше, больше денег, – без всякой на возврат долгов надежды?..

А там Италия с долгами, и Испания, – и даже – что кажут Евро (Союзу)! – уж маячит на горизонте Франция, – и... тогда напрасны полувековые старания по Евросоюзу созданию...

А думать было надобно заранее, как бы помочь* хоть грекам тем занятия создать, чтобы могли платить за их фольксвагены, – которых более четырех миллионов за год упёртые тевтоны намастрячили, – чуть даже более – первое место мировое – не менее борзые янки в одном

только дженерал моторзе, – чуть менее – старательные самураи в одной только тоёте (но четырех миллионов авто все ж больше!), – которым землетряс не дал, цунами в полную меру «деби-лэнергии»** загадить мира города тоётами, ниссанамиНо помощь в пущей механизации таки всех бед не отвращает: авто людство уж вскорости задавит, – коли его как следует не взнудать... Давно одуматься пора бы, – гонку безумно-борзую моторов как-то придержать, – к лошадке доброй, что ли, возвращаться... .. А в общем – социалку всю менять: **убавив жестко тунеядцев** (прошу к «экстриму» не причислять! Не призываю – проясняю: ненасильственно богемы убавлять), – *к природе-матери пора всё ж возвращаться...* 6 августа 2011г.

***Эпоха поворачивает круто с конкуренции на сотрудничество! И, вспомним, – у нас же бывало вместо конкуренции, – сотрудничество даже в соцсоревновании...**

И даже многое тогда мы делали, лишь за кормежку, – задаром. ...В первый свой «колхоз» в 54-м я выполнил за полдня четыре с половиной дневные нормы на кладке сена копён. «Никогда у нас ни один мужик не ставил копён за день столько», сказала вечером учетчица. ...В краевой газете даже отметили. А мне было всего-то 15 лет без трех месяцев. **Осталось у меня от того моего «трудового подвига» в подсознании: значит, мужики не очень-то стараются...**

**** Неологизм** как раз сей к теме

(Вставляю развитие темы «оборзения экспортного немецкого» через месяц:

*Сошлись на бедной этой женицине (Меркель) все беды европейские новейшие! Конституционный суд немецкий решает со дня на д`ень законность предоставления денег Греции... Дать эти деньги – поощрить и дальше нерадение к трудам у греков; – не дать – безделие в своей стране: как сбыть тогда немецкий экспорт оборзевший... На плечи всё сей бедной женицине (куча советников, конечно, – но что им присоветовать теперь по тем проблемам, – что создавали детородством женицины, – а разрешались прежде лишь в войне излишка уничтожением, – а это запретила наука-техника!) ... **Выход есть: замена сотрудничеством извечной конкуренции, – но значит это – скачком животность преодолеть в людстве!.. А чем? Со-вестью... Великие прецеденты уже есть...** (Минут за десять – и сразу, без поправок совсем) ... 7 сент.*

Кудрин «На свете живучи, Плон ел и пил не сладко,
не znalся он ни с кем, одет всегда был гадко,
он тратить не любил богатства своего:
(Сумароковское *спокоен, что уже не тратит ничего*, заменил своим)
доволен – уж совсем не тратит ничего)...
<1756> А. П. Сумароков, ДРУГАЯ ЭПИТАФИЯ СКУПОМУ»

У пса при сундуках с золотом, как и положено, челюсть бульдожья; массивна, должно быть, у цербера и «ж...а»: одиннадцать, как-никак, лет он на казне сидел, не давая пустить ее в дело; сам он (не как тот Плон) – znalся достаточно с денежными мешками штатовскими, ел и пил наверняка сладко (но многим у нас не давал); сундуки с деньгами от сырья открывать боялся, – дабы чиновная его же братия тут же не разворовала... Кое-кем до сих пор восхваляем: де не затопила первая кризисная волна наши финансы благодаря валютным запасам в банках заокеанских... Так тем вернее затопит вторая, – уже и вздымается... (Ну что же: придется тогда сразу же за собственный ум-разум браться) А с воровством надо бороться... не (жс) *попой – но головой, – то бишь государственной строгостью...*

Животным остается человек, покуда эгоизм не одолеет – в себе... в семье... в своей стране..., – и, в высшем смысле, – даже во всем Свете...

Вот в афористику ворвалась злободневность... но завершим обзор вступления Федоренко... На стр.49-й мысль, с детства весьма мне близкая: «Каждый хочет быть (? – слыть! – Ю.Б) умным, – а тот, кто не может быть им, – почти всегда хитер» (Самюел Джонсон (1709—1784) ... Позволю этот важный афоризм себе в размере перевести и рифме...

Хотел бы каждый умным быть... Кто не умен – хотя бы слыть... Каждый почти тут прибегает к хитрости... *Ум с хитростью никак не согласить: хитрость не даст уму развиться – ум не позволит до нее спуститься...* (Это другая моя вариация на тему сего изумительного афоризма Самуэля Джонсона, – первую при окончательном редактировании прочел, уже сочинив эту вторую)...

Действительно, ровня-шпанята в детстве раннем – хотя развитием их много опередил, меня, как правило, превосходили хитростью, – но только раза два удалось меня им «обдурить»; и лет с семи я уж ощутил, – что **хитрость есть повадка страусиная: голову в песок зарыть, опасностей действительных не видя...** А афоризм Джонсона я бы так перевел, дополнив разъяснением последствий хитрости...

Каждый хотел бы умным быть, – а кто не может – умным слыть: маска ума есть хитрость, – но хитрость есть повадка страусиная: хитрец лжецом рискует ведь прослыть: тем самым он лишается доверия (кредита)...

В томике Федоренко из 256-ти (небольших) страниц 102 занято прозой – очерком истории афоризма, – и к ним приложены на 154-х остальных сами афоризмы из сокровищниц их всемирных... За два утра я сделал из наиболее важных выборку (делясь с добрым соседом, военным пенсионером Старовым Мишей) – восторгался, улучшал, где надо уточнял на двух листках (с обеих сторон) на старенькой расхлябанной пишмашинке.

Распределяя с племянником Саней, куда послать вирши – выше, о кризисе, – он «Конкурент» «задробил», – мол, «либеральный листик» ... И в результате этого разговора на мобильниках с того же листка, где стихи, такой вот актуальный афоризм:

Либерализм – это не свобода (творить добро), – а вседозволенность... безудержно торжествовать животности, – что угрожает уже концом людского рода...

Свобода – это дозволенность творить одно лишь добро... Либерализм, равнодушием к добру и злу, – даже антипод свободы!, – попустительством более сильному без сопротивления ему злу... (подчеркнул – и еще добавил:

Зло может двигаться само, – добро же требует усилий совести: но побеждает *до сих пор* оно борений всех в итоге... 24 сент. 2011)...

Исходит зло из первобытной животности, – и при дозволенности – безусловно теснит **добро**, – которое значительно моложе, – **нуждается** посему **в культурных условиях...** (А вывод этот – уже к *действию руководство*)...

А далее выборка наиболее важных афоризмов по книжке Федоренко страницам, мои попытки их зарифмить, – и мои комментарии к ним

с.110 Будущее движется с величавой медлительностью (как это видно? – Ю.Б.), прошедшее стоит в безмолвии (только прошедшее и говорит, – настоящее – вопит!, – будущее покуда молчит – Ю.Б.), а настоящее летит вихрем Ф. Шиллер

Вся жизнь прошедшая мгновением мелькает, живем одним лишь мигом настоящим, – но ради в будущее его продлевая... (Из моей элегии к своему 70-тью, 12 октября 2009-го)

с.117 Россия в лице образованных людей своего общества носит в душе своей непобедимое предчувствие великости своего назначения, своего будущего В. Белинский

Россия в душах людей лучших несет победное предчувствие великости своего будущего... И не в «науках» всяких, технике, – что есть лишь вынужденное средство, – и даже не в искусствах, – что есть забава, утешение, – но в *справедливом землеразмещении*, – что есть важнейшая из целей...

Мне нынешних молодых жаль искренне... Уже не могут мыслящие из них в тайгу, как довелось мне в 1971-м, «сжегши за собой все мосты», на 11 лет и зим уйти... К местам укромным зимники везде подступили – и лес высвистывается за границы по ним, – и соболя раз в пять уж в цене опустили (и съест инфляция доходец весь, – покуда к людям по весне выйдешь) ... Держали деньги всё же коммунисты... ценой стагнации, однако, – и торможением развития поплатились (и – без сомнения, временно, – и доверием населения) ... **Да и времена судные вновь подступили...** Мои поколения – кому теперь за 70, – попали, оказывается, во времена самые мирные, – и *всем стеснениям вопреки (или как раз благодаря им!)* – и *в самые до них справедливые*... Теперь же более, чем когда-либо, – мерзостей накопилось, – и мыслящие из молодых – в политике необходимость... Как бы ни омерзительны были им, как мне к тридцати, *осатаневшие к тому ж теперь на технике* людишки... (Если бы в годы мои молодые, – или хотя бы леты зрелые, – была хотя б малейшая политика – **вместо политики после войны у нас было лишь замполитство**, – в тайгу на лет целых одиннадцать погрузиться я бы и не помыслил)...

А было то удачей личной исключительной! Нет – даже счастьем надобно считать! (**Удача – это когда зависит больше от тебя, – счастье – от обстоятельств**) ... В 71-м еще соболя (у нас) не ценились, в госпромхозе еще участки пустые наличествовали, – а в 72-м у народа уже «нефтедоллары» появились, – женские шапки соболиные в моду вошли, – и на охотучастки очередь выстроилась... своих, – и мне бы, чужаку, уже бы в охотники не пробиться «ни за какие коврижки»... Ну, а об охоте, об этом одиннадцати-осенне-зимнем с природою суровою моим уединенным поединке – мысли и впечатления мои неисчислимы... То было уже **третье** мое счастье: в **первом** – именно в последнем квартале* 1939-го родиться – я уже никак не повинен; **второе** – избрание в 54-м в комсомольские в школе секретари (и потому последние полтора года сталинщины «на посту» я, властным весьма, захватив, имел забег значительный в развитии); – немало от обстоятельств зависело**, – но уже и от меня значительно; **третье**, самое, пожалуй, редкое: в охотники в 71-и определиться, – тоже от обстоятельств, от случая всецело почти: – у беспартийного директора Жиленко, моего тезки и ровесника, был еще **пиетет** к партийцам; ну и, к всему сему, – сумел я волю проявить

*12 октября, – почему ** в 1946-м в первый класс не взяли, и когда меня в начале 8-го класса – совершенно для меня внезапно (в пионерии никаким активистом ведь не был, в школе мало известен* был, а в своем седьмом классе даже нижеупомянутой дискриминации от главенствующих переростков, ранее меня принятых в комсомол, подвергался), секретарем коми-

тета комсомола (в январе лишь того года получил свой комсбилет!) избрали, – таки смог я благодаря своему характеру с двухтысячной школой справиться... Потому еще, что в первый класс в 47-м я пошел уже почти в 8 лет, и в сентябре 54-го был старше большинства восьмиклассников, ровесником $\frac{3}{4}$ девятиклассников, – а сотне выпускников-десятиклассников вместе с аттестатом – мои комсомольские характеристики получать, – без коих в вузы не принимали

***Известным минимально, как «политикан»,** я стал благодаря... смерти 5 марта 1953-го Сталина: в конце марта на смерть вождя приемом в комсомол школьников ответили массовым, – и я, хотя до 14-ти более полугода не хватало, тоже заявление общим «гамузом» подал, – и, шестиклассник, был по политике всей полутора сотне принимаемых, в основном из седьмых и восьмых классов, консультантом (на комитете и затем на бюро райкома спрашивали, где какая страна, какая там партия правит, чем они отличаются, кто глава государства и правительства премьер-министр), – все это я знал (будучи подписываемого отцом «Красного знамени» усердным читакой) – и меня мало-мальски в школе узнали... (Но именно только меня сразу в комсомол не приняли, но – утвердили заочно по анкете в августе, – но только в январе 54-го о сем узнал: – в райком вручить комсомольский билет позвали; а в сентябре того же 54-го я – уже трехсотенной комсорганизации секретарь, на районную комсконференцию избираюсь, в октябре – член райкома комсомола, единственный из школьников и так далее... немислимые для отрока почести: – на городскую, на ней на краевую конференцию избираюсь; при открытии и закрытии конференции каждой шесть раз подпеваю взрослым комсомольцам «Интернационал»... ..Если первое судьбоносное обстоятельство было чисто *экзистенциальным*, совершенно не зависящим от меня, – второе было *чистейшей случайностью*: в июля 54-го начале – мне повестку в колхоз, как еще не старшекласнику, не присылали, – я сам совершенно случайно, впервые за три недели каникул, забрел в двор школы, где собралось с полсотни старшекласников, и, единственный из семикласников, – втихую к ним приписался! ...В колхозе меня девочки, пионерские активистки бывшие, как политически весьма развитого узнали, выделился также и трудовыми стараниями (выше* упомянуто), – был в комитет по предложению одной из девятиклассниц на отчетно-выборном собрании избр`ан, – а уж в комитете из девяти выбирать секретарем, на любой взгляд, – было просто некого, окромя меня: и предложил директор Бутовец, – а назавтра – читайте ниже – я его влияния в школе *политического* вынужден (им же) лишить! Теперь сие не представимо, – а в первые полтора года после смерти Сталина еще возможно было – в силу вышколенности **общества** сталинщиной, – и, опять же, моего характера... Но я уже на всю жизнь лишился способности подчиняться*, – это вело, ясно, к многим мытарствам, – зато снабжало меня опытом уникальным... И – самое главное! **Моим характером эпоха сталинская на своем излете будущему оставляла** (как «семена»)!) строгую *принципиальность*...

* Не только глупым начальникам, – но и всему порядку бездарному, – а поскольку не было надо* подымать на него восстание, – а нужно было ждать, пока не *отгниет* сам, – то и пришлось мне – к моему же благу (разве недобрал сколько-то «баб») по тайгам лучшие годы скитаться (может, именно потому и могу вот теперь, к старости, с предложениями «выступить») ... что в годы сильные я «сексом» – не истаскался...

***Вот только и дошло различие между «нужно» и «надо»!** Нужно – делаешь из нужды для себя, – надо – в силу категорического (морального) императива (кантовского, – Кант был революционер, однако), – и для других.. Отсюда следует афоризм важный:

Лишь тот *революционер*, – у кого над «нужно» – «**НАДО**» дозвлет...

с.121 Мое личное чувство перед лицом вашего великого коммунистического эксперимента является прежде всего чувство стыда, – что Англия не вступила вместо России первой на ваш путь. Б. Шоу

Отсюда ясно – не мыслитель Шоу: совсем в истории не разобрался... Никак не могла Англия на месте России оказаться! Только на малых островах могла механизация зародиться, – как защита от сильных континентальных неприятелей, – числом раз в десять англичан превосходящих (в случае завоевания Европы прилегающей Испанией или Францией) ... У России не было подобной надобности: она как раз **стала жертвой механизации, – и силой потому главной, способной силу эту адскую обуздать...**

Уже после того, как я за афористику взялся – волнения молодняка в Англии! Возмездие за пятисотлетний ход в никуда – на наших глазах начинается и в Англии... Ну, англичанам есть еще пока куда расселяться... **В землеразмещении рациональном** есть еще шанс с Россией сравняться... ... о чем мечтал когда-то Шоу старина...

с.124 Человеку свойственно не только преклоняться перед великим, но и стремиться превзойти его (перестановка двух последних слов дает рифму – Ю.Б.). В. Мухина

Этой сентенции совсем немного людей соответствует! **Большинство поклоняется величию, когда оно во временной дали, – давным-давно сей мир покинуло... А вживе – почти от всех отчуждение и зависть... Уважение – и стремление превзойти, – у тех немногих лишь, – кто сам – в себе! – несет величие...**

с.125 Природа не знает остановки в своем движении и казнит всякую бездеятельность. Гете

Природа неподвижности не знает – и бездвижение она карает, – хоть за какой суетностью оно скрывается...

с.126 Трудно вообразить, какую силу над материей может приобрести человек. Франклин

Чем более человек овладевает материей в своих животнo-комфортных устремлениях, – тем остается жить ему всё менее и менее... Существования людства продление – в достаточном собою овладении...

с.130 Справедливый человек – не кто не совершает несправедливости, – а кто мог бы быть несправедливым, – но не желает быть таковым. Менандр (*перевод мною сильно сокращен* – Ю.Б.)

Не тот, конечно, справедлив, – не совершил кто несправедливости, – а кто, имея от нее корысть, – ее, однако, не допустил

с.131 Справедливость должна быть сильной, – а сила – справедливой. Б. Паскаль

Если сила соединится со справедливостью, – то что может быть сильнее этого союза?
Эсхил

Слаба без силы справедливость, – сила гнусна без справедливости. Но если к справедливости сила присоединиться, – зло перед ними не устоит...

с.132 Правда иной раз гнется, но никогда не ломается, и всплывает поверх лжи, как масло – поверх воды. Сервантес

Сию сентенцию в стихи перевести:

Правда иногда гнется, – но никогда не ломается, – и, как поверх воды масло, – поверх лжи всплывает

с.139 Гадок наглый самохвал; но не менее гадок и человек без всякого сознания какой-либо силы, какого-либо достоинства. В. Белинский

Самохвал наглый нас отталкивает, – но не менее гадок уничижающийся: общую с ним принадлежность к человечеству – в нас оскорбляет

с.141 В наше время, когда о человеке говорят, что он умеет жить, – подразумевают обычно, что особой честностью он не отличается. С. Галифакс

**Когда «уменьем жить» колют глаза —
хвалятся подлой приспособляемостью...**

с.148 *...Для меня всегда была важна практическая цель.* В.И.Ленин

К этим семи всего словам самый обширный мой комментарий... Всего одно извлечение из Ленина я это краткое высказывание (не афоризм даже, – а Федоренко сборник Лениным, в духе того времени застойно-схоластного, – весьма густо приправлен) ... Зато много своего добавляю...

Мало людей, что ставят цели непрактичные... А «слабый пол» по необходимости весь практичен почти... Однако, **Ленин ставил цели пусть и прагматичные, – но нечеловечески, гигантски великие!** И только этим во все веки знаменит... Не прагматичностью... И – по Борису Слуцкому: «как вы и как я – человеком он был»... Настоящим, могу сказать я напоследок, – человеком...

Пройдя по жизни все этапы, кроме пока бессильной дряхлости (которой, может быть, еще и избежусь), достигнув, главное, сурово-бодрой – и сколько возможно бесстрашной! – старости, – могу возможно здраво о реальности рассуждать... Пока сильны мы – мы эгоистичны, – я разумею в основном мужчин (вот афоризм: **пока сильны мы, – мы эгоистичны, особенно мужчины**) Я отрицал почти всё в советской действительности по той причине, что **(мы) продолжали воевать и после войны, то есть не давали сильным жить в меру их сил, – и тем помочь жить лучше остальным!**.. Я останавливался лишь перед ленинским величием: этот феномен, считал я, мне еще следует доизучить... точнее, доосмыслить... Весной 74-го я из партии, созданной Лениным, вышел по заявлению, – зане совсем утратила потенцию, – вышел, уже имея партстажа десять лет, – и двадцать лет почти – с 15-ти, – и в первые два года рьяного и искреннего, как «комсомольский бог» в школе, ей служения (кроме всех прочих бесплатных работ по созданию энтузиазма в крупнейшей в крае школе, – я, как-никак, бесплатно написал после 8-го и 9-го класса по больше сотни характеристик комсомольских выпускникам, – без коих в вузы не принимали: то есть брал на себя отчасти функцию «творца», время **то такое** их на восьмиклассника возлагало) Подавая в марте 74-го в Совгаванский

горком заявление: прошу считать меня выбывшим из КПСС, поскольку по характеру работы не могу выполнять устав партии: регулярно платить членские взносы и посещать партсобрания, – я уже три года был промрабочим (штатным охотником) в Совгаванском госпромхозе, имея пару «красных» дипломов гуманитарных, и незаконченное высшее техническое «образование» впридачу (уже мог, например, рассчитать в контрольной работе конструкцию из ферм железнодорожного моста), – я придрался к формальности устава партии, высказать с политикой партии прямое несогласие опасаясь, – и все ж таки сильно рисковал: кегебисты всех в Совгавани знали, политработника (в комсомоле, в армии и самой партии) бывшего всех паче: могли бы к соболям, от сдачи уг`аенным, на транспорте придраться, – а это приравнялось к валютным операциям, – и по законам тогдашним каралось строжайше... Кегебисты, позднее оказалось, меня даже молчаливо уважали: от своего беспартийного начальства сразу страдал: в совхоз под Хабаровск стали гонять, – а до того, как единственного в промхозьяйстве члена партии, – не гоняли... Но это-то как раз в конечном счете и обернулось к благу, даже **четвертым** моим счастьем стало: из-за него могу вот на компьютере писать; (здесь заодно и о **пятом** счастье – им явился... пожар второго этажа «дачи», четвертую мою библиотеку сгубивший, – зато к поэзии уже после 65-ти приобщивший)...

Подавая заявление из партии (и в прозе и в стихах давно всё в подробностях описал), имел на заднем плане еще принять в общественной жизни в меру сил своих участие, – если политика у нас все ж таки живет раскачается, – но мы предполагаем, а история располагает: она с желаньями одиночек не считается: аж на 11 лет и зим на охоте увяз, так затянулось мое таежное самоизгнание (зато теперь есть по конец жизни что вспоминать); тормозил бы еще годика три, кабы комуняки меня из тайги не выперли – за отказ капусту под Хабаровском по весне рассаживать, городских бездельников кормить дабы... До 82-го взятками шкурками норок улаживал (командировки отмечали и на все четыре стороны отпускали: в Биробиджане и потом в Теплом Озере я «отрывался» после весной 76-го развода по части «пола слабого»); а в 82-м уже кризис перманентный овощной у нас города за горло взял: стали партийцы считать командированных на **«сельхозрабство»** по головам: обнаружилось мое отсутствие, скандал: моя фамилия в средствах связи между Хабаровском и Совгаванью замелькала: втык отпустившему меня (о взятке, ясно, я умолчал) начальнику совхозного участка, – а мне из охотников *вылетай*... К великому для меня благу: успел на Чуркине в доме на снос, коего был домохозяин, в самый последний момент прописаться, – и теперь, живя круглый год на «даче», в «замке» из дикого камня, – комнатой в квартире городской в «улучшенной планировки» девятиэтажке располагаю, за кою родня мои дефициты в деньгах гасит, – и потому свои воспоминанья могу вот на компьютере (почти лежа, от покоса остывая) довольно споро набирать...

А Ленина осмыслить – сполна и сразу! – смог я только соображаясь с развитием исторической ситуации, – заодно – что теперь важнее всего! – и Сталина. ... В ноябре 91-го, когда объявил об отпуске цен за месяц предательски Егор Гайдар, внук славного большевика-писателя, – сразу мне все стало ясно! Всё для того на тот момент давно уж знал, всё оценивал здраво, – единственную «ошибочку» ментальную допускал: полагал, пусть циники, но люди знающие там на верхах во власти, – и, главное, – никак не предатели... Вот афоризм: **цинизм никак не сочетается с патриотизмом!**.. Не первый, однако, афоризм за это послеполуночное бдение... комарики к середине августа напоследок стерженеют... но паче мысли после четырехчасового сна галопом скачут, не дают дальше спать... разве только после шести – как отслушаю по радио час экономических новостей на 24-м телеканале, – как там проходит очередная кризисная волна...

...И сразу, *как только Гайдар в конце ноября 91-го, объявил за месяц изменнически об отпуске цен, подрывом торговли в стране сознательным приверженцев-предателей обогащая, – в момент мне стала ясна сталинских репрессий оправданность!* Тогда история не позволяла так бюрократии «отрываться»... Тремя «эс» (ССС) – слезы, сопли, слюни, –

и собственные тридцатипятилетние стенания по тем репрессиям я обозвал: **не было тогда иного средства подлое «крапивное семя» в повиновении удержать...** Как нет и теперь – но теперь **еще пока** терпит (тормозит – медлит) время... Тогда-то, в 91-го ноября, я и оценил ленинское величие сполна, – и что Сталин был, как он сам не раз и говорил, действительно верный (пусть и жестокий, – но мягкосердный* тогда никак не смог бы выполнить вождя революции заветы!) Ленина последователь... Только когда, казалось бы, карьеристы-схоласты, словами (еще преждевременными) в июне 41-го Сталина, ленинское наследие вконец «протравили», – мне стало враз ясно: как раз этим потенция ленинского гения во **продление человечества** начинает обновляться – и будет усиливаться дальше! – ... лет через двадцать (только вот сейчас такие времена начинаются) ... **Вот только сейчас, с 2008-го года начиная, наступает агония 500-отлетнего грабительского «капитала»**, – после ленинского удара страшного в 1917-м... Именно тогда весы жизни или смерти людства колебались, – и не брось тогда Ленин на чашу добра весь свой гений (и – подобно мифическому Христу – и всего себя!), – нельзя представить, насколько бы сейчас свирепели силы зла... В любом разе – не было бы нас...**

*При вовсе не жестоком, чувствительном даже Робеспьере, – тоже головы еще как летели, – а будь он жестче чуть, – не погубил бы, может, великую Французскую революцию...

**Оставляю капиталу все его хозяйственные обязанности, – но забираю все политические «права» – жизнью и смертью ЧЕЛОВЕЧЕСТВА распоряжаться!..

В союзники себе в оценке Ленина привлекаю... Сергея Есенина... Хотя он не дожил и до тридцати лет, – а я уже перевалил за семьдесят, – тем удивительней его в 25 **историческая зрелость**... и даже с моей в 70 в этом совпадение: вот это-то **мудрость и есть...** (Как и в других подобных случаях важнейших, я позволяю себе улучшить этот отзыв поэта-предшественника, – что, несомненно, он бы и сам сделал, доживи до моих лет; – называю поэтому **ТАНДЕМ С ЕСЕНИНЫМ**, – что-то вроде привода поэта прошлого к уровню современной точности):

«Монархия! Зловещий смрад! **Веками жрали** (у Есенина «шли пиры за пиром») – **пир за пиром, власть уступал** аристократ (у Есенина: «и продал власть» – Ю.Б.) промышленникам и банкирам. **Мужик** стонал (у Есенина «Народ стонал – но народ – это и трудящиеся, и угнетатели – Ю.Б.), и в эту жуть **мир ждал его: приди, рассуди...** (у Есенина: «страна ждала кого-нибудь» – Ю.Б.). ...И он пришел – **и волей мощной поставил мир на путь он должный** (у Есенина: «он мощным словом, – но Ленин силен был не одним только словом – партией, им созданной, – по велению всей российской – и всемирной! – истории) повел нас всех к истокам новым»). ...И вот он умер... Плач досажен. **Сквозь славословья – голос бед** (у Есенина: «Не славят музы голос бед» – Ю.Б.) Из **огнегрозных** (у Есенина «меднолающих» – Ю.Б.) громадин салют последний даден, даден. Того, кто спас нас, – больше нет. Его уж нет, а те, кто вживе, а те, кого оставил он, страну в бушующем разливе должны заковывать в бетон... Для них не скажешь: «Л е н и н у м е р!» Их смерть к тоске не привела Еще суровой и угрюмой они творят его дела...»

Сергей Есенин, из поэмы «Гуляй-поле», 1924

Как видно, в этих строках не только верная современная оценка Ленина, – но и яркое свидетельство большого ума еще только 29-тилетнего поэта, провиденье им исторических неизбежностей вперед на десятилетия... И нет меры сожаления о его столь преждевременной смерти, – особенно при нынешнем переполнении массмедиа... лживо-пристрастно-неверными «задними мыслями» ... после судьбоносных событий спустя... почти уж столетие... 5 ноября 2010 г.

Далее аж на 38-ми страницах не нашлось глазу ни на чем важном остановиться, но вот на 186-й странице:

Люди умирают для того, чтобы жило человечество В. Белинский

Не для того – а потому: без непрерывной череды рождений и смертей не мыслимо было бы развитие, которое вот на нас, существ мыслящих, – космоса отражение, – вывело материю вблизи от полного ее охлаждения – **обездвижения, – которому жизнь и есть – материи сопротивление...**

Жизнь есть сопротивление материи обездвиж`ению

Смерть – неизбежный результат рождения, без смерти не было бы жизнедвижения: смерть отрицает всякую божественность...

с.193 Смерть для человека – ничто, так как, когда мы существуем, смерть еще не присутствует, – а когда смерть присутствует, тогда мы не существуем. Эпикур

Ничто, однако, нас, как это «ничто», – так в тоску не вгоняет, с детства начиная, как только смертность начинаем сознавать: тогда вот неизбежность эта, за много десятилетий до вероятной смерти, – особенно остро переживается и мистически-эгоистический протест вызывает; с движеньем лет, с взросленьем разума мы начинаем понимать: без смерти человечество не развивалось бы, не возник бы сам разум, – и переполнилась б тогда земля... И мало-помалу со смертью мы смиряемся – и о проклятой временами даже забываем... пока вплотную не притиснут к ней года; тогда тоска та злая вновь всплывает – как это в сон беспросыпный, без сновидений впасть?! (Года за два до семидесяти у меня, – а самая острая тоска лет в 37 впервые посещала). ...Тогда единственно тем утешаемся: пока живем – как можно больше жизни дать, что после нас, надеемся, останется... Тем и **свою, как только можно, жизнь продляем, – себя как следует трудиться в старости заставляя** ... чтобы костлявую подалеже отогнать... Хотя и вероятность смерти повышается, – но как совсем уже не предаемся праздности, и всяким легкомысленным занятиям, – то снова о проклятой забываем... Ну, а когда таки совсем припрет кося, – уж не смогу, друзья, вам рассказать...

А афоризм Эпикура великий я бы так переложил:

Покуда жив ты – смерти нету, – а смерть пришла – тебя уж нет! С ней нет ранд`еву!.. **(Но как отвлечься от тоски пред ней?!)**...

Важные афоризмы о смелости

с.220 Судьба боится храбрых, давит трусов. Сенека

с.220 Кто храбр, тот жив, кто смел – тот цел. А. Суворов

объединил бы я их так: *Смелого страшится судьба – труса она истребляет*

с.221 Различие между храбрым и трусом в том, что первый, сознавая опасность, не чувствует страха, – а второй **чувствует страх, не сознавая опасности**. В. Ключевский

Как это? Никто беспричинно не устрашается – тяга почтенного историка к каламбуру искадила суть и учинила неясность Во-первых, опасность на три разновидности подразделяется: внезапная, ожидаемая, – и когда причиной себе опасности – ты сам...

Известно – жизнь сама опасна. ... При внезапной опасности я не чувствовал страха, – уже после являлся, когда опасность отвращалась, – или сама собою миновалась. ... *Страшит всегда и храбреца опасность ожидаемая*, – что до меня, – когда в декабре 71-го шел на реке Хуту (это где в 1910-ом погибал Арсеньев с казаками от голода, в наводнение в августе, – и орочи их с развилки между Хуту и Буту сняли; там кончался мой первый, с 71-го по 74-й охотучасток); – итак, шли мы на громадного медведя-шатуна, задравшего на крутом склоне к реке кабана, – то сильно боялся (или опасался я? Как эти эмоции различать...), – но все-таки к останкам кабана подбирался, ибо медведина громадный меня третьего дня уже напугал: в глубоких сумерках на прижиме у ручья я его следы за от ичихов напарника сначала принял, – но слишком велико было между следами на снегу расстояние: засветив спичку, я с ужасом увидел – круглый след-то, не овальный! Диаметр как длина сапога мужика размера сорок пятого!; мы были оба «белками» -переломками вертикалками вооружены: выстрел один пулей круглой 28-го калибра, и мелкашечный ствол на рябчиков (себе грудка – остальное приманка соболям); дали карабин на двоих более опытному напарнику, – он принес мне из Хуту (желдорстанция) еще карабин нелегальный – там хотя в магазине патронов-то мощных пять, можно еще перед битвой и шестой в ствол загнать, – но пристреливать я стал – пули падают чуть ли не рядом, совсем расстреляна стволина, прицельно не выстрелишь; однако, дня два оба ружья таскал (семь килограмм железа, однако), – и когда след шатуна почти в темноте увидел, карабин сам собой соскочил с заплеч`а руки, – так и шел до избышки километр, как тот немец в партизанской деревне: ничего не вижу, – а в десять раз лучше меня слышит медведина, – и в сто раз сильней обоняньем; с таким вооружением слабым, признаться, у меня почти «тряслись поджилки», когда шли на опасного зверину (еще я осознавал всю казуса нелепость – такие мозги, как у меня, «закушает» медведина если); а у напарника карабин был нормальный, – но он, признаться, хотя много опытней на охоте меня и на 10 лет старше, был трусоват, – и при стремительной шатуна атаке мог сплеховать; к счастью, шатун от останков кабана, видимо, едва слышав нас, дёрнул в панике как мог куда подальше: – на стенку взлетел скальную, едва не вертикальную, – и после уже не появлялся. ... В Кенаде у меня остался приятель, Виктор Титов, учитель в школе тамошней физики-математики (между прочим, сынок главы Тульского КГБ, генерала, так что мог и в центр`ах прохладиться, – а он «ошивался» по самым дальним таежным «очкур`ам». ... Он тогда в самом северном приморском прибрежном селе Единка учительствовал; в начале мая 74-го (как раз революция португальская меня только что взбодрила по приемничку-гранзистору, тогда еще новинка), в числе еще двух парней на казанке на речку Лудзу прохватили... Трое парней отчаянных, громогласных, с юга примчались, за сорок километров, на казанке, –

ветер внезапный в мае в проливе хладном Татарском в минуту мог волну крутую, опасную для утлой «казанки» погнать! ... Я один в избушке-развалюшке бедовал, отвыкнув от шума, не особо приветливо их встречал. ... Осенью того же года 74-го, в Кенаде, где жил охотовед, лицензии нам выдававший и пушнину от нас принимавший, – у стойки в столовой Виктор Титов (сыночек генеральский) меня узнал! Сразу же к себе ночевать забрал, – год я в его семье с полным комфортом останавливался, пока не купил в поселке за тыщонку домик с участком; Виктор Титов был страстным медвежатником, почему по сугубым окраинам и «ошивался»; выслеживал медведей терпеливо с двухстволкой 12-го калибра (раз даже на ток глухариный, им же и открытый, по весне на мотике стаскал, – но у меня ни малейшей страстишки к забавам таким (да и самая промысловая охота интересовала как единственный легальный способ спокойствие обрести: отвлечься то есть от тяжких дум-эмоций о будущем жалком общем), – и ни с чем не сравнимый способ на еще не изгаженной поганой «цивилизацией» девственной природе напоследок пожить годы свои оставшиеся сильные) ... А Титов Виктор (он, кстати, к очевидной, даже рискованной храбрости – медведя на 50 метров из двухстволки-гладкостволки стрелять (впрочем, у него вполне мог быть и (нарезной) «стволик» припрятан!) – и неплохим психологом был: от него я про себя узнал: «страшно эмоционален») к нашему в октябре 88-го расставанью (навсегда? Как бы я, Витя, хотел бы с тобой погутарить!) довел счет шкур, с медведей содранных, до сорока! Я же медведя лишь по необходимости из десятизарядного СКСа метров за триста стрелял, и потом из гладкоствольной «тридцатьвторины» однозарядной на брусники-ягоде (коей я собрал тонн двадцать пять): очень уж от работы тяжелой захотелось мяса... Но чтобы ради забавы идти на медведя, как, допустим, Лев Толстой в младости, – когда его топтыгин едва не задрал – снял уже спереди скаल्प, – но успели стрелить зверину соучастники опасной забавы; полагаю, Толстой или хотел свою храбрость кому-то – или себе самому доказать, – или не слишком ценил своих мозгов качество (кстати, еще в школе по его дневникам, я не нашел там что-либо в поучение взять, – как и в «Войне и мире», кстати: одни банальности; не были ли и все сто томов его писаний старанием ум, себе прежде всего самому, доказать? *Известно, недостатку качества приходится количеством возмещать*); Толстой Лев в комментируемом сборнике афоризмов Федоренкор, как мудрец, обильно представлен, – но я не нашел из него цитат ни единой важной, дабы в своей комментарий взять...

И, наконец, третий вариант опасности, – когда угрозу создаешь себе сам... Окунаюсь в давние воспоминанья... (переносу их – на страницу!!!, – где опасности совмещаются с жизнью определяющими нравственными «передрягами»).

На мысе (юго-восточном полуострове Владивостока) Чуркине, со всех почти сторон бухты и пролив Босфор, – все тогда почти коров держали К югу от сопки Двухгорбовой – на картах Бурачека, – а в просторечьи Дунькин Пуп (или, вернее, попа: действительно, два ее горба удивительно походят на остренькие такие ягодицы девичьи, – коими вторая моя жена Люся, в ноябре 69-го поначалу меня прежде, чем лицом, прельстила (через лет десять уже после развода с ней, я в какой-то книге увидел, что ее далекая предшественница по стати и тонкости черт лица, послужила прототипом Афины в скульптурной группе Мирона великого «Афина и Марсий»; Люся до сих пор, возможно, того не знает, что обладала лицом и фигурой богини (надо, сказать, и нравом жестковатым: – умела за себя постоять, – и мудростью своеобразной, для женщины достаточной (фото 54, 55) ... хотя при расставании видел случайно ее зрелости аттестат: в нем исключительно «тро`яки»! А у меня в двух университетских дипломах – одни «пятаки»; но, как женщина, она **хотя**, конечно, делала до меня ошибки, – в общении со мной всё было точно с ее стороны по части «рацио», – включая и то, что не тянула с расставаньем, как только на моем двухлетнем содержании, закончила, наконец, затянувшееся на десять лет экономическое образование (и сына родила красавчика, – и дочку потом, почти красавицу (чье зачатие в июне 71-го года на 2—3 лета мое, хотя и горьковатое, семейное продляло счастье); почему такой серый аттестат, я недоумевал, – вроде бы была умна, здрава,

почерк хороший, старательный, безупречная грамотность, интересы не `уже, чем у любой женщины, мне встреченной (со слишком глупой, поверьте, не смог бы я и в постель-то лечь); как-никак, со мной шесть лет общалась, умела инстинктивно ко мне подлаживаться: «санкцию» на «феноменальное» мое переселение в Совгавань дала, сказав однажды мечтательно, в лесу за Мингородком во Владике «хорошо бы жить одним в лесу», – что почти и получила ... 15 месяцев спустя: поселилась, получив, наконец, диплом, – с полуторалетним сыном в моей временке, на кромке леса, где в для обоих нас страшную зиму 71-го-72-го одна зимовала; не менее, чем для нее, – и для меня страшную: всего в жизни тягче было такую красавицу, с сыном годовалым, на окраине Курикции, населенной бывшими зэками немало, оставлять; так оказалась такая тонкая красавица жертвой *моей особой принципиальности*: только увидев ее страшно несправедливый сплошь «трояковый» аттестат, – я ощутил, какую черную зависть испытывали к ее юной тонкой красоте грубые алма-атинские училки! Как они бедной девочке за ту красоту безвинную мстили... ну и у нее самой тоже был характерец... недаром ведь сходная с ней типом 25 веков назад послужила прототипом Афины, богини-покровительницы древних Афин (и богини «правильной» войны!)Лет после развода (весной 76-го) уже с десять – встретил в каком-то сборнике по античному искусству Мирона «Афина и Марсий» скульптурную группу – и поразился сходством Афины с моей Людмилой! Что автор скульптурной группы знаменитой Мирон великий, я забыл (тем поразительней, что это еще ранняя классика, до Перикла) ... Потом четверть века не мог нигде найти то фото «Афины и Марсия», – в сборниках по искусству везде Афина – довольно плотная, дебелая бабца... только интернет, спаси«бо», вмиг на смартфоне ту фотку мне выдал в двух даже вариациях: подлинника скульптурной группы без рук, – и восстановленной группы, что и ныне в Афинах в зеленом парке, с поднятым мечом, преувеличенно длинным, стоит, полуобернувшись к Марсию безобразному брезгливо, – между ними та самая флейта лежит, кою, по мифу, только что изобрела Афина, – но боги сказали ей на пиру, что портит игра выражение ее лица, – и отбросила флейту капризная богиня, – а Марсий, видимо, натурально ошивавшийся от пира «вечно счастливых» поблизости, флейту подхватил, – и переиграть на ней самого Апполона похвалился; тот (по наущению, конечно, негодующей Афины) предупредил: выиграет – прикажет, как следует, всласть (садист однако!) вымучив, кожу содрать с наглеца... так и оказалось: выиграв, бог искусств приказал повесить несчастного Марсия на сосну-пинию, как следует изистязать, – и кожу затем с живого еще содрать!; высохшая потом кожа на ветру при приближении человека жалобную мелодию издавала; миф, хотя и жестокий, но красивый: *«не в свои сани – не садись»* – *надо бы знать нынешним нашим властителям*; надо сказать, так же приблизительно была зла-мстительна – по мнению после развода друга жены Риты – была и моя Людмила: меня выгнала не медля, сразу по первой весне, подав на развод, из полученной ею осенью квартиры: наконец-то красоту богини во всеми богами – кроме Апполона, мое переселение туда (шучу) устроившего (предвидевшего – через 34 года стану его служителем!), наконец-то мою богиню, – в забытой всеми богами Совгавани оценили: дали ей на «двадцатке» 3-хконатную квартиру, в лесозоводе при колонии трудоисправительной работу начотдела зарплаты, с окладом под триста: стала от меня независима, – и, как же без этого?, – возможно, бывший зек`а, «бил» уже клин под такую красивую... «се-ля-ви»... (Хотел бы знать, ведает ли Людмила, что ее дальняя предшественница телосложением и лица типом послужила богини мудрости и «правильной» войны самому Мирону Великому прототипом? По прошествии лет только об этом я хотел бы Люсю, навсегда мне милую, спросить... Красота действительно победительна: давно – да сразу почти!, – забыты все обиды: я сразу сам всё понимал – не создан для семьи! Семья, вернее, – не для таких... А что удалось пожить шесть лет с прототипом богини, «бог`ам», – то есть случаю (счастью) – «...и случай бог изобретатель» (Пушкин), как говорится, спаси«бо-о-о»...

Эк отвлекся от описания третьего типа опасности, – то есть кою навлекаешь на себя сам... А нет – тот развод в конце марта 76-го, по инициативе, ясно, Людмилы, – еще какой передражкой

для меня был. На него не явился, написав: – с любым решением согласен. И свидетельство о разводе, не медля, взял – вопреки служительницы ЗАГСА увещанию подождать: понимал – Люся «захомутала» кого-то более перспективного на брак (от меня получила, что было надо, – сынка и дочечку славненьких): пока «железо горячо» – ей надо было «ковать»... Так что всё правильно: – сия вставка относится и (меньше) к опасностям – и (больше) к передрыгам.....

...Не далее, как вчера (нынче), в весьма содержательном «Постскриптуме» (что необычно, записан весь почти): там и по Турции, и по Штатам – вышла книга: де вице-президент Джонсон в убийстве Кеннеди замешан был (по приведенным клипам видно – Джон явно не в «своих саях» был: бабник неудержимо-примитивный – видно, – таким не место во властителях, – где таки минимум необходим мыслительности) ... Да, заговор реальный финансово-нефтяных властителей, конечно, – сходится отовсюду! – в пользу Джонсона был, – престарелый Зорин Валентин с экрана говорил, – но Линдон в него замешан вряд ли. ...Согласен с престарелым Валентином... он тоже в числе персон для меня роковых... Ни его благообразно-лицемерную физию, ни особенно тон голоса лживо-извинительный, – в 73-74-м (после второго, успешного сезона охоты купил чернобелый телевизор) – аз не переносил... И в отзывах своих язвительно-экспансивных Люське не скупился. Но – не помню в какое из тех двух лето – ее мать прилетела, жила с нами в моей временке совгаванской месяц... И оказалось: – Зорин Валентин – ее любимый телеэкранный «артист»! Мою особую непереносимость лицемерно-лживого Валентина теща, разумеется, не в силах была простить!.. Не в ней, конечно, была главная причина: в несовместимости меня – как и большинства честных перед жизнью – *не нужна экономически! – семья мужчинам ...*

...Однако возвращаемся к началу воспоминаний... Итак, к югу от этой самой горки Двухгорбовой знаменитой, спускались, по горизонталям приблизительно, улицы Двухгорбовые аж три; на Первой, у самой подошвы горы, где склон уже в крутизну переломился, почва не держится и трава не растет, – стоял некогда засыпной домик, 25-тилетним отцом перед самой войной приобретенный... Уже 24 июня 41-го отца, лейтенанта запаса, мобилизовали, и моя даже еще не 19-тилетняя мать со мной, еще не двух лет, и братиком Саней в животике (родился 19 сентября, потом мореманом стал, – и последние десять-12 лет был Владивостокского порта капитаном) бедовала; правда, как-никак, приходил от отца денежный аттестат, у бабушки, ее матери огород был изрядный, корова, кабана всегда держали... У бабушки Антонины (в девичестве Шульги, за Давыда Дьяченко замуж вышла, потом Иван Заяц ее мужем был, – а в войну пятидесятилетний богатырь Быков Михаил: от всех у нее было пятеро детей; Быков где-то при продбаржах сторожем служил, и частенько нам рыбки, краба приносил) ... Мама и сама раскорчевала под огородики аж три из-под леса участка: первый – где магазин теперь «Рыбацкий хлеб», оттуда райисполкомовец любвеобильный погнал ее по весне, – отдал той, что была неуступчивой красавицы податливой; тогда она раскорчевала там как раз, где чуть ниже переваливала хребет грунтовка к бухте Анны (а сейчас асфальт к гаражей массе – и часто там картисты со всего края страшно трещат, окрестность пугая), – так и оттуда погнал, собака, чуть ли не к бухте с`амой! Вскоре слишком блудливому начальничку, – была всё же правда и тогда, – нашлось подобающее местечко в лагере; после войны мама средний огородец – урожайный, «на шлаке», когда семья, после в 46-м попытки неудачной закрепиться на Кубани (у отца старшая сестра с семьей жила), – или отобрала, или любовница райисполкомовца-бабника сама отдала, – или и ее просто – тогда это было запросто, – вслед за хахалем в лагерья отправили; – огородец в 46-м году чудом пустовал: я с него вниз еще мешки с картошкой лет с 12-ти таскал... Эх я опять – «о, сладость воспоминаний» (Есенин) – от третьего типа опасности отдрейфовал...

С тех-то трех улиц широких Двухгорбового околка – до старости в памяти остались, – мы лет с восьми коров в лес на бухты Малый и Большой Улисс пастись гоняли, на бухту Анны, хребеток, на восток, к Бригаде (подлодок) дубнячком залесенный. ...Гоняли стадом по четыре-пять коров и столько же пацанов с утра собирались, потом по двое-трое распределялись; в полдень в дубнячок тоже, между рельсами на Большой Улисс и «бассейкой» – первые лет`а послевоенные собирались, коров доить к запруде довольно глубокой (много народа в ней по пьяни утопло), на Улиссе Малом заводика (на моей памяти всё заносами с ручьев затягивалась: – засыпана давно, на ее месте панелестроительный завод); с подойниками наши матери молодые приходили, коровам поило приносили, нам перекусить... В 53-м родители околотка наняли пастуха в складчину, – а мы прежними местами праздно бродили, теми же шайками собирались до шести-семи; вечерами по субботам на фильмы в клуб-столовую бригады подлодок ходили (первые годы после ужина мальцов остатками матросского ужина повара кормили)И вот как-то шел там такой новый фильм, где был партизан-предатель, с ликом, однако привлекательным... На следующий день мы, как обычно, всей шайкой на железнодорожной насыпи собрались, где забор завода кончается, и вскоре берег бухты начинается, и где дорога метров через двадцать на взгорок на большой Большой Улисс взбегают... Место то навсегда осталось в памяти, как и вся ситуация... Я стал предателя привлекательного, дурачась, передразнивать (может, у меня и лицедея задатки были, – но казус тот их раз навсегда отбил) ... И схлопотал – не помню, кто первый крикнул, но схлопотал кличку, весьма обидную еще и потому, что я тогда весьма большим «патриотом» был... До этого меня, как помню, сверстники завистливые всегда наделяли кличками (надо же как-то за моё стремление *возвыситься развитием* – отместить низко!) – сначала «головастиком» лет до девяти дразнили, потом «кореец» – за щуриться на свету манеру (глаза от «запойного» чтения были к свету чувствительны), – затем «профессор», «голова – дом Советов», – клички неодобрительные, но даже льстительные, – и вот «provokator», на тебе!.. (Была еще кличка матерщинная, в созвучие с фамилией, – ее терпел, что подделаешь, за нее никого не «отметелил») ... Сразу стерпел и эту, «непатриотичную кличку» (наверное, действительно походил на того provokatora *симптоного* лица типом, – но я-то себя не видел: только много лет спустя мне стали говорить, что на тезку Соломина похож ликом; совсем недавно видел с молодым Соломиным старый фильм, – а лет с тридцати перестал в кино ходить (ну, а сейчас есть телетюнер к компьютеру): действительно, не только похож на меня на ф-х **21,22** Соломин того же возраста, лет двадцати, – а даже характером его героя, таким же, как и у меня, бескомпромиссным... не только ликом... (И на Эрнеста Хемингуэя я почти двойниково походил – от 20-ти до 60-и, – пока он жил Все мы дети белой расы единой великой). ... Нашли таки соседские шпанцы пунктик у меня уязвимый! Вскоре мы группкой, без меня два-три, по кромке воды бухты Улисса Малого шли, к Тэобразному пирсу подходили, – и вот ровесник, тоже тезка, живший от меня всех ближе, всё обо всём говорили, всем делились, вроде бы даже дружили, – и вот, надо же, – оказывается, недоброжелатель, завистник! Он не глуп (напротив, пронырлив), но туповат был, за решеньями задачек по математике потом п приходил, потом начальником цеха в одном из заводиков судоремонтных чуркинских долго служил... И вот этот тезка, к тому ж, «выкает», на камешке стоя у самой воды, эту сверхобидную кличку! У меня в голове вмиг это всё прокрутилось – мне всего-то четыре месяца оставались до четырнадцати, за год как-то быстро вымахал, вошел в силу: вмиг я к нему подскочил, одним ударом кулака (то лето только по разу бил, неизменно сбивая «с копыт») вниз головой в воду сбил, «юшку» из носа ему пустив... Остальные два-три и не подумали за битого вступиться... и так было во всех летних стычках... ..Следующие дни вроде бы мирно бродили, если менее четырех-пяти сходились – опасались уже меня дразнить: был я сильнее каждого из них, справился бы и с троими... Но вот, со мной, на дороге на Большой Улисс шайкой в шесть-семь пацанов сошлись, – их-то пять-шесть на меня, – и меня отважился дразнить еще Гриц (тоже, на том же заводике начцеха был, но рано, в сорок, опо-

чил, – он злой от природы был, вспыльчивый); – и тут же был ударом моего кулака наземь сбит «с копыт», – ни сам он, ни кто-либо из остальных не отважился мне тут же отомстить (и вообще за то боевое лето – и за всю жизнь – ничей кулак или ладонь не коснулись моего лица, за исключением, конечно, двух-трех пощечин от отца) ... И пятый случай тем жарким (в отличие от фильма «Холодное лето 53-го», который еще не видел (видимо, серьезный, опасный для правителей-компрадоров фильм) для меня летом, произошел, когда там же собралась чуть ли не уже толпа – со мной до десятка «рыл»; и в такой превосходящей силе, меня отважился Киселенок (имя забыл) дразнить (они соседи с востока через широкий, всегда полупустой огород их, в избушке-развалюшке жили – еще у них снаружи погреб обомшелый засыпной был, старинный; старший брат его Кисель, кажется, Валентин (Киселевы была фамилия) добрый от природы был, мы даже с ним, несмотря на то, что был старше меня года на три, вроде бы даже и дружили: он эрудицию мою уважал, вопросы по истории задавал, – но за год до описываемых «событий», не помню за что – в лагеря угодил (и вообще с наших улиц чуть ли не две трети – или даже три четверти околоровесников в тюрьмах-лагерях потом сгинули молодыми, Киселенок тоже, помнится, лет в сорок опочил) ... И только тот Киселенок вякнул то слово сверхобидное, – не успел еще его произнести, – как сразу ударом моего кулака в подбородок головой в кювет вверх ногами был сбит, – быстрота «атаки» у меня, видно, была завидная: никто из в те боевые лето-осень битых не успевал удар отворотить или хотя бы как-то отреагировать ... Но Киселенок уже настоящий шпанец был, ножик носил, сразу и выхватил, – а я камень схватил и в лес выше дороги отступил, шайка уже солидная (уже трое в ней мною битых) меня окружила, не подступая метров четырех-пяти ближе ... Минут десять я в осаде с камнем в руке сидел посередине, не решались ко мне подступить, – наконец, нервы мои не выдержали, с рыданием из осады вырвался, – никто не преследовал меня, – рады были, что эксцесс завершился: уже я, видимо, опасным «психованным» слыл, – и превосходил каждого из них силой. (да и бегал быстрее каждого из них – не курил) ... С тех пор остаток лета меня вся двухгорбовская шпана «ловила», – Киселёнок к ней окатовскую шпану присовокупил, – а я с давним приятелем Генкой Писанко ходил – он был сынок единственный в домике на крутизне, где теперь детский сад западнее школы 59-й, коровы не держали его родители, – но хорошо чадо кормили, – он неплохо (больше старательно) рисовал, учителя хвалили – и довольно-таки простские родители о Гене слишком много мнили, выполняли все его капризы, имел он первый на улице велосипед; приземистого Генку, массивного – дразнили «жирой», – хотя он был всего лишь склада такого массивно-сильного; он в начале того лета за эту кличку обидную Маркона цепью велосипедной как следует огрел, – тупого оболтуса, кучерявого блондина, уже почти взрослого, старше нас года на три (их довольно по тем временам богатая усадьба с надстройками-пристройками, сплошной забор зелено-желтым ярко выкрашен был, – рядом, со стороны Двухгорбовых, та усадьба была с теперь площадью Окатовской (а со стороны улиц Кипарисовых стоял барак, в нем в северной части амбулатория была (а потом долго избирательный участок), а в южной части весьма красивая, нас старше года на два-три, девочка Лещинская жила, – пошедшая, правда, (в охотку) рано по рукам... эх, воспоминанья) ... Маркон после той «велозексуции», понятно, Генку ловил, – а вдвоем мы везде, и мимо дома Маркона безбоязненно дефилировали, нас так и называли – Дон-Кихотом меня, – а Генку – Санчо Пансой (оба мы зарекомендовали себя «вояками» опасными) ... Мой младший братик Саня (который потом капитаном Владпорта стал (всей береговой линией Примкряя в «бандитские» 90-е распорядился, – должность «расстрельная», однако, – капитана Ленинградского порта таки «укокали» в девяностые; а как братик жив остался – обязан оставить воспоминания), тогда мне вдвое весом уступал, хотя на два года без трех недель всего был меня младше (зато потом, в плаваниях вполне наवरстал), был со шпаной всегда «вась-вась» (просто я всегда в нашей пристройке с веранды – читал, – а он на воздухе бегать предпочитал) ... С началом в школе занятий, понятно, распались подростковые шайки, летние страсти забывались. В начале ноября

я в Бригаду один, без Генки, пойти на фильм отважился. ... Было уже холодновато, поздновато – ужин-то в матросском клубе по расписанию. В ожидании его окончания метрах в двадцати от помпезных – высоких, белых, под Парфенон, – колонн клуба-столовой подводников собралась в темноте, в основном **ближней** окатовской (на восток от Двухгорбовой сопки) оборванной шпаны толпёшка, курили, ожидая «фильму»... А я от клуба «парфенонного» крыльца бетонного, метров пять до шпаны не доходя, расхаживал, метров 15 туда, столько же назад... И слышу из этой толпы ненавистное незнакомым голосом – «provokator»... и еще раз или два с этим словом незнакомые голоса, всякий раз назад поворачивал – и возвращался... Гнев возраставший начисто перебивал всякое ощущение опасности... Наконец, услышав знакомый голос Ваньки Карася (Карасёва), чей покосившийся домишко на полспуске дороги широкой на Улиссе от перекрестка Окатовского был, на повороте шоссе по склону, оттуда узенькая дорога петляла между хаотических курятников-свинарников низеньких – населения длинного барака от шоссе вниз, что был **направо**, если спускаться к началу бассейки, выше которой был стадион «учебки» (подводников и торпедокатеристов: от них стекал ручеек с водой на вид чистой – но родители строго-настрого заказывали ее пить; под камнями ручейка водились маленькие рыбки-«семидыры» (должно быть, на порох артиллерийский как-то походили); рыбки – мы их ради забавы лет в восемь-девять ловили – не боялись частых канализации из длинного четырехэтажного здания учебки прорывов... опять поехал я налево от темы) ... Надо-то сказать всего, что в начале спуска от шоссе к «стадику» и был домик и огород Карасевых, мимо него мы гоняли коров... И вот, наконец, голос знакомый. ... Я уже хладнокровной яростью налился, только на кого спустить ее конкретно оставалось: ту толпешку раздвинул – непредставимо теперь бедно одетые в тряпье парнишки жались друг к дружке поближе, – одной рукой сгреб Ваньку за грудки, другой как следует по скуле двинул, – бедняга тут же, в моей руке, наземь сник... Я из толпы шага на три отступил, там спичку засветили, Ваньку подняли – о, ужас, – летом я только слегка пускал кровя из сопаток, – а тут на всю скулу фингал напозавет снизу на глаз сизый!... Я – шагом вниз отходить, толпа за мной двинулась, я прибавил шаг – вслед мне камни полетели, палки... Я побежал – толпа метров пятьдесят с криками, воплями и свистом за мной бежала, потом повернула назад, – слышу – один бежит Ванька за мной, пошел шагом, перелез к`ольца из стального троса – навешенная на вбитые в землю рельсы сеть противоположная, ограда Бригады, тут же остановился, на бок присел, подождал Карася: – Тебе чего? Еще надо? — . – Нет пятака, приложить к глазу?, – а то будет бить батя – ... Нашелся у меня медный пятак, расчувствовался, заопасался: что если глаз повредил – совсем у бедняги заплыл; мне стало страшновато – еще никому такую не причинял трамву! Я говорил, его приобняв, со слезами: – Эх, Ваня, Ваня, ну чего ты под руку попался, зачем обзывался... – ... Мало-помалу мною овладевал пушистый страх: *сажали ведь во-всю и молодняк*, было слышно, то тут то там: еще ведь пополнения алкали многочисленные лагеря, еще весной ведь только опочил Сталин... Дал тогда зарок себе больше не драться за слова, как бы ни дразнились: могу ведь ненароком и убить, головою на камень, допустим, упади дразнила, сбитый с ног обидчик... А года через два уже так отяжелела моя рука, что понял я: могу даже убить, вышибив голову из позвонков, одним ударом кулака, – и тем жизнь и себе сломать... И напоследок еще на кулачную тему В апреле 55-го получила школа деньги за 108 тонн собранного металлолома – комитет комсомола под моим началом организовал настоящий энтузиазм! Тащили со всех сторон после уроков все две тысячи учеников поголовно – от первоклашек до десятиклассников! Подвозили грузовиками. Второе место в Союзе заняли! (А первое, скорее всего, записал металлобрак родной школе какой-нибудь металлургический коминат) ... И все, до последней железяки, дабы все знали, что принимается металлом без обмана, принял «н`а руку и н`а глаз» я сам: две недели три часа после уроков не ел, и не разгибался – едва девочки-учетчицы, сменявшиеся через час, записывать успевали... Что интересно, я 105 тонн насчитал, – а 108 тонн на весах на базе ... Что-то эта боксерская тема вчера была у Веллера,

в его болтовне на РР (Радио России) после на 21 новостей по воскресеньям, и сегодня у Герасимова Романа на 5-м телеканале, – ни то, ни другое слушать-смотреть не стал, давным-давно для меня утратил мордобой актуальность... но закончу свои воспоминания по части кулачной. ...Школа на деньги за сданный металл радиоузел купила, духовой оркестр, для боксёрского кружка. ...Я еще восьмиклассник... надо же самому опробовать боксерские перчатки... против меня паренек приземистый вышел, но кряжистый, сильный, тяжелее меня раза в полтора. Но заметил я, боится – жмурится, закрывает глаза: я задел чуть-чуть, слегка его челюсть пальцем перчатки – он всей тушей на деревянную гимнастическую стенку отпрянул, ажна загудел физкласс; повторил этот номер я еще раз, – и он разозлился, руками размахался тогда, – и я пропустил «по колгану» удар, тоже загудела голова... тут и мне расхотелось дальше боксоваться, конец раунду... Сбросили мы перчатки – и вниз с четвертого этажа, где был спорткласс... и сразу же вверх, назад: я забыл книги, он – шапку... У меня интерес к «мордобойю» ради забавы и хвастовства – пропал начисто... Но года через **полтора**, уже в 10-м классе, – в другом десятом, занимавшемся на втором этаже в актовом зале, объявился уже во втором полугодии чемпион края среди юниоров Каплан, ростом с меня, но посубтильнее, полегче был тот паренек узколиций, русоватый... Принес две пары боксерских перчаток, на сцене, обучая желающих, «понарошку» боксовал, – и всё меня побоксоваться зазывал А я, хотя уже не был комсекретарь, но в комитет, куда денешься, избрали, – а там замсекретаря; и по привычке **двухгодичной** старой по этажам шлялся, – и как-то Каплан особенно «блатовал» с ним побоксовать, – и, видимо, девочки оказались рядом: пришлось согласиться, не прослыть трусоватым д'абы (на что не пойдешь ради внимания пола прекрасного!) ... И вот прыгает вокруг меня чемпион края, демонстрируя приемов класс, – а я только на пятках поворачиваюсь опасливо, от его выпадов заслоняясь; и первым же своим выпадом подбородок чемпиона слегка-слегка, лишь пальцем перчатки едва задеваю, он падает, считают, – нокаут! (*Слаба, все ж таки, даже на слабый удар у человека голова, – хоть у чемпиона бокса, хоть у всякого: нельзя по ней даже чуть-чуть ударять*) ... Я перчатки быстренько сбрасываю – и поскорее из зала... Оглядываюсь в дверях – чемпиона под руки поднимают вялого... Не помню дальше, наверное, перестал по этажам шляться, или Каплан больше боксировать не предлагал... А я уверовал в резкость удара своего кулака, в скорость реакции... И осознал – чувствительна у нас голова, недолго любого из нас на «тот свет» отправить простым ударом кулака... И тем и себе жизнь сломать... Но в результате всех тех баталий... не так страшно было в младости с Луговой через ущелье на Чуркин добираться. ...Случай благий избавил от серьезных во взрослости драк: так, иногда сам разнимал, когда в 58-м в районе нардружины от райкома комсомола сколачивал, по спине раза два-три слегка нечувствительно получал... В девятом классе – продолжить и дальше силою молодецкою хвастать – никого в школе не было в рукосильстве (армрестлинге, по английски) сильнее меня, – включая и десятиклассников. Но к десятому *моему* классу подрос до богатыря за год семиклассник Портнягин, тяжелее стал меня раза в полтора, – в первом полугодии я его руки еще клал без труда (на переменах мы на тумбочках питьевых бачков на этажах состязались), – но к концу года он, хотя и с большой натугой, таки положил обе мои руки моей тушей... комплекции он все-таки был гораздо более моей могучей... с таким справиться в серьезной драке я имел шанс лишь самым резким ударом... Но, как дочка говорила лет в пять, придя из садика, и про свои успехи все рассказав: «Ну, хватит хвастаться!»... Было в жизни взрослой два-три раза, когда «врезать» наглецам как следует полагалось бы, – да сдержался... и, случаю благодаря, не пришлось пока от нападений защищаться... А напади теперь, в старости, молодняк – что ж, значит, надо бить так, чтоб с разу не вставали... но нет уж, ясно, той надежды на кулак... но верен глаз еще, тверда рука – с оружием справлюсь в своих стенах даже с малой шайкой... да на меня зачем же нападать: стрелять ведь у охотника старого до самой смерти верный глаз – и без тренажа руки навывк... А есть ли – нет стреляло у меня, – кто ж знает...

с.224 Человек может ошибаться. Ошибку в фальшь не ставят... Дело правое не погибнет и от нескольких ошибок. По крайней мере, идея, на которой все основано, останется незабываемой. Не удастся один шаг (вернее бы «первый шаг» – Ю.Б.), второй удастся... Ф. Достоевский

Да, верно, – Федор Михайлович, однако, прозорливец великий! Если бы только слова сии относились – не уже к декабристам отжившему самодержавию российскому*, – а к еще грядущей непобедимой идее коммунистической... _____

* На днях с удивлением некоторым прочитал статейку «политолога» Белковского, там он ратует за (считает наиболее вероятной у нас) ... конституционную монархию (!) ... Возможно, монархисты заплатили изрядно, – а нет: властвующей олигархии как раз выгодно монархической идеей колеблющихся, всяких реставрационных романтиков отвлечь, – как наименее осуществимой в действительности, – в ущерб нарастающей идее коммунистической!.. А круглая жирная Белковского физия сразу мне являла субъекта изрядно беспринципного, – но приходилось вчитываться, поелику лишь такие мельтешат теперь в газетах, на радио и телеке... Правда, к Б-му было некое доверие, думал: хотя циник, приспособленец, – но компетентен... Но нет исключения! **Цинизм, бессовестность – с компетентностью не совместны...!!!**

Ошибок больше в деле большом и сложном, – и чем оно продлится дольше, – и территории захватит б`ольшие, людей немерянные сонмы... А задним смыслом – людям свойственно скулить, испускать слюни, слезы лить, размазывать сопли по неизбежным жестокостям, – которыми-то и они спасены, – то есть *опасности гибельные, тогда нависшие, – для них спасительно давным-давно м`инули...*

И посему и власти выгодно чернить своих предтеч – дабы от ляпов собственных внимание людей отвлечь...

А людям свойственно забывать исторический счет конечный, который только ведь в победе! Она одна великую борьбу венчает – и все, примененное к ней, оправдывает (если не освящает) ... (Это, кстати, и Милюков в 43-м, после «курской дуги», – признал)...

Как в драке страшной удержать руки замах?! В отличие от еды — в истории суровой пересол лучше недосола, – за который расплата – гибель, то есть самая жизнь, – и не только собственная, – но и многих миллионов, доверившихся тебе не только за страх, но и за совесть (так представляю Сталина мышление в период репрессий)...

с.241 Когда суть дела обдумана заранее, слова приходят сами собой. Гораций

Когда вещаешь ты о важном, продуманном многократно, – и импульс эмоциональный дан, – слова приходят будто сами...

с.241 Собеседникам не докучай, замолкни прежде, чем вскричат: «Кончай!» Саади

Золотые слова! Людей, во-время умолкающих, – мало весьма... Не преуспел в сем я и сам... Один из важных моих недостатков... или, точнее, «сверхдостатков»...

с.243 Высказыванье К. Чапека: «Представьте себе, какая была бы тишина, если бы люди говорили только то, что знают», – я бы перевел в афоризм так:

Если бы люди говорили только то, что знают, – какая бы тишина настала

с.243 Молчи или говори что-нибудь получше молчания Пифагор

с.246 Речь дается многим, но мудрость редким Катон Старший

В духе римской – при сохранении точности, – краткости, предлагаю перевести так:
Речь дается почти всем, но мудрость – чрезвычайная редкость

с.246 Должно помнить, что дар слова есть единственное и неопценное средство проникать внутрь явления (лучше бы обобщить: «внутри явлений» – Ю.Б.) Н. Пирогов

Из мудрецов всех этих, приведенных здесь, наш Пирогов мудрее всех... **Смелая говорливость – гораздо предпочтительней молчания боязливого...** (Сей афоризм – много важнее обильных в Федоренковской книжке, целиком опущенных мною трусливых призывов к «умению» молчания боязливого)...

Одною только речью мы от обезьян возникли, – и беды, грозною лавиною нависшие, – одною ею можем только отвести...

В духе его времени в сборнике Федоренко слишком много места отведено высказываниям, восхваляющим умение трусливо держать язык за зубами... И, напротив, – почти совсем нет места одобрению-ободрению смелых, тех, кто правду-матку «режет» без боязни чрезмерной... (Иначе чуть еще повторил написанное чуть выше)...

с.250 Трое могут сохранить секрет, если двое из них мертвы... В. Франклин (Сей слишком жесткий афоризм необходимо смягчить, от себя пояснив:

«Железное правило этики! Не передавать никому из разговора двух оценки близкого лица третьего!») ...А мой вариант перевода афоризма Франклина жестокого такой:

Могут трое удержать секрет – если двоих уже нет на этом свете

с 250 В числе глупцов есть такая секта, называемая лицемерами, которые беспрерывно учатся обманывать себя и других, но больше других (надо вставить: «; считают, что других обманывают больше, чем себя», изъяс», но больше других» – Ю.Б.), – а в действительности обманывают больше самих себя, чем других... Леонардо да Винчи

Или сам великий Леонардо неясно выразился – **глупцы не объединены ни в какую секту, они, подобно сорнякам, – обитают везде** – или, скорее, переводчик прослабил... Что до лицемеров: **далеко не все они глупцы, – но все подлецы**, – то их разновидностей две: в основном религиозники, – а из атеистов – моральные лицедеи... Наиболее мерзки, конечно, ханжи – лицемеры отжиших давно уже верований, – и особенно когда – как у нас теперь – сама-то вера исчезла почти бесследно, – а стараются эти самые лицемеры ее реанимировать тщетно ритуалами замшелыми, нелепыми одеждами; конечно, – исключительно из корыстных побуждений... (И хоть **чем-то** занять идеологии пока пустующее место)...

Итак, из критики не совсем ясного перевода изрядной леонардовой мысли у нас родился капитальнейший афоризм: **Далеко не все лицемеры глупцы, но все – подлецы**

Для полнейшей уже ясности требуется еще определение *глупца*:

Глупости своей, всем очевидной, – умом обиженный, – глупец не видит...

Хитрец – тоже глупец, – но чуть поумнее: ему еще удастся кого-то «вокруг пальца»!! обвести... но единственно раз первый, – а доверия лишается в данном месте навсегда и у всех...

с.252 Надо сегодня сказать лишь то, что уместно сказать лишь сегодня. Прочее все отложить и сказать в подходящее время Гораций

Здесь не уместность – самосохранение! Приходится выбирать при августях между уместностью – и добродетелью! Приходится молчать, даже если и знаешь угрозы завтрашние, – как, допустим, я: *еще с 10-го класса конец системы нашей подозревал, – но никому, кроме дневника, не мог напрямую сказать...*

с.253 Ложь перед самим собой – это наиболее распространенная и самая низкая форма порождения жизнью Л. Андреев

Давно ждал подобного изречения! Очень верно подмечено... С юности знал: **все без исключения мерзавцы всегда себя оправдывают...**

с.254 На мысли, дышащие силой, как жемчуг, *нижутся* слова (компьютеру сей великолепный глагол почему-то не нравится, подчеркивает – Ю.Б., – зараза, линией волнистой красной) слова М. Лермонтов

Выше говорил о сем уже Гораций, и я присоединяюсь... Однако, не только талантлив, – умён, мудёр был Миша наш... Как бесконечно жаль – глупцы проклятые не дали ему пожить хотя б три годика до тридцати...

с.254 Говоря с мудрым, употребляй немного слов Катон Старший

Это сказано глупому (которых, как говорится, хоть «пруд пруди»), – или до его мудрости тебе еще не близко; но если два мудреца встретились, допустим, в электричке (как я с профессором международного права Михайловым в конце 80-х), – им за полчаса не наговориться! (Мы тогда о всем существенном успели переговорить; – действительно, на каждую тему у нас был слов самый минимум... давно Михайлова уж нет в живых)...

Ну вот, томик Федоренко я перешерстил, просеял, так сказать, через крупной ячеи сито, – 17 всего страниц: хотя б до 50-ти надо бы довести, дополняю своим, близким к афоризмам...

На пленуме ЦК после съезда партии 19-го выговаривал в сердцах Сталин своим малоохольным соратникам: «Капиталисты вас после меня передуют, как котят!» ... и... оказался, как всегда, прав... Но *история мудрее всех нас – даже и Сталина: в таком же положении перед ней, как некогда соратники вождя нашего слабые, – теперь и растерявшиеся заправилы мирового капитала зарвавшегося...*

Третьего дня брат привез газет килограмм пять Сеутре, от компьютера по нужде оторвавшись, выдернул из кипы одну наугад За 26 июля «Комс. Правда», на первой странице заметка Елены Чинковой: **ПАТРИАРХ КИРИЛЛ ПРЕДЛАГАЕТ В КАБИНЕТАХ ЧИНОВНИКОВ ПОВЕСИТЬ СВЯТЫЕ ЗАПОВЕДИ:**

«Одних портретов первых лиц государства в чиновничьих кабинетах мало. Бюрократам нужен дополнительный моральный укор: Патриарх предлагает высечь на стенах кабинетов Свя-

тые заповеди и мысли Иоанна Златоуста: «Если мы хотим стать подобными Спасителю, то должны делать общее дело, не ища своего»...

А КАК ЖЕ БАСНЯ О КОТЕ ВАСЬКЕ? Одначе, маразм Предстоятеля крепчает! Запаятовал даже школьную басню о коте Ваське... Не слишком ль много места на стенах кабинетов чинущ займут «божьи заповеди»?.. Да еще благое изречение Иоанна... А надо бы высечь одну лишь краткую скрижаль: *«Не забывай, зараза, Сталина!»*...

В полемике вкладывай раздражение на оппонента не в бесполезный гнев, – но в изощрение собственных аргументов

Сибирь! Пространства необозримые! / Объемлешь север Азии ты ими: / колоссальными равнинами рек великих, / плоскогорьями обширными лесистыми, / тундрами травянисто-болотистыми... / Края, суровые и дикие донине, / кочует здесь тунгус великий: / не только площадями, что на душу приходятся, – / но больше верностью своей суровой жизни образу, – / чем он людству, погрязшему в «удобствах», / пример спасенья в скором будущем дает... 03.12

Естественным образом мысль моя перескочила на геоисторическое

Капитализм возник в местах, удобных климатом, людишки где **сверх меры** расплодились: разредить надобность тогда явилась, – и посему машина появилась, содрала с земли, – и выгнала народы в города на рынок, – и вскоре – в мерках исторических, – уж очень многих сделав лишними **труда возросшей быстро эффективностью**, – но не могли им быстро «господа» занятие найти: вошла в начале века прошлого в моду снова «бережливость» (по Веберу причина капитализма – она де в этике протестантизма! На деле ж в **градиенте** (разности) стран развития, создающей сверхприбыли... *Не помешал такой «идеализм» (граничный с идиотизмом) стать Веберу «гуру» капиталистов*, – великих кр`овей стоила «ошибочка»); итак, вошла в начале века 20-го прежняя бережливость в противоречие великое с людства развитием, – и *вместо того, чтобы занятия людям, машиной вытесненным, найти, потребности удовлетворив, – в ужасной бойне предпочли стрavitь то «быдло» лишнее – в самой великой до нее войнице...* **Одна Россия геноциду воспротивилась – нашлись в ней силы «нет» скаать войне, – и наказать подлых ее зачинщиков!** И в этом подвиг большевиков-ленинцев – великий, эпохально-исторический (что ж делать, таковы века 20-го многие события! Действительно был век великий! И Единственный!) Понятно: действовать могли большевики не уговорами, но силой, – мандатом от широких масс рабочих и солдат; пришлось поход «четырнадцати держав» еще ведь отражать, натравленный на нас Антантой, – об этом надо бы не забывать любителям скулить, – и лицемерно слезы лить, – и лживо историю **трактовать!** Как будто не страны отсталость, – не промедление с отменой крепостного права по причине жадности, разврата дворянства, – не обусловили стагнацию – когда Европа быстро развивалась!... На два по крайней мере поколения важных страна ростом производительности отстала, – и не могли соседи не попытаться куски поэтому у ней урвать; и, наконец, тут геноцидная война, совсем не нужная российскому селянству! (а *лишь самостоятельных селян, извините меня, я вполне людьми нормальными, самодостаточными полагаю*). ... Земли тогда вполне хватало россиянам, – если Сибирь еще бескрайнюю считать, – и не могли они понять, за что же надо смертно воевать... **Война и создала для большевизма базу массовую; интеллигенция настоящая заранее – силу руководящую: исторически силу уникальную – все преграды сокрушавшую компартию, – и первым делом было тех наказать, кто мужиков массы на бойню ужасную отправил...** В этом была главная тогдашняя историческая задача! Без решения которой человечество никак не продвинулось бы дальше... **В конечном счете, главное в общества существования не в материальном, – в моральном ...** (Моральное – всегда в конечном счете для общества главное – выразилось в 1917-м по **глупокорыстию – то есть капитализму!** – смертельном ударе... Но только через век оно – только сейчас! – в агонию вселенскую вступает!.. И будет труп

его довольно долго гнить: оно людство **вконец** уж развратило; неясно даже, будет ль дальше жить... или в распад необратимый уж вступило... *Вот до чего* теперь мы докатились, – но если всё ж таки мы выживем – то благодаря лишь тем, в 1917-м, свершеньям большевистским) ... 03.56 – первый основной вариант в ночь на 12 дек., 14 дек., закончил 17 января 2011...
... **Капитализм есть рынок агрессивно-экспансивный**, – когда есть градиент неравноностей развития: сначала в странах, а затем и в мире... Когда же более-менее выровнится, – и рынок сбалансирется всемирный, – тогда исчезнет стимул пр`ибылей: тогда планирование воцарится скрепой **коммунизма!** Но главным будет в коммунизме высокое моральное развитие, – что значит в главном – **независимость, – а это значит – всё ж к земле близость...** Ну, как я сам живу лет с тридцати приблизительно, – но без моих стеснений, дефицитов – по той причине, что живу один (зато помех от стада минимум монаху старому от атеизма) ... 21 декабря **НА «ФЛЭШ-МОБЫ» В СТОЛИЦАХ Живым нельзя в подобной густоте тесниться** – неизбежно будут грызться... Сгоняла в города военная опасность; **с внедреньем средств уничтоженья массовых**, напротив, **города ловушкой стали**, – и нет им больше оправданья, – ну, разве *выбор половой там ширше – зато само стремленье размножаться пищиком, где плотность населенья «выше крыши»...* И там, где пенсии, – там дети не нужны, – и исчезают стимулы трудиться, где знают – и без этого всё ж выживут, не кончится еда, дрова среди зимы... **И это всё концом грозит неизбежимым: заклали люди душу за излишества...**

21 декабря **Ну, вот и первый день солнцестоянья зимнего**: три дни с ночами самыми длинными (по календару отр`ывному), – ну, завтра, значит, день начнет расти: *по этой данности астрономичной разумно и начало года числить, – не от рожденья некоего мифичного ...*

28 декабря **Нисколько я не рад гланавксам этим всем и джиписам***, – *всё это сдача мелочью с возможной очень смерти*: для высокоточных это ведь нав`еденья ракет «ссобачено» сначала Штатами супротив нас, ради довленья мерзкого в вооруженьях, – не могут кои быть применены: их цель была ведь – наше истощение, – но получился им на деле вниз потянувшийся их «довесок», – который, знали б, постарались б «не стараться» пособлять Союз Советский утоплять предателям: **в итоге всех безмозглых сих маневров – смещение роковое мирового равновесия: в кризис последний этим ввергли «бизнесмены» всю свою систему**; хотя по нам сей катаклизм (пока!) гвоздит вроде бы сильнее – *чтобы к неправде были люди наши злее!*, – но *ход времен*, конечно, всех мудрее: в сем кризисе – залог возможного спасения, – но не само собою, разумеется (разве поможет техника нам несколько) ... Спасенье – в доброй воле человечества, – и нам опять нелегкий жребий (своей историей – георасположением): вносить в людства беспутного спасенье больше всех, – как и в двадцатом **судном** веке... Но не закляньями уже – как довелось отцам и дедам, – но, к счастью нашему – рождением по минованью эпохальных бед, – теперь уже одним примером, – еще который нужно приобрести! – **разумного жизнестроения... Примером здравого распределенья по земле...**

Приобретая – мы теряем*, – не все, конечно, одинаково: я, в частности, немало поимел... от тупо-глупой нашей сплошняком секретности послевоенной: совсем не достать было карт, – и вынужден был я с первого похода после 9-го класса двухмесячного – 10 июля – 7 сентября 56-го: до Сидатуна на Имане, оттуда сплавом до Хабаровска; убедившись, что наш, с таким трудом найденный руководитель, ровесник века Ляшок Ефрем Гаврилович, совсем не может компас с картой согласовать: дважды **пришлось (у горы Облачной впервые) отряд из таежных дебрей мне выводить... по карте административно-политической (в сантиметре 12 километров с половиной и без рельефа) ... Это заставило поднапрячь мозги молодые – и быстро выработало на всю жизнь прочный навык ориентирования, – который позволил мне в 59-м, в 19 лет, определиться в турстанцию при крайоно методистом по краеведенью и туризму; в 61-м – стать основателем, первым председателем Владивостокского клуба тури-

стов (почему сейчас и «висит» в интернете моя скромная личность – благодаря собранным Толей Лещенко данным, в соавторстве с дамой из ВГУЭСА выпустившим книгу «История в Приморье самодеятельного туризма»); а в 68-м – 70-ом стать «легендарностью» в крае спортивного ориентирования; ну и до 88-го декабря помогало на тур-фотокружках мне, историческому философу по призванию, «придуряться» -перебиваться... в ожидании, когда мой ум, знания, – понадобятся по-настоящему...

Движут историю про-ти-во-речия: *своей всемирно-исторической победой на целый век продлили коммунисты мир корысти:* те **разложением** только нас доели... на нем, однако, шибко не уедешь... Доели вздрючиваньем потребностей, – вот в них-то сущность разложения!.. Хотя и позитив в сем есть, конечно, – из хлябей разложения как его извлечь? *Железно это было неизбежно: закон элит есть строгий разложения в суровой и огромности и климатом стране...* И в самом деле ведь не судят победителей! Пусть блудословят пустословы: де народ победил, – но в самом деле те победили, – что на борьбу великую его сплотили, вооружили, – «настрополили»!, – иль, пафосней сказать, – вдохновили (или – во спасенье им «манупулировали», – сей модный термин употребив, – которым любят пыль в глаза пустить глупцы: в народе нашем погибать хотел «нормальный» хоть б один?!). ...Но **европейцы не могли, знать, жить, – из жизни мирной на земле капитализмом вышиблены**... И потому пошли на битву – неверную и несправедливую великую, – предчувствуя – не победить нас им... (**Судьбина немцев драматична: мертвым все едино – живым у них до сих пор стыдно...**) ... А нам – что ж делать – ждать пришлось, пока последыши в войне штабистов победителей **вконец** и всячески разложились... Ну, а куда **длили мы капитализм под словеса тяганий** с ним: *в отсталых странах стлали ему пути... по коим, нас повыгнав, запускали капиталистов, – по нашему «нулевому циклу»!.. Но слишком долго не могло то длиться...* ...Но в самом деле ведь пошла по ним – путям, проложенным в отставших странах нами капитализму, отрывая от своей страны, – уже вот **революция всемирная!** Культурная, духовная, всего важнее, – мирная... Произошло это как раз тогда, – когда сама от власти отказалась наша когда-то грозная компартия (правда, прижатая «аховыми» обстоятельствами; что ж, сам я стал «солдатом партии» еще до пятнадцати, – когда в самой крупной школе в городе и крае на меня возложили комсомольскую власть, – и я *сумел* – строго действуя по уставу! – в школе создать энтузиазм на последнем самом излете сталинщины: два года еще как старался я задарма! (нынешним юнцам расслабленным и не представить), – зато узрел в стране упадок еще в десятом классе (так круто возрастало во мне сознание) – когда подъемом всем почти вокруг казалось: и посему мой путь весьма не гладок, – зато могу *теперь вот об эпохе рассуждать* (дано такое право, ох, не всякому!): я не могу вслед В`ольтеру сказать: все к лучшему в этом мире старом, – в рифму сказать... Я сам, сказать вернее, стар, – а мир пока что всё быстрее обновляется (*хоть ускорение сие все большие устрашает подобием росту опухоли раковой!*); в итоге собственной я жизни счастлив: могу в оценке века **судного** двадцатого хоть в старости принять участие, – а силы разума меня пока не оставляют, год от года пока **еще** возрастают) – чего ж в преддверьи старости еще желать...

...**Дает возможность электроника** мне под конец отсюда – из безлюдья!, – где разум только может выживать, – на мир людей во благо повлиять; и коли д`ожил до таких возможностей, имея свой такой огромный опыт, – и сохранив притом к труду способность, – чего ж заправду мне еще желать... (Написано сие осенью, назад скоро год: мне показалось, могу в редакции газет и в интернет через смартфон я отсылать электронную почту; но, видно, отсюда, из моей горной, из дикого камня-туфа пористого берлоги, – просто не хватает мощности сигнала смартфона моего добраться до городских сервер`ов... Или еще что... Незачем мне разбираться на старости в сих электронных тонкостях... Благохвала уже за то сей оборзевшей электронике, что освоил я – работает хорошо нотбук четвертый – компьютер, с питанием от света солнечного... За флэшками приедут сюда на сопку за 70 километров... Возможности писчие –

не сравнить с механической пишмашинкой... а уж редактирования... глядишь – сия гора родит не мышь – и не страшилище «ужаснее» мыши, – не таких франкенштейнов, чудовищность каких и не помыслишь... ..Вчера вот я шевелился до 23-х с половиной – с шести (17 часов, как минимум): до десяти три раза минут по 15 косил, по полчаса пот обсыхал – по эпохе Павла Первого читал; в десять электросистема зарядилась от не`беси, включил компьютер и продолжал сагу подзатянувшуюся о коллаборационизме, – с полчаса, пока не остыл; пошел еще раз покосить; с 12-ти до 19-ти уже дело главное – под компом полулежание, минут через 45 разминкой – коз покормить, укосину поворошить... поскольку была жара за тридцать – взмок от пота за день, считая и с косьбой, раз с десятком, – благо наружный жар мой в полметра стены пробивает через неделю жары, а всего четвертый день ей – и дождь послезавтра, в воскресенье... Да, к жанру оды приобщился вчера нежданно, поправляя (с сокращением строк в три раза) «На переход Альпийских гор» (Суворовым, ода, исправленная, сокращенная, – превосходно-восторженная... Слушал еще под сумерки по радио 11-ю 20-тиминутную серию Алданова о Екатерининском перевороте «Пуншевой водки»... Сено на стожок носил, пленкой укрыл, козу как никогда поздно – раз всего при фонарике – подоил, молочко на газе вскипятит... через полчаса только голышом от пота просох, остыл... но сразу сон меня, как обычно, не посетил... ..До часу еще о диктаторстве – вопрошала вечер в «часе прессы» на «Свободе» Леночка Рыковцева (за менее недели – вторично!): раз семь у «спецов» лицемерно-невежественных допытывалась: почему Батько белорусский – диктатор, на олимпиаду в Лондон посему не пущен, – а не «диктатор» Путин..., – того не пускать на Олимпиаду никто не вздумает в самом диком бреде... (, ...Только что нарколог Ковалев Валера позвонил, телефон под боком был, но не мог сразу найти... он еще позвонил, минут с десять поговорили... на аргуту в конце сентября его пригласил... этот звонок – как блокады прорыв... ..Итак, вчера я кругом... аж 19 часов трудился (правда, раз всего просыпаясь на вчера, отличнейше выспался, на послезавтрашнее ненастье была активность) ... После часу пришлось таблетку валерьянки заглотить, половиной столовой ложки корвалола (в толике, понятно, воды) запить... заснул, проснулся ненадолго в четыре – спал еще до шести... два часа недосып... тяжеловато было шевелиться, хотя почти не косил... сочинительство было зело противно... с неохотой принудил себя книгу вычитывать... И *сразу одним своим стилем взбодрился!* Не хотелось из-за содержания обрыдлого... и, надо же, – взбодрился сначала стилем... потом и содержанием значительным....)

30 декабря 2010 БЕЛЫЙ ЖУРАВЛЬ – СИМВОЛ НАДЕЖДЫ

Задело меня это «величие» в применении к птице, – хотя бы к такой экзотичной, – его бы людям проявить! Люди докажут свое величие, если смогут сохранить эту священную птицу...

Казалось бы в птице – какое величие? Его хотя бы людям проявить! А белого журавля величие, помимо особенной красоты, – в его особой беззащитности: уж очень далеко видна снежно-белая, на высоких ногах птица в летней темной зелени болот западносибирских необозримых, самых на земле обширных равнин! ... Понятно – не оленеводы-тунгусы стерха повыбили, – для этих людей образа жизни – особенно в веке нынешнем! – воистину великого, – он издревле священная птица: повыбили, ясно, пришлые нефтяники-газовики, бессовестные нувориши с вертолетов из скорострельных карабинов... И что остался этих птиц такой мизер – всего двадцать на столь колоссальную периферию! – особенно России позор великий, – но и всех стран, через которые и куда на зиму летит эта необычайно красивая птица... И там несчастный белый журавль на длинных ногах среди вечной зелени очень далеко виден! Вот этой своей противоречивостью – губельной для этих поистине величавых птиц, – *судьба стерха сходится с парадоксальностью и нашей сильно усложнившейся судьбы!* Сумеет возродить величие пролетающего в небесах журавлиного клина, его хватающее за душу курлыка-

нье, – мы действительно велики! Нет – нас вскоре уже ждет судьба незавидная: и нам исчезать вслед за стерхом, да тигром...

Тут сближение неожиданное гомосексуалов с охотниками «от хобби», Ястржемского-нувориша вроде, мерзкого убийцы слонов, носорогов и прочих редких животных... Ну предавайся ты паскудной страсти потихоньку, куда конец ей не положен народами, пока еще попускающими по бедности и недосмотру, – но не хвались, подлец, ты ею всенародно!.. Потомкам поглядеть оставь, паскудник, дикое зверье...

2 января 2012 года ... **Европейские нации, дабы самостоятельность отстоять**, сгнобили с века 16-го свое самостоятельное селянство... Полвека срока им даю я воссоздать, – иначе всем «пи... дец» уж наступает...

Мне претит земледельцев звать крестьянами – поскольку *вонь* поповская шибают: поповство ж тунеядство защищает, – и рабство: тунеядство содержать... *А тунеядству-рабству долго дальше не бывать! Поскольку войн, причины их не стало...* **И надо нам в селянство возвращаться, – коли хотим, как вид, в природе задержаться...**

Людям досужего времени всё больше и больше оставляет техника, – его не может масса в благо тратить, – отсюда ускоренье разложения, – что бедами теперь грозит безмерными... Я в двадцать лет задумался над этим, – уж понимая, что войне большой не быть – дабы людишек лишних поизбить, охочих драться истребить взаимно (то есть агрессию, в самцах поднакопившуюся, аннигилировать), – и *снова вкалывать заставить быдло (вот это главная задача была войны!* Даже не поизбить лишних – мест на земле немало и поныне, где б не помещно можно было б жить, – но не желают ведь в некомфорте (но на свободе!) трудиться, – *хотят городскими паразитами жить*) Не находил тогда я массам выхода – себе ж нашел, в тайгу переселившись; затем, когда после сорока пяти для тайги ослабли силы, – *вот здесь укоренение еще осилил*... Ну, не говорю уж всех – хотя б **количества значительные*** заставить вновь припасть теперь к земле способны – сожалею-не сожалею – одни изрядные лишь бедствия... И не замедлят вскоре э воспоследовать!.. Зане **все движется по прежней древней схеме: сельским населением, еще оставшимся на Земле (в Азии, Африке, Южной Америке), – но в двух-трех только поколениях**... И вот тогда – через полвека! – всем «песец», *коль города заране не расселим, не скукожим пенсии, тлетворность рынка к тому времени существенно не поумерим*...

* Необходимость массового исхода из городов, проповедуемую мною уже с 1990-го в газетах, – не далее как вчера убежденно подтвердил в двухчасовом телефоруме на 5-м канале у Романа Герасимова... не кто иной... как Стародубцев, **в 91-м** член ГКЧП абсурдного... Подтвердил **горячо**, уверенно... За двадцать лет аграрник наш немало *поумнел*... Да и тогда на пресконференции – дрожанье рук Янаева на коей показали, уж этим только обратив всё действие в фарс, – не помню кто спросил Василия, тогда еще не старого: «А в сей компании как оказались Вы?» – Спросил, его от гекечепистов морально отделив, – но подчеркнув его политнаивность...

Вчера ж у Бехтиной на Радио России об этом же **Желтов Олег говорил***, Генеральный директор «Аргументов недели»... Начав с книжек для детей, сумел Олег затронуть главные проблемы здравого размещения людей по земле (**чем именно мы миру можем – и должны! – явить пример!**) ... Судя по голосу – из новых поколений; судя по охвату проблем – не беден интеллектом... что весьма и весьма обнадеживает... 21 сент. 2011 _____

(*Сигнал этот – голос единомышленника и из «сфер», и из новых поколений, – тогда, в начале работы над этой книгой, – меня приободрил ... Где-то в начале октября племянник Александр послал в «Аргументы недели» (и, кажется, «Новую газету») первых десять страниц книги... Работу над ней сильно осложнили перипетии последней компании выборной (но и сле-

лали книгу весомей значительно – ветерок пока... таки перевернул «истории лист» (Б. Слуцкий) – после ... 48-летнего «мёртвого штиля») ... К концу лета года 12-го, в бесполезности спонсора найти убедившись, предварительно «на свои» не заявившись, – издание книги, наконец, двинули... Только в 70-километровом от мегаполиса отдалении, на север от Таежки еще в 1,5 километре, мало не на господствующей над местностью горе, – возможно стало ее возникновение... И только современными элсредствами – ее отсюда донесенье (в городе, «на квартире», не был то ли три, то ли четыре года, – а в январе-феврале нынешних – на 74-м – ездил с флэшками на бывшую «миллионку» трижды! В темноте еще – до электрички пешком через Таежку 4,5 км, напрямую лесом – три)И вот, «так – а не иначе» – целая эпопея-«опупея»!, – в начале апреля 2013-го, в 500-х экземплярах книга («пятикнижие»!) в неплохом виде издана. ...Но нет пресловутого *айсибиенана* на первой странице! *И без того мертвая пустыня в книжных магазинах, а тут такая – по неопытности – закавыка...* Все мои надежды были: увидят книгу в книжных магазинах способные ее оценить, – особенно из иностранных представительств... и – полетит по миру... ..И тут, подобно тому библейскому голубю, севшему на ковчег Ноев, – и возвестившему после многодневных болтаний посудины легендарной по бурной воде безбрежной: – не вся суша затоплена, остались вершины гор кое-где (подобно и сейчас: не всё ещё ложь поглотила – остались и *правды островки!*) – из Союза независимых авторов и издателей на мое имя (на эладрес племянника Александра) элписьмо! С приглашением в конце августа-начале сентября на Пекинскую книжную ярмарку... Значит, возымело действие то полуторагодичной давности элпослание в «Аргументы недели» (мой «авторский калибр» там всё же разглядели) ... И вскоре оттуда же... с 3¼-годовичным, правда, опозданием... но всё равно огромная благодарность: таки зачислены мы в авторы... *Из исправленного и дополненного, в том числе еще около 50 фот-ми переиздания книги*

Сушняк, густяк из лесу потребляю: дровами я Сибирь имаю... Иметь красавиц не велит уж старость, – да надо ж что-то и оставить младости (шучу, понятно... нет сил уже за самками гоняться, – хотя желанье временами и всплывает пришла б разве сама... но старая уж не нужна задаром... даже и с приплатой... и не придет – гормоны уже не толкают... ..а младость... и не глянет даже на старика... да и пришла б – сов'есть не даст уже ее касаться... *У них и гены уже супротив старика – а генами в главном управляем пол прекрасный, – как и вообще большинство подавляющее...* Умом своим живет людей ведь крайне мало...

Тягаются китайцы с германцами скупкой облигаций: долговых обязательств южно-европейских стран... Вчера китайцы купили испанских облигаций сразу на 15 евромиллиардов!.. Это чтоб испанцы и покупали китайское – и поменьше германского... Можно понять китайцев – у них **много еще населения в первобытной самостоятельности**, – там и при охвате пенсиями всего населения одной пятой – на богатых водой и почвой землях, при климате благословенном, – может жить, кто хоть шевелится... 70 еще процентов сельского населения – **громadнейший китайский резерв**... Но снова устрашает германское экспортное **оборзение**: при климате холоднее, без столь богатых почвою, водой земель, – при в двадцать раз меньшем населении, – немцы лишь два года назад уступили китайцам – ненамного, стало быть, пока – первое место в мировом экспорте!.. 1.51 На «Суде времени» в ноябре некоторыми экспертами отмечалось большим недостатком *почти отсутствие пенсионной системы в Китае* – никто (из знатоков!) не возражал... Никто не сказал, что в будущем не дальнем, – это громадным преимуществом Китая станет! *Европейцам – и кто им следует, очень скоро отвыкать от весомых пенсий, – зане не станет в двух ближайших поколеньях рабов, эти пенсии поддерживающих!.. Китайцам ж к пенсиям – и не привыкать, – им сразу к здоровому образу жизни приступать, – но раньше мы пример должны всем дать...* 01.57 8 января 2011

«...Свежесть благоухания, художественная роскошь форм, поэтическая прелесть и благородная простота образов, энергия, могучесть языка... .. полнота чувства...

необъятность содержания – суть родовые приметы поэзии Лермонтова и залог ее будущего великого развития»... В.Г.Белинский

Хоть, несомненно, есть у Лермонтова и перлы вечные, – прогноз Белинского щедрый не оправдал всё ж наш поэт, так рано ушедший: зане характером был скверен – как Пушкин, впрочем, Сервантес... Великим мыслями лишь можно стать поэтом, – стихи ж сплетать уж не такая редкость, – но как, коль молодость отдал... стихоплетенью, – ...ту мудрость поиметь... **У Пушкина, Лермонтова, Гоголя – одна судьба: отдали молодость словам, и мысль у них не развилась**, – так и осталась лет на семнадцати, пусть **очень даже** были задатки, – а после двадцати способность мыслить не развить, – как после трех нельзя уж научиться, как следует, – банально говорить...

...Лишь после трех мне удалось еще поспать – до без четверти пяти; перед просыпом мне... Троицкий почему-то приснился: в какой-то людной комнате не помню о чем с ним говорил – он был уже седой старик, – я, ясно, молодым (мы меньше года на земле совместно в жизни **были**) ... Из комнаты с Женей будто я выходил, ей говорил: не мог вождем он стать по трем причинам: две первые забыл (был высокомерен, ситуации не домысливал?) – третья – был евреем, да еще скверным (евреи есть ведь люди милейшие, – Женя со мной согласилась во сне: – У меня в одном классе такая есть девочка...) ... – Проснувшись лишь, памяти включился механизм: всего меньше года я вместе с Троцком жил – в октябре 39-го я родился, – а летом 40-го он Меркадером убит, верным сталинцем, испанским коммунистом... 05.08

9 января **...Когда ночами – не часто бывает, – сразу не засыпается**, расположение улиц старых под Двухгорбовой горой на Чуркине иногда вспоминается, – ныне сопка Бур'ачека; оттуда путь по жизни в 39-м начат... *Уж 28 лет, как нет отца, – неделя с небольшим, как нет и матери, – и вот из всей родни ближайшей – я первейший самый на черед`е этой печальной...* ...Отец и в памяти остался старым – было ему около сорока, – а мне 15-ть, когда я к лицам стал присматриваться, – и был он узколиц и худощав, – а мать мне помнится и молодая: за тридцать было ей тогда слегка, – была в рассвете самом ее красота, *притененная* временем тяжким: и *это всё в памяти жестокой наслаивается*, – и каково ж ее лицо за восемьдесят пять с тридцатилетним сопоставлять мне в памяти!... ..Не то на Чуркин чтоб не тянет – *давно он территорией проклятой, – давно землей NON GRATA стал*, – многоэтажками уж сплошь заставленный, в асфальт закатанный, – и мототы в нём «выше крыш», – и никого знакомых уже не сыщешь среди бесчисленной людской «икры»... И тишины давным-давно не слышно и в помине... ..Ночами улочки детства старые глинисто-каменистые вспоминаются, дождями часто размывались, – и грузовик единственный днями не проезжал с Диомида на Окатовую; а легковушек вовсе не бывало; микроподъемы, микропуски вспоминаются, и рытвины дорог, коров по коим на Улисс гоняли мы... Давно дороги те в асфальт закатаны – бесчисленная *мотота*, подобно тараканам травленным, – по ним и день и ночь мотается, – шумом и гарью всё в округе отравляя... Не иначе близ конца так развелась эта мотота поганая... (дабы людства свехрост унять)...

Духовностью борется в людстве с животностью, – и победить должна ведь с нашей помощью – иначе сгинет ведь людство...

Массы людства от бега времени отстали! Хотя тем бредом термоядерным, войною невозможно стало решение каких-либо задач, – оно **абсурдно множится в огромных городах**, – его «капут» где скорый поджидает, как древних некогда афинян: – от эпидемий страшных, – иль всё ж сорвется **от «науки» борзой, техники армагеддон** тот самый, давно что над людством беспутным нависает, – изрядным *от «наук» морали отставанием*, – прихлопнет глупых и развратных горожан... Ну, что ж: сельчанам чище станет...

Несу я часть изрядную эпохи тяжкой, – пускай при мне не столь уже кровавой: и посему я человек не частный, – и пусть мне самому то мало даст, – я должен **суд свой времени** издать... (Как ни тягостно презрения к людству преодолевать массу, – что накопились-то

в душе с годами... Уж в тридцать Пушкин написал: «Кто жил и мыслил, тот не может в душе не презирать людей», – но *каково же мне, достаточно познавшего свирепость двадцатого века, – за семьдесят, вблизи уже природного предела...*

Всего суровой судишь себя сам, – и санкция всегда – досада, – собою если что-то представляешь, – отнюдь не раскаянье – которого и вовсе в самом деле не бывает: **ведомым массам не в чем каяться, – злодей всегда себе находит оправдание** ... А глубже взять – раскаяньем как бы кусок из жизни собственной изрядный вырывается, – и сам начинаешь презирать себя за несостоятельность! Вот почему есть лицемерье всякое раскаянье, – взять в рассмотрение всю совокупность (внутренних и внешних) обстоятельств, – средство хитро-**лживо**-банальное; *раскаяние – свехпакость, – какую только можно и представить* (поскольку неким «богом» невозможным, лживо-лицемерно прикрывается: мерзопакостное самое – еще и «богоугодным» считать призывается)...

Высок не тот, кто от рожденья в «высях», а кто с низов сумел возвыситься...

10 января 2011 г. ... Шесть лет моей нечаемой поэзии: хотя совсем пока и непривеченной, – но средство в старости не закоснеть, – да и признание воспоследует, – коль книгу выпущу я в свет...

Наука – это достоверность, – в отличие от предположений, – тем паче от веры...

25 января **АЛЕКСАНДР ФАДЕЕВ**

«Отвоевался, отшутился, отпраздновал, отговорил, в короткий некролог вместился весь список дел, что он творил. ... Любил рубашки голубые, застольный треп и славы дым, и женщины почти любые напропалую шли за ним. ... Напропалую, наудачу, навывлет жил, орлом и львом, – но ставил равные задачи себе – с Толстым, при этом (лучше бы „и даже“ – Ю.Б., 1.7.2011) – с Львом (по мне – не важнее двух других Толстых, – а поэт Алексей, пожалуй, Льва, как человек, – весомей – Ю.Б.). ... Был солнцем маленькой планеты, где все не пашут и не жнут, где все – прозаики, поэты и критики – бумагу мнут. ... Хитро, толково, мудро правил, судил, рядил, карал, марал, – и в чем-то Сталину был равен хмельного флота адмирал, ... хмельного войска полководец, в колхозе пьяном – бригадир. И клял и чтил его народец, которым он руководил. ... Но право живота и смерти выходит боком нам порой. Теперь попробуйте, измерьте, герой ли этот мой герой?» Борис Слуцкий

Спустя теперь еще полвека сомненья в этом никакого нету: **герой** земляк был славный мой. ... Герой уж в ранней юности на поле боя в Гражданскую, суднейшую из войн, – ... и в зрелости – в борьбе еще суровейшей, – *когда жестокость лишь была страховкой в побоищах освирепевшей истории: когда безжалостность одна могла спасти людство, погрязшее в неправде к`орыстной*... Дважды герой – и много более: ... сумел он стать фигурой века узловою творчеством, – а для того не только хитростью, умом, жестокостью, – но надо было обладать (как Сталину!) – и совестью, – и наивысшей совестью при том... Так, значит, *трижды был герой: героем то есть из героев*... ... И потому стал жертвой первой времен бессовестных: пришлось платить по всем тем сделкам с совестью с людишками бессовестными – и пулей в собственный висок сказать, что всё ж таки имел он совесть, – когда увидел: воцарилась подлость... сказал тем самым: из совсем другого теста он... ... Когда бы мог он, как Хрущев, – и всяких там «червей» бездарных сонмы, держаться клеветой на истинных героев, – которые – про`яснится не так уж вдолге, – таки спасли заблудшее людство, – про`яснится, когда... таки к крутым придется мерам тем прибегнуть отчасти и вновь... (Кстати, прозрел тогда из очень он немногих... 16 было мне тогда всего, и главное хотя уже пон`ял я менее чем через год, – но меру всю тогдашней подлости я осознал вполне лишь через тридцать с лишним лет: лишь в ноябре 91-го, – когда злодей ельцинцы огульный объявили «отпуск цен»... 13 сент. 2011... *Та завершающая подлость была начата в феврале 56-го охаиванья хрущевского, хотя и необходимо жестокой, – но славной навсегда, великой сталинской эпохи, –*

того хлощаво-пигмейского охаиванья **гиганта совести, ума и воли усопшего** – неизбежный подлый исход) ... Ну, оправдал таки я день сегодняшний: помимо подведения черты под сложным прошлым, – дал, как всегда, *неотменяемый* прогноз)...

26 января **Аз возрастом хотя продвинул зело** – мне в октябре уж стукнул 71-ый, – однако, как пиита, – еще в детстве: в сем январе, 20-го, шесть лет, как высклось во мне столкновением двух разных стрессов первое стихотворенье, – и сразу важное и совершенное – о жалости между людей (на эту тему очень мало в мировой поэзии) ... Хотя не сочинял, – но смладу запоминал шедевры (припоминая их затем, приобретал я навык рифмоизвлечения из языковых бездн и построения размерности); хотя немалый опыт жизненный имел, – но в годы младости и зрелости мои способности остались втун`е, – и лишь когда нач`алось в обществе в конце 80-х шевеление, – наметилось им (максимально возможное **тогда**) применение на стезе общественности: с 90-го по 95-й я, сугубый аутсайдер, чем-то вроде «колумниста» в краевой партийной газете «заделался» (что было удивительно само по себе: из КПСС я вышел по заявлению еще в 74-м, имея партстажу 11 лет, – а считая и в комсомоле на максимально важных по возрасту должностях, – надо накинуть стажа партийного еще лет с десять: с месяц еще до 15-ти по-настоящему начал, первые полтора года еще искреннее, ревностное служение) ... – И, несмотря на сей мой **тот** отказ партии в доверии (правда, в 90-м в редакции уже никто не спрашивал партбилет), – меня передовицами публиковали еще в крайкома партии газете, – зане сами «журналюги» не **умели** на запросы времени ответить, – а было подписчиков свыше 300-т тысяч, – и надо было им обеспечивать «умственную пищу»: существовало «Красное знамя» лишь с подписки; затем прибрали мерзавцы к деньгам газеты, – а «Красное знамя» и вовсе в бурных волнах рынка исчезло (не спасло «комуняк» сильно запоздалое к случайно уцелевшим сочувствующим умам обращение (имевшихся в самой партии карьеристская «червятина», продукт послесталинского гниения, – их еще в конце 60-х поиззела); ... сам я сведенья обрел незабвенные о том, как партия утрачивала прессу (и власть вместе с ней! теперь бы *надо* эти крайне важные свидетельства до потомства донести: в дневниках моих отражено подневно); к прозе всякой вообще в обществе убавилось интересу (к поэзии ж вообще интерес исчез (вернее, **со стихами Бориса Слуцкого, Светлова (!) в 60-х последние исчезла, высосав насухо тему военную – где, как известно, немного «поэзного», и сама поэзия!** А к несуществующему какой же интерес*!) ... Но я тогда еще ни сном ни духом о самоучастии в поэзии! Не знаю – не **случись** два стресса с перерывом в месяц, так и не открылись бы, возможно, эти во мне способности редкие (единственно в жизни теперь держат) ... В начале декабря 2004-го пришлось мне отказать в одном знакомстве *лишнем* давнем – приходится с годами сбрасывать «с корабля **балласт**»: пришлось мне отказать знаться с соратником давних походов младости, с которым дальше начисто никаких касательств: такой уже совсем конкретный малый оказался (в моих где-то годах, – зачем же мне старик бессодержательный!): меня и здесь он (инвалид уже) отыскал через одного из моих младших братьев: не на чем общаться, – но назад сразу инвалида не отправишь, – пришлось мне сразу же на машине брата назад его и отослать, – это, понятно, после стольких лет знакомства – настоящая драма!; и был в конце того я декабря наказан (не за этот, понятно, отказ – за череду в возведении крыши небрежностей по причине **спешки**, – слишком участия в перипетиях политики начала «эпохи Ельцина» мерзкой) ... – Итак, был наказан пожаром здесь на «даче» страшным («сгорела крыша и чердак, весь выгорел второй этаж, осыпалась стеклянная теплица там же, библиотека – третья уже за жизнь! сгинула дымом», из поэмы «Пожар»); преодолел в безлюдьи в две недели здесь последствия (первые самые) сего пожара, как стал тот Коля вечерами мне являться, – я подивился весу тягости моральной супротив всех потерь немалых материальных! Стихами **ТОЛЬКО** ту вину безвинную за тот казус замысловатый с души я снял того года 2005-го января 20-го (вего за четверть часа):

Вчера, растапливая печку, собою недоволен был: несчастный Коля Василенко опять в который уж раз всплыл. ...Пора б забыть сей жалкий казус, отрыжку прежних мрачных дней, – да легче крупное несчастье избыть, чем жалость меж людей...

И после паузы в два месяца в «стихоплетении» – сначала было в третьей от конца строке «жалких» ж «дней», и с месяц было смутное ощущение, что что-то в этом очень верном стихотворении неверно, – пока не дошло мне: *сам-то я ведь жалким никак н`е был!*...

И дни те десятилетия! жалки были для страны, для «быдла» (в 10-м классе уж вполне, в начале полста седьмого ощутил), – но не для тех, постигнуть кто стремился действительность! Для одного тогда себя фактически! Десяток лет в безлюдье полном был – ведь только в тот же год и «диссидентство» зародилось... ..уж после того, как в конце апреля группу я в поход двухнедельный водил (краевого) семинара инструкторов по туризму: – утром диплом 28-го апреля 1968-го по геополитике («отлично») защитил – а вечером уже автобус группу семинара повез в ночь – одним из двух в крае в 67-м действительных инструкторов-методистом по пешеходному туризму (другим Юра Садилов был, – еще три тогда были присвоены Москвой чиновникам краевым от туризма, в походы они не ходили) ... Итак, утром защита диплома – вечером, не отоспавшись, похода на Облачную, к самым истокам Уссур`и старт... Тут надобно в подробности мне всунуться, чтобы **другой-то** (тютчевский**) все ж мог как-то понять, как Апполон меня («поял») ... на перевале аж на седьмой десяток... Но заодно, как в капле воды, – весь Универсум отражается в том эпизоде: времен разница, – и вместе то, – что навсегда останется... _____

*До «электронной» эры интерес к чтению поддерживался «на 90 процентов» скудостью развлечений, – и где-то только процентов на десять – тягой к научению... Но развивались пассивно и те «90 процентов» массивные... **Всесильная индустрия, значительно освободив «быдло» от физических усилий, не в силах принудить его к развитию**, – зато сверх всяких мер всяческая индустрия разврата «развилась», – сгноив и тот, что был, к чтению интерес пассивный... К тому же рынок корыстный **капиталистический** устроил в два-три десятилетия гонку на словах информации – на деле «развлекухи-отвлекухи» носителей апокалипсическую... ..Как всегда и везде здесь – не одни только беды. Без средств новейших я не набрал бы эту книгу здесь, вдали от людей, за два месяца... А в городе – и даже на селе! – мне бы даже не захотелось по причине шумами от людства раздражения... Возможная от книжки польза – вряд ли тотальный вред от оборзевшей электронизации перевесит... но всё же... ..Одна надежда – «носителей» нынешняя гонка сумасшедшая несколько поумерится, дойдя до неизбежного физического предела; *общество на гибельной «глиссаде» (в никуда!) взнуздает т`аки рынок сумасшедший, – и наполнение содержанием «носителей», надеюсь-верю, всё ж таки затребуется...* _____

** «Как сердцу высказать себя? Другому как понять тебя? Как он поймет, чем ты живешь? Мысль изреченная есть ложь»... Федор Тютчев

9 марта ...**Прелесть писания воспоминаний...** Казалось бы, того касается, в далеком прошлом что осталось, – но если суть привскрывать уд`алось, – притом единственными словами, – пребудет то в нетленной младости... пускай давно не будет уж меня... (на подъеме от Таежки)

Сложнейший феномен – Победа, в нем бесконечны переменные, – и много надо разума отваги, чтоб к истине сквозь них пробраться... Победа мнится победителю добычей, – но побежденный должен шевелиться шибче: в итоге впереди развитием (да все ведь в этом мире относительно) ... Победа, есть такой закон, – побольше к побежденным благосклонна, – их заставляя шибче размышлять, как победителей и где ужать... В итоге победители – в изрядном смысле жертвы Ники: она стагнации у них причиною! Зане Победа – стык противоречий, – и воплощение самой той «диалектики»: в итоге «черная ирония» истории, – вся суть которой: разрушая – строить...

(последние четыре строки вставлены 05.01.2011., 10.54)

Сложнее нравственный разрез победы, – тем более ценою жертв таких невероятных, – которые спасли, конечно, соотечественников – и более того: всё человечество!, – ... и... *обеспечили на деле в то же время доходы заокеанской империализма ветви за счет немецко-европейской*, – и также обусловили продление засилия военицины в своей стране на лишние треть века, – и будущее неизбежное поражение поэтому, – которое, тем не менее, благодетельно, зане: *продляли мы капитализм на деле на лишние полвека несостоятельной борьбой с ним (что было очень ему выгодно!)*, – и **только когда каста штабистов в войне победителей вконец отгнила – капитализм стал через 20 лет всего лишь в могилу валиться!**, – которую ему вырыл еще Октябрь наш Великий... В пределах уж ближайших десятилетий! – мы снова будем впереди «планеты всей» примером устроения справедливой жизни (сельской) **на земле!**.. Мечта великая селян 1917-го таки осуществится! Жертвы в войне ужасной не напрасны были: *побоищ прошлого уже не должно быть...*

...А в до сих пор «балдении» той давней победой есть нечто косвенно и даже «людоедское»: не по отношению к многомиллионным жертвам, на ее «алтарь» принёсенным, – а к их оставшейся жить родне, – которым «победителей штабисты» нечестные, как говорится, «заедали век»! Косвенно это и есть людоедство, – и за это надо держать хотя бы моральный ответ... 3 марта 2011 г.

17 марта ...**На европейских сварах старых нагрели лапы Штаты славно**, – ох, крепко Старый – Новый Свет пограбил в веке безжалостном двадцатом...

«Вместе они (Гитлер и Сталин – Ю.Б.) являют пример самый яркий „ужасных симплификаторов“ (simplificateurs terribles), которых историк 19-го века Якоб Буркхардт предвидел, как типичное явление века последующего»... Алан Буллок, «Гитлер и Сталин», т.2, стр.334 (Некоторые слова мною заменены или переставлены для большей точности и лучшего звучания – Ю.Б.)

Не знаю, чем уж аргументировал Буркхардт такое мнение, возможно, тем же, что и Фридрих Энгельс: двадцатый век начнется международными столкновениями... Коих эффект как раз это «ужасное упрощение»!.. Причем ужасное двойко: и сами по себе ужасны мировые войны, – не менее страшны и упрощения, издревле свойственные всякой войне (за исключением «войны всех против всех», – что грядет не только ужасным, – но даже гибельным усложнением: тогда **фронтальная война века двадцатого покажется даже благом – беды борзо продолжатся ужасные, – коль люди будут еще размножаться в благоприятственных к тому странах, – возраст животный свой не обуздав**) ... А сама вышевыделенная «жиром» предыдущего абзаца первая фраза – образец словоблудия «ужасного», – показатель историками самыми-самыми – самой сути явлений непонимания (что грозит неизбежными ужасностями уже не «в кавычках» – *взаправду*... как мы по нынешним нашим дерьмовым историкам наблюдаем... Только не приписывайте мне... целого сословия оскорбление – я лишь о тех, кто *сервильничает* в массмедиа... наверное и честные историки есть)...

19 марта ...**Исчадь обезьян отвязное борзо «песеи» себе сварганило**, под слушаем полвека пребывает, – и образумиться, похоже, не желает...

(Проброс изрядный далее по биографии)

Пошли-поехали юбилей моих провидческих статей, – что и могли увидеть только свет во мраке хаоса тогдашней пересменки властей, – в те годы сжатые и месяцы, когда бесхозной оставалась пресса... Что происходит, главное – что грядет, во всем Примкрае, может, только я и знал, – поскольку так сложилась биография, что зрил я на селе распад еще в каникулы после седьмого класса... После конца войны шел год девятый... **В 8-м-9-м классе сам я задержал в школе распад – и возбудил я даже запоздалый массовый энтузиазм – в последние буквально полтора года «сталинщины», – лишь тре-**

буя выполнять ВЛКСМа устав, – в 27-й, крупнейшей школе края, избран внезапно в сан (тогда еще сакральный года последние полтора, – вплоть до дурацкого Хрущева доклада под завязку КПСС съезда 20-го) комитета комсомола школы секретаря. ... (Так я совсем, совсем неожиданно, восьмиклассником, «богом» комсомольским в школе стал, где было три выпускных класса – больше сотни десятиклассников!), —. приобщен был тем самым, с «ногтей младых» самых к власти, какую нынешним школярам нельзя даже и представить, – что мне дало в самой истории понимания **забег** немалый, – смею полагать, что даже уникальный... Судите сами: два года спустя, зря в школе *снова* распад, – уже не секретарь, учась в 10-м классе, – *в дневник я записал в конце еще полста седьмого января об учителях (и вообще о всем начальстве!)*: **«Былая сила их пропала – и управлять одною лишь командой теперь и впредь никак нельзя»** (здесь перевел в стихи я сам себя: было написано тогда буквально: **«Силы у них (идейной – это добавил сейчас) уже не стало, действовать одним администрированием никак нельзя»**... Нетрудно в фразе сей узреть уже не что иное, как определение – и приговор! — не более и не менее! – уже без «яиц» тогда тоталитарной системе («благодаря» лишь одного *хитрого дурака* доклада на съезде 20-м величайшей, всепобеждавшей дотоле партии!) ... А мне семнадцать лишь лет и три месяца... Такой вот мой в *провидчестве забег* (что не могло никак мне жизнь облегчить) ... И где потом я только не бывал, к чему я только руки не прикладывал, – я неуклонный зрил везде распад; два универа кончил я с дипломами красными: «марксизма-ленинизма» на Сахалине в армии, ДВГУ (история) за два года семь месяцев, поступив из армии: «отлично» всё к дипломам в вкладышах (три курса «вышки» на судомеханика до в 62-м армии надо еще приплюсовать ко всем моим «образованиям», – я инженером был уж настоящим: мог фермы моста, допустим, рассчитать (металловедение, сопромат, статика-динамика, электротехнику уже сдал) ... Диплом в ДВГУ я защитил, тож на «отлично», в 68-м, в конце апреля, – и до декабря года того рубежного успел еще в спорториентированьи сделать карьеру: председателем крайфедерации избирали в декабре... ..Но в августа конце, на семинаре «начальников дистанций» в турбазе «Столбы» под Красноярском, – куда меня послали на повышение квалификации начальников по ориентированью дистанций (второе место там занял, хотя совсем не тренировался, на краевых соревнованиях) – с тревогой безнадеги ждал вторжения в Чехословакию, – чем мой прогноз **себе** весьма существенно ухудшался: я понимал – надолго отодвигается реализация всех этих моих образований, – *надолго, если не навсегда*... Еще там примешалась личная передрыга, – из-за того еще в столь ранние, до тридцати, лета, – по сумме этих всех передрыг – не место здесь распространяться, – решил тогда *из мерзкой сей цивилизации в леса податься*, – а чтоб деньжонок подсобрать, в ДВ пароходство помполитом подался (первым помощником капитана).. – Но на полтора года в партком ДВ пароходства встрял: Мальков Н. И. мой побег из цивилизации года на полтора задержал: грамотность моей справки по проверке Торгпорта парторганизации (по экономической реформе тогдашней) ему понравилась (это был третий, выше всех забравшийся партийбонз`а, в жизни с коими довелось встретиться: первому, Гульченко Александру Никитичу, что до зама потом в СССР рыбного министра поднялся, я сразу независимостью «поперек горла» стал, как первым секретарем Первомайского (Ворошиловского еще тогда) райкома партии – **осенью 58-го** бывшего старшину торпедного катера, избрали (не сразу, ясно, где-то партсекретарем сначала был на предприятиях, в горкома, крайкома партии был в аппаратах), – а я в райкоме комсомола на пропаганде тогда обретался: пришлось мне через пять месяцев из райкома комсомола убираться, – в крайоно методистом по туризму и краеведенью взяли (того похода лета 56-го уникального благодаря), в 19, – полгода там всего лишь задержался, не притерся к старым бабам, – и крайкомокомсомольские красавицы захотели перетащить меня «на комсомол» обратно (не иначе, как тоже «красавчика»); тогда я понравился Косте Харчеву (его фамилия до сих пор всплывает (на «Дожде» недавно): протоиерей Ардов, кажется, не далее, как попозавчера упоминал в теледискуссии на 5-м (Питерском) канале у Ники Стрижак, – что

де Харчев, бывший конфессий от ЦК КПСС главноуправляющий («куратор»), – эк куда сей схожий с мопсиком-собачкой плюгавый парень взобрался* (правда, *тогда религии мало что значили, – это теперь в идеологическом вакууме они мракобесием засмердели*)!..; итак, понравился я Харчеву, номенклатурщику смладу (как и Мальков – из «пароходского» клана: к загранице были близки – найлон сначала, приемники-транзисторы, видаки (порнушкой балдеть), – подержанные потом авто: надо же капиталистам занятия – новые авто клепать! – найти своему «быдлу», – заодно и наше бездельем гнобить: «пускай шарахаются на на нашем автохламе, „шары“ выпучив»... Отвлёкся на «истории развитие»... И так, в конце августа 59-го аз – коснулся, уже в тот год вторично!, – в будущем «эмпиреев» высшей власти самих! ... Ведь Харчев занимал под конец карьеры пост не кого иного, как самого Победоносцева!.. Который, словами Блока, в судьбоносной второй половине 19-го века «...над Россией... простер совиные крыла»... Влиянию Харчева Кости далеко было до Победоносцева, его должность была шутовская, «отстойная», – и в ней он тоже смог «наломать дров», стараясь падающее влияние партийной схоластики подпереть... попустительством мракобесию: построить под партаппарат наличествующие в «эсесесерии» конфессии, – на «ниве сей» перестарался: попал на «кончик пера» борзописной огоньковской братии, всласть они над глупонаивностью Кости запоздалой бюрократской поиздевались... Я бы никак не смог общаться с такими *реликтами лживыми эпох отживших*... А в августе 1959-го дальнего пересеклась моя с Костиной стезя Костя красно-мопсopodobнолицый обреталясь первым секретарем Фрунзенского райкома комсомола Владика, – я же хотел к студенточкам подобраться, – район студенческим считался: больше где-либо было там красавиц (я ни одной тогда еще не «ял»: суровой были времена, и робость «юного осла» (Гейне), и на «активность» сильно отвлекался: в районе Первомайском сильно мне мешала та самая «сакральность», – и не было почти там красавиц, – они всё в вузы ведь стекались: мед- пединституты, метеотехникум – это всё район Фрунзенский). ... Меня Лика Подоспеева из крайкома комсомола, с которой на слете туристов-школьников мы (платонически) спознались, приятелю своему Харчеву рекомендовала (из одного они были, видимо, «пароходского» клана), – ее никак нельзя было назвать красавицей, она отличалась разве вкрадчивостью, – но две-три девушки в крайкоме были весьма привлекательные, – и я им нравился... Но бдили опытные взрослые самцы горкомовские! Буркин и Дульцев, секретари первый и второй горкома комсомола Владика «всеми четырьмя копытами» уперлись против меня! Пусти такого дальше – так самим невдалеке власть уступать! Пришел я к Харчеву еще так раза два, – он уверял, что отстоит меня («Приходи, ты мне нравишься»), – но я уже понял, умом он мне не равен, – и, стало быть, чем-то иным ему я нравлюсь (я знал уж правило главного любого начальника: рядом держать отнюдь и паки не умней себя, – все ждали от меня начальники, что буду угождать, – ну, и неизбежное затем во мне разочарование (препакостные ведь были времена, похуже кое в чем самой и сталинщины (как ни прискорбно, *та необходимой ведь была*): тогда ведь головы снимались за бездарных замов! **А перестали – стало всё расползаться**... Словом, ходить я к Харчеву «с исканием» перестал, в завод опять я (на Улисс) подался, намыкался там годик с гаком изрядным «всласть», – покуда с Лешей Симаковым на улице не повстречался, – и он меня опять в туризм взвратил рекомендацией (он был типичнейший пролаза), – но уже в крайсовпроф на тот раз... Там я опять «актив» вокруг себя собрал (как и в районе Первомайском три года назад: народные дружины организовал: по триста человек на рейды отправлял я на танцплощадки: за месяц мы в справились с хулиганством-пьянством, драками массовыми (тогда-то я и с милицией спознался): **по младости еще не понимал, – что этим именно старанием, – а главное, что вокруг меня ребята собирались – я становлюсь властям опасен! И против них могу поднять ведь массы, час такой настанет!** Никак нельзя, покуда млад, мне хода дать) ... И так, еще я раз вокруг себя собрал отборных, на этот раз даже более бригадмилыцев развитых ребят: клуб краевой во Владике туристов летом 61-го организовал, был избран первым председателем, – кроме

того, клубы в Артеме, Арсеньеве, Находке и Спасске, – во всех тогда, кроме Уссурийска, городах, – не помню, что и там актив собрать мне помешало... А во Владике по средам ребята и девчата собирались, турсекций организаторы в вузах, на предприятиях, – и, видимо, сие не минуло внимания моих горкомовских недоброжелателей, – кроме того, мой непосредственный начальник, Совета по туризму крайсофпрофа председатель Строголев Сергей Михайлович (такой носатый, хитрый сексуал с ухмылкой масляной, – ему я вскоре, ясно, резко не понравился), – Совета по туризму крайсовпрофа председатель (путевками заведывал всякими, турбазами); вполне возможно, не без горкомокомсомольской инспирации, на место мое красотку в марте 62-го подыскал (в туризме самодеятельном совсем бездарную), – меня ж на Океанскую турбазу на ремонт сослал, – а с мая маршруты разрабатывать для обеих тогдашних турбаз (по мне как раз занятие): там, наконец, по девкам я мал-мало разгулялся (всего одну-то я как следует «попаял», – но стала лишь переглядом как бы моя на танцплощадке почти всякая (как мотыльки на свет слетаются), – вечера всего на два как бы «плейбоем» я стал (мне лет как раз ведь 22) ... Как следует разгуляться не дала армия! В конце июля 62-го того же забрали... Комсорг там сразу, ясно, – и в карантине, и в батарее потом: такая уж физия была «секретарская»! Майор Салей, партсекретарь части, – о геополитике мы с ним беседовали часто (и внутренней остороженько, намеками касались), на скамеечке перед карантинном вечер каждый он присаживался, я выходил, к нему подсаживался, – или он подходил, видя, что я уже там, – и мы беседовали о всяком; в библиотеку части сразу меня садит – как раз то самое, что мне и надо: что называется «козла в огород» запускает (всем батареяцам на работу наряды – в библиотеку я (книги переписывать не спешил, больше читал; в караулы, конечно, и я хаживал); осенью наводчиком отлично на 56-миллиметровой зенитной автоматической пушке отстрелялся, – в партию Салей предлагает кандидатом: от меня только согласие: рекомендации (две или три) он сам собирает с гражданки: весной по этим рекомендациям – имел в райкоме комсомола стаж ведь я – в политотдел дивизии инструктором по комсомолу, на должность капитанскую, в Южно-Сахалинск отзывают, комнату на двоих (с Геней Таякиным) в укромном месте роты комендантской дали (Гена вскоре ночует больше по бабам); «корочки» с фото – вместо увольнительной записки и командировочного удостоверения постоянные дали: куда хочешь по всему Сахалину гуляй по воинским частям... Такая лафа была введена всего год назад – как специально для меня! Чтоб панорамней изучать мне армию... Тогда-то за год и познал о ней немало: в полк, допустим, в Долинск, еще рядовым приезжаю, помполит подполковник приветливо встречает, сразу в офицерскую гостиницу определяет, в офицерскую столовую на довольствие ставит, – просит чтобы, что я там доложу в результате, – с ним согласовал... Немало я провел с активом семинаров: приедешь, соберешь комсоров рот и батальонов, – сразу обид, недоразумений с командирами шквал: где разобраться со штабными обещаешь, где необходимость армейских ограничений оправдываешь, обязательность службы из высших соображений объясняешь... И с офицерами немало я общался в беседах частных... (В полках всегда бывало много неурядиц: то тумбочки рьяно шмонает слишком ретивый комбат, книги, дневники изымает (чему в начале службы подвергся и я сам), то бесчинствует старшина, препятствуют самообразованию... и так далее ... Нагрузкам, словом, подвергался немалым... Между поездками по частям... в библиотеках отдыхал: в девять утра все в политотдел на планерку на час являлись, – и «ф-ф-ф-ыр» затем всё офицерье по домам, – в кино коллега мой Таякин, – и в библиотеку областную я (вниз триста метров-то всего от штаба) ... Всегда там пустота, – два-три всего корейских юношей старательных... Все десять толстых тома Дарвина там перечитал, – и много прочего тогда; а на «квартиру» брал книги пачками уж на горе в библиотеке ДОСА (Дома Офицеров Советской Армии, – а было там редких книг немало после хрущевского в 56-м сокращения армии из бибколлектора армейского в Хабаровске, куда со всего Востока Дальнего книги после ликвидации частей стаскивали даже годов выпуска еще 20-х: там Менделя Грегора, теории наследственности, генетики «отца», Шпенглера «Закат Европы»,

знаменитого Шопенгауэра – и прочее подобное, что «лженаукой» тогда считалось, прочитал (библиотекарша была ко мне в симпатии не старая, несколько хотя полноватая, но милостивая, хорошая была, – но просто так с такой хорошей было бы нельзя, – да я хронически не высыпался, – до трех ночь почти каждую читал, – а в восемь утра завтрак, – к девяти ведь в штаб дивизии надо успевать (спанья такого маловато: кэжэ с десятков в год тот потерял, – не до красавиц было мне тогда) ... *Среди офицера добрых и честных встретилось немало – побольше, чем в прежнем моем гражданском начальстве, – но чем подальше от солдат, – то тем бездушнее, как правило...* Ну, словом, общество в армии в 63-м-65-м более двух лет использовало сполна мои способности организатора, притом почти задаром, – лишь за пособие смешное – 12 рублей всего! – сержантское, на должности, однако, капитанской, – притом свобода максимальная для срочника в армии мне предоставилась мудрым весьма решением использовать срочников в политвоспитательной работе на офицерских должностях: одно из немногих верных решений дряхлеющего уже цека партии (оно лишь армию тогда могло немного улучшать, введя такое средство демократизации, – так сказать, «обратной связи»): польза обоюдная извлекалась, способные парни не теряли времени даром, продолжали оттачивать навыки организаторские (вообще-то в обществе самые важные!), – и обходилось обществу, уже упоминал, почти бесплатно... Мне же то решение цека, для меня счастливое, позволило беспрепятственно (и тоже бесплатно) армию изучать... Куда хотел, я ездил по своей дивизии частям (Анива, Такое, Долинск, Хомутово, Корсаков, Южный Сокол), никого не спрашиваясь, – лишь взяв в канцелярии, общей для всего дивизии штаба, – куда отправляюсь, продовольственный аттестат... В такой моей свободе проявлялась полная офигенность к политработе моего начальства, – а поскольку в сем повторялся мой опыт еще школьный десятка лет назад, – и райкомкомсомольский паче, – лишь шести-пяти годов назад (когда я нардружины на Чуркине организовать старался при полном равнодушии (и зависти, тщательно скрываемой) остальных моих райкомовских сотоварищей: еще в итоге и неугоден стал партийному и высшему комсомольскому начальству), – того ж и в политотделе должно было ожидать: и через месяцы меня начальство, ясно, распознало, – подло-угодливости от меня, понятно, не дождавшись, полковник Пупышев, политотдела начальник, – а паче подполковник Рябов, его зам, помладше, – и позлее и попакостнее (что видно было даже и во взгляде – похож на Брежнева был в младости, смугловатый, с такими ж мощными бровями), – а Пупышев, политотдела начальник, человек крупноватый, ликом на Горького Максима походил сильно, такой же широколицый, скуластый, – изрядной флегмой отличался, ну, все ему было «до лампочки»; крутил же фронтовиком полковником подполковник Рябов: позлее был и по сильнее характером: он «оприходовал» сразу товарища моего Гену Таякина – по дому что-то тот Рябову помогал (ко мне он сразу тоже подбивался – но «глупым» я оказался, «непонимающим», – Рябов, как злодеи все, был «психарем» не слабым: понял – мне он умом не пара, – и, несомненно, Пупышеву при случае «капал»: меня де на «усиление» в часть надо послать, – лицемерно так от неугодных в штабах («обезьяны») те избавлялись) ... Я в штабе лишь капитаном Толмачевым держался, замначпола по комсомолу (хотя один владел отчетной в округ информацией: сколько где в политкружках, сколько комсомолом охвачено, сколько где спортсменов-разрядников и так далее, – Таякин был лишь на подхвате – и в части почти не выезжал, – а выезжал; так, только при начальстве Таякин ошивался, сильно на меня начальству «капал», – но Толмачеву я решал по высшей математике и механикам задачки (тогда еще не забывал я дифференциалы-интегралы: контрольные ему решал, как и Демичеву в районе Первомайском, райкома комсомола первый секретарь пять лет назад, заочный факультет обламывал: им помогал по высшей математике, теоретической, аналитической механикам, сопромату («страшному» – но я запросто и по нему задачки шелкал, мосты там, фермы всякие расчислял), – и прочей премудристикой технической всякой: тем только и там и там и держался... Но вот в начале 64-го января Пупышев меня вызывает: «на усиление» комсомольским секретарем освобож-

денным в «родной» зенитный дивизион отсылают собираются (согласия моего не спрашивая: как же от «усиления» отказаться!); к рации Пупышев меня подзывает, у майора Соколова, помполита дивизиона в Южном Соколе зенитного, спрашивает: «Не забыли еще Бевзюка?» – «Как же забыть – за мудрость почитаем»... Конечно, слушать это было лестно азу – еще бы, что «мудрец» в 24 узнал!, – но меньше всего хотелось бы на «собственную блевотину», на низовую работку комсомольскую, к коей еще в школе сбил «охотку» (когда должность сия – в школе комсекретаря еще почиталась последние полтора года сталинщины сакрально, – но в 56-го 2-м полуодии уже более-менее тайно презиралась), – и снова в казарму (можно было, впрочем, комнатешку и там сорвать, – из принципа не стал бы настаивать, унижаться); библиотек облцентра в любом разе лишался... И вот везет в своем «козле» в конце (64-го) января полковник Пупышев в Южный Сокол на комсомольское собрание хмурого меня, секретарем комсомольской организации на комсомольском собрании предлагает... но, к моей великой (тайной – про себя!) радости, – «находит коса на камень»: меня «прокатывает» собрание! Еврейчик явный Масленников, салага, сию политотделу дивизии «козью морду» показал, – еврейчик такой маленький, черномазенький, кучерявенький... Его я только не расцеловал: евреев с пятью мне в жизни повстречалось – немного их ведь на Востоке Дальнем, – и делом мне помогал каждый, – но больше всех, сам того не подозревая, вот этот Масленников! Именно тем, что мастерски подбивал собрание **против** меня голосовать... Вряд ли догадывался, какую важную услугу этим мне оказывал! По самодеятельности художественной этот Масленников, по жанрам всем был мастер; и был с времен недавних там и Кондратенко, младший лейтенант, – тоже смугловатый, сублильный, улыбчивый парень масляноглазый, – немного повыше еврейчика Масленникова: у них там, уже без меня, славенькая компашка сбацилась на базе художественной самодеятельности – и с местными девками и офицерскими женками молодыми («овчарками») танцев; и выбор Кондратенко вместо меня Масленников, этот славный салага, организовал... Пришлось полковнику «не солоно хлебавши» везти меня обратно... Не только своим неизбранием счастливый я молча торжествовал, – а тем еще, что непокорство партии начало проявляться, надежду некоторую это мне подавало: коль так пойдет, так жизнь в стране, глядишь, еще воспрянет... Так задержался в Южном я еще полгода, до августа: до второй, успешной уже попытки от меня избавиться... Но до нее я, из танкового полка в Хомутово возвращаясь, у ворот этого самого полка, автобус на площади поджидая у пересохшего фонтана, – осенился важнейшей мыслью внезапно: у нас под фразеологию от Ленина, от Маркса *самый настоящий паразитарный класс* «сгарбузовался!» По тем временам то было озарение немалое! Всего-то год назад, в 63-м, Джиласу, заместителю Тито, второму лицу в Югославии, пригрезилась такая мысль! И сразу умника такого в тюрьму Тито, диктатор, усаживает лет на десяток, до своего скончания (узнал не сразу я, аж тридцать лет спустя) ...Но Джилас был гораздо старше меня, в войну жестокою он возглавлял партизан: аж тридцать дивизий германских держали славные югославские партизаны, – не помню точно: держали – или даже расколошматили; потом два раза встречался с самим Сталиным, – словом, это была немалая величина, с опытом политическим изрядным: и то, что я пришел к такому же выводу лишь годом спустя, – было достижение в любом разе немалое)...

...Растекся воспоминаньями, далёко отрейфовал от Кости Харчева – более чем через десять лет после августа 59-го второй, – и последний – раз пересеклась моя и его стезя. В конце уже 69-го или начале 70-го был уже Харчев Владгоркома партии первый секретарь («мэр» Владика, считай), – а я, инструктором рядовым парткома Мортранспорта, дежурил ночью у «тревожного» телефона в горкоме партии; и вот Костя, на работе задержавшийся, меня приглашает, – он за столом сидит, я в двери стою, – спрашивает: – Ну, как ты там? — . – Да так себе... – Та-а-ак се-е-бе, – протянул иронически Харчев... – Не пригласил поговорить, – да и нельзя мне было от телефона отходить: вдруг что в городе случилось... Но если б он человек был, так сам бы в «секретарку» вышел... Если бы был человек поумнее (и посмелее), – но недаром же

слабохарактерный Горбач вручил ему должность самую *мерзколицемерную, самую пакостную* (смотри выше о лицемерии)...

Ну, наконец тепло настало... Хотелось б марта навсегда, – но задержалась чтоб и старость... Но так в природе не бывает: живем ведь мы от урожая, – а он от летнего тепла, что за весною наступает... ..Время движения не сбавит, жизни лет пять еще осталось, переносимой хоть как сейчас, – а дальше сплошным страданием уже станет: пожалуй, не захочешь жить и сам... (16.2.2019 ... Да нет, уж 8 лет, без месяца, при сносном самочувствии «отскакало»)...

23 марта... **Мне средство есть одно от страхов старости**: создавать грядущего устав, рост вспоминая с младости сознания...

Зависит полностью Свобода... от места в обществе – и возраста, и пола... У пола женского какая же свобода! И у детей и стариков мужского... А кто родился при богатстве и при власти – тому, как правило, остаться при них в рабстве (**и от людей совсем в презренье впасть**)Сорвав неправоное богатство, – *а быть не могло правых в том небывалом разграбе общего достояния, – воруя главного лишается: всерьез хоть чем-нибудь тружиться!.. Свое потомство же – грабежом даже... Над ним презренье нависает – и гнев неизбежный ограбленных масс, – и неминуемое воздаяние*И если сам избегнет смертью воздаянья, его потомству праздному в любом разе не избежать... Неотвратима все ж таки расплата ... (Ох, время паки мерзопакостное нам досталось но хоть не так, как отцам-дедам, кровавое) ... 22.3.2011., 0.16

Три легендарности ажна имел... (Ни от одной не богател – но обретал таки известность (*местную*) ...И самая важная **первая**, с 15-ти по 17 лет: как «бога» комсомольского в школе, – вспоминали учителя, по меньшей мере, по прошествии десяти лет... Вторую приобрел я в универе... Схоласт осмелился Ефиценко (ф.128, слева) «пятерку» мне в зачетку сразу не занести: заставил аж три ночи посидеть, – и шерстить все три «Капитала» Маркса томища, дабы ляпы у корифея найти – и в морду сунуть обнаглевшему преподу... (марксосохласту несчастному, давно уже покойному, общим с другом Валентином Рябцовым, то же фото: умер в сентябре года прошлого; приятелем Юра стал... через 15 лет после сего) ... Он и пустил легенду эту обо мне по университету... Узнал сие через профессора международного права (уже покойного тоже) Михайлова, на десятилетии дочки Ирины Твердой (эту дочку до ее рожденья знал по ее матери драме: мой друг армейский, ее, наконец (о, тут целая сага! но в свое время и в другом месте) обрухатив, испросил согласия на развод ради женитьбы на другой даме (неделю жил летом 78-го у них в Иваново, где он политэкономии преподавал, преподавала и она – лицом и не слишком красивая, но фигурястая, весьма характерная, сексуальная дама, его вторая жена) ... Ирина готовилась на седьмом месяце беременности сдавать английский в аспирантуру в декабре 66-го в Москве Я зашел к ней на Миллионку, еще там теснились, давно уже снесенные, сплошь кирпичные дореволюционные трущобы (год назад, в конце декабря 65-го, прилетал мой армейско-политотдельский друг Конашевич и мы у ней долго беседовали); она вручает в слезах от него письмо, почерком весьма в конце неровным, – с просьбой дать развод: так захватила его в МГУ новая любовь («С глаз долой – из сердца вон») ... Так вот, на десятилетие той самой дочки, – ну копия, копия Толика! – собрались юристы ДВГУ ее выпуска, – и я совершенно случайно, зайдя... почти через десять лет, уже собственный, второй уже, претерпев развод, – и надо же, прямо на именины этой дочки! Сидел рядом с лишь слегка знакомым проф. Михайловым, единственным приглашенным их преподавателем, – а бывших студенток-юристов, исключительно дам, было с десяток Наперебой они стали всякие хохмы вспоминать, молчал Михайлов И когда я потщился свое словечко вставить, сказал Михайлов: «А Вы помалкивайте: Вы тоже личность легендарная» – «Как это?» – «Вы единственный прочитали всего Маркса» – «Да нет, я всего лишь три тома „Капитала“ с пристрастием за три ночи и дня перелистал ...и что-то семь нашел там ляпов: и Юре Ефиценко все их впарил»... То была легендарность **вторая**... .. Тот казус, понятно, польстил мне

весьма: такой видный человек, как проф. межд. права Михайлов, фигура в юристах даже мировая, знает, оказывается, меня, хотя я, отсидев вынужденно, как студент-историк с армии, – на ист.-юрфаке два всего, с 65-го на 66-й семестра, – за следующие год и семь месяцев проскакал галопом на заочном оставшихся семестров аж десять... При «отлично» почти всех дозволялся такой **галоп-экстерн**, разумеется... На преподав-историков я нагнал страху еще на первом, из двух, семестре стационарном, который неволей был вынужден после армии отбывать. Как меня родина за службу отблагодарила, повышенной стипендии дембеля лишив, тоже не раз описано, – и здесь вкратце выше или ниже. Но, главное, меня разочарование постигло, сильнейшее в жизни: вместо «храма науки», я, как «кур в ошип», – попал в отстойник злейший схоластики!, преимущественно дамский*; престарелый Низяев читал по древней истории сентиментальные сказки, уместные для детсадовцев; единственный вроде бы толковый Бродянский отличался холуяжем Окладникову (даже по простецкой, особо грубой «физии» там интеллекта не видно), – но это бы еще не беда: *тоже актуальности избегал*, как чорт ладана, Давид Лазаревич. ...Как-то Ермакову Эльвиру, кажется, по российской истории подменила единственная докторица Черных (за источниковедение по Ленину, так он и сяк, – помнится, аж 65 процентов по истории «научных» степеней), читала нам из книжки о любви Самозванца и Марины Мнишек, моего терпения минут на десять хватило: воспользовавшись паузой, задал два-три вопроса по Смуте собственно, Анна Григорьевна, кажется, – покраснела, смешалась: ни слова мне в ответ не сказала, оправившись, продолжала читать, – а я вспомнил: мне ей ведь еще источниковеденье сдавать... Подобную бестактность спонтанную впредь не допускал, – но на семинарах последним (подобно Сталину в бакинских марксистских кружках по воспоминаниям одной революционерки-армянки) выступая, старался насколько возможно беспощадно кунуть *марксосхоластику*, – где со здравым смыслом резко в разладе... Идеологии не оспоряя (и был, оказывается, прав!), к нарушениям логики, к погрешностям арифметическим придирался... И преподав и сотоварищей-студяг я серьезнее готовиться к семинарам заставил (кстати, тогда, на именинах за столом, в беседе частной, мы, отвлекаясь от междусобойчика шумного дам, много тем перебрали, и между прочим он сказал: «Вы таки заставили тот выпуск в библиотеках заниматься: в нем более чем в каком другом и до и после отступенных оказалось») ... По самой остальной истории – экзамены, зачеты – за год с половиной на заочном я пронесся метеором: ставили, задав пару вопросов, преподав (их было всего-то двое) и виновато преподав, тех было побольше, «отлично», как миленькие, – пропускали мимо себя «со свистом», – дабы поскорее от меня отделаться (как бы чего не вышло) ... Но у превышавших «историков» численностью раза в три юристов, нелюбознательные преподаватели были, – да и Михайлов обо мне узнал лишь после моих стычек с двумя из них... Числа 10-го 67-го марта была первая, самая важная Направление в деканате на экзамен по политэкономии взяв, с трудом я тезку (узнал потом, когда приятелем он стал) Ефиценко разыскал, он с ходу мне вопрос: какая разница между трудом конкретным и абстрактным, – отвечаю тоже сразу: никакой разницы – любой труд конкретен, нет труда абстрактного: труд конкретен даже при написании диссертации о труде абстрактном!.. Он: – Но у Маркса... Я: – Маркс еще немало грешил схоластикой гегельянской... Преподав (Юра – будущий почти друг, – через давнего, с лета 61-го, друга Валентина Рябцова, долгое время преподававшего ту же политэкономии (быв юристом по диплому) в мединституте под крылышком завкафедры общественных наук Ефиценко Юрия (умершего внезапно 55-ти лет от инфаркта, при обходе своих подземных убежищ где-то вблизи здесь, – его и нашли-то благодаря Валентину, посещавшему с ним те ямы с люками: лежал головой в ручье, при нем мелкашка и —револьвер-наган) ... Тогда, в марте 67-го, он озадачился – такого борзого студента еще не встречал, минут пять со мной препирался (мы были почти ровня, я даже на полгода его старше): – Ну «хорошо» вам можно поставить... – Не согласен! Зачетку посмотрите, там одни «отлично», – а марксистскую политэкономии знаю всех этих предметов лучше (еще с десяти лет читал брошюрки, после 8-го

класса с утра до вечера конспектировал для вузов учебник; а «политэкономия социализма» – этого препода не говорил – в сельском хозяйстве еще в 14 видел, за два месяца до 15-ти – четыре с половиной нормы дневные на кладке копен выполнив, – а когда учетчица сказала, никогда у них столько не ставили мужики, – я уже суть политэкономии «социализма» нашего в земледелии ее словами *подсознательно постиг!* А через год неразбериху в лучшем колхозе края наблюдал, каждое утро на правления колхоза заседание являясь, как бригадир ученической шефской, в полста человек бригады, – а еще через год, летом 56-го, – в двухмесячном через все Приморье единственном и неповторимом походе, я, из группы единственный, вел походный дневник, – и все наблюдения и разговоры в попутных колхозах тщательно в него заносил на всем протяжении от Сергеевки, по Чугуевской долине и заселенке Имана и Уссури до самого Хабаровска: везде я видел, что на колхозные поля являются отдыхать, на собственных землях с утра как следует устав... Кстати, Ефиценко готовил докторскую до самой своей смерти внезапной диссертацию, в оправдание... не Маркса – марксохолостов, – как совхозы все-таки поднять – он как раз был отпрыск директора совхоза в тех же местах, в низовьях Имана) ... А в тот раз он закончил наше randevu словами: – Ну, не согласны, почитайте еще Маркса, приходите еще раз... – То есть «галоп» мой тот триумфальный по курсу четвертому или пятому «марксохолост» мало не на неделю прервал... В ярости я три дня и три ночи все три тома «Капитала» бегло листал – взгляд на ляпах как-то сам останавливался, – в первом томе «Капитала» не к чему было придраться, как говорится, «ножа не вставишь между камнями кладки», – разве тогда я был, по недостаточности еще понимания истории, несогласен с самой идеей диктатуры пролетариата, – но тогда публично и с преподам визави неоспоряема была, – а с ноября 91-го и с ней согласен, как с необходимостью** не только в прошлом у нас, – но и в будущем, уже не дальнем, лет так через полста, – в определяющих странах... ну... разве не настолько суровую, как первый этап у нас***

* Природное назначение дам – вовсе не истории созерцание: в ней они – пассивная стона, добыча завоевателей; еще несноснее – только в судейской роли дамы

**Необходимость – это если не выполнить, то – гибель, – а неизбежность – в любом разе тому быть

***У нас была военно-пролетарская диктатура, как единственное действенное средство противостояния отстающей, в целом малокультурной страны (и всего славянства, с еврейством впридачу) экспансии, – на восток **неизбежимой** (доказывается мною в амбициозной поэме под Лукреция «Природа истории» – читателю оценить обоснованность амбиций: двести страниц (можно до ста ужать прогрессом моих компьютерных навыков), – над коей трудился позапрошлую зиму, – прозопоэзия там сочетается с приведением доступных мне и достаточных для доказательств документов и мнений)...

... Но во втором томе уже пошли ляпы, нашел их два-три, – а в третьем – до шести-семи (это доказательство, что их мало кто критически читал, с пристрастием: какой-нибудь циник тогда запросто бы и кандидатскую и докторскую диссертацию сбавил на второго и третьего томов «Капитала» правке, – да **цинизм (ведь) с принципиальностью, то бишь критичностью – не сочетается** (да и попросту у циника на то в мозгах неостанет «масла») ... Разумеется, при тех томищ листании беглом я нашел «вшей и блох» (описки, перескоки смысла явные нарушения логичности, ошибки арифметические) далеко не всех... Но найденные все до единой затем Ефиценко бедному «впарил»!.. Два часа он престарелого Энгельса **защищал** и последующих недобросовестных издателей Маркса до испарины – по провинциальной наивности верил изданному всему, будь там хоть сам абсурд! – ему было невдомек, что недобросовестных переводчиков, корректоров и редакторов хватает; таки вынудил беднягу очередной «пятак», с такими мытарствами доставшийся, мне в зачетку вставить... И где-то только через год вел политэкономия Юра в «моей» группе стационарной, и, говоря о «Капитале», сказал: только одного человека знает, кто все три тома смог прочитать. «Мы тоже знаем!», группа

чуть ли не хором вскричала, – «это Бевзюк наш!» (они, конечно, абсолютно ничего не знали о тех трех штурмовых днях и ночах моего пристрастного листания тяжеловесного творения предтечи... эпохального в свое время значения – не столько заключенной в нем, уже устаревшей ко времени Ленина ученостью, – сколько устрашающим объемом... Мои соскамеечники по первому курсу на истправфаке в Дэвэгэу об этом пристрастном моем, тогда антимарксовом листании абсолютно ничего не могли знать, – но меня они еще не забывали). ... Вот и вся моя **вторая**, самая лестная мне легендарность... сопряженная с сугубой печалью – не один же я в стране был такой *востряк!* *Сколько же от той схоластики мертвящей умственных сил сгинуло напрасно...* (Байка моя о «Капитале» Маркса на сем еще не кончается, впереди самое главное... Под утро третьего дня – я тогда, примерно как стариковски сейчас, спал в марте том памятном «кусками»: с 21-го до трех семь часов листал те тома, с трех до девяти утра спал, затем до 18-ти листал, – два часа до 21-го – спал... и так, по кругу, трое суток... Выисканную «добычу» записывал с критикой, полчаса-час под вечер гулял, свежим воздухом дышал... И вот под утро третьего дня – в восполнение отсутствия обзора краткого, резюме, так сказать, у Маркса, – не поленился простым карандашом набросать кратко всю историю капитализма на третьего тома форзацах... И в самом конце прогноз дал: *отсутствие рынка, достаточно развитого, – и полное его развитие – несовместимо с капитализмом...* А тогда я был сторонник рынка у нас ярый! Но совесть исследователя меня такой вывод сделать заставила – вопреки тогдашним пристрастиям... Мог ли я тогда знать, в том марте 67-го мрачном (и погодой, – и во все месяцы года, – царящей в стране мертвящей схоластикой), – что не тот, вырванный у препода скрупулезного (через 15 лет – через друга – стал даже приятелем) в зачетку «пятак», – а именно эта запись поддержит меня... через 30 лет уже не во мраке – в полной темноте крушения... «империи Ленина»!.. Нет, не через нее я ход истории «пронял»: – сразу уже после расстрела Верховсовета, в октябре 93-го, – я дал в краевой газете прогнозы верные (вот начали исполняться через 20 лет), – но через четыре еще года, те записи на форзаце прочтя, – я в себя, в свой ум, в силу его прогнозную уверовал... что сильно помогло мне бодро преодолеть двадцатилетнее лихолетье... Все три тома «Капитала» недвижимо стояли на самой полке верхней моей первой библиотеки в благословенной временке, – из коей большая часть растаскалась братьями и племянниками, покуда я год плавал, а после сразу 11 лет и зим по тайгам скитался... Вторую библиотеку с 82-го собирал в ту же засыпушку-временку, освобожденную семьей младшего брата (он, она, сын лет восьми, дочь лет пяти) смертью в основном шлаколитом доме большом не дожившего до 68-ми месяц или полтора отца... Каждую осень, 88-й включая, уезжал в Кенаду на бруснику-ягоду (коей собрал тонн в общем 25), – понятно, библиотека изрядно убавлялась... Приезжал, снова пополнял, – совсем не обижался: пусть образовывается родня, книги читает... В мое отсутствие на ягоде снесли вместе с домом временку (был я и его и ее домохозяин: хотя строилось всё отцом и матерью на средства отца, – но я весной 59-го получил «по благу» у второго секретаря райкома партии от завода на Улиссе участок, – когда уже в городе под застройку не давали: меня уже тогда из райкома комсомола изгоняли, – но Андрей Петрович Ткалич еще с 8-го моего класса был мой симпатизант – его жена Татьяна Ильинична, русистка, у нас преподавала, – и он частенько в школу заглядывал; – в пустых коридорах, шли уроки, крепко мы руки друг другу пожимали; – увлекаюсь, всё в подробностях давно описал... С лета 84-го здешняя обустроительная «эпопея» началась; – с 86-го только на субботу-воскресенье на фотокружки «на квартиру» наезжал, – а с самого конца 88-го декабря, когда от фотолаборатории в школе новой близ «фатеры» (что далеко не дом) шустрые девятиклассники ключ себе забрали, дабы пункт иметь «для блядок» (в школе 59-й несколько лет счастливо под крылом Пикина Сергея Михайловича пребывал, – но когда он резко пошел на повышение, а директрисой стала завуч красивая (только крупноватая), меня стали обвинять, что фотолаборатория используется, как притон, старшеклассниками (я этих блядунов ранних и не видал, в мое время в школе о таких пакостях и не помышляли даже

во сне самом страшном: даже намеки на флирт поганый ранний всячески я, как комитета комсомола секретарь, изгонял); в кружке у меня были исключительно шестиклашки: еще малы годом младше – и уже *секс на уме поганый годом старше*; преемница Пикина, рослая благообразная завучиха дала понять – я *persona non grata*; но пустили меня еще в детский клуб вблизи с ребятами – от школы 59-й через шоссе вниз; но там мои шестиклашки как-то воду пустили, часть вестибюля затопили, – но главное: по ориентированью спорта мастерам (смотрите о моей **третьей** легендарности, с.), – я для них был уже тогда вроде патриарха: – они бегали «чайниками» по моим картам: – **им** показалось, что в мой кружок их кружковцы переманиваются, – хотя не было ничего подобного: просто это была ориентировщиков уже *другая генерация*, уже без всякой интеллектуальности, – фарца, как правило... Ни возрастом, ни – главное! – духовностью между мною, одним из первых основателей спортивного ориентирования в крае в 60-х, – и ориентировщиками 80-х не было ничего общего... 1988-й был для меня одним из переломным, – важнейшим при том (наряду потом с 2005-м, вследствие страшного пожара осенившим меня поэзией совершенно внезапно) ... Последняя попытка «работать» продолжаться закончилась, не начавшись, чуть выше упомянуто... Так в 49 я ощутил: лимит моих **сил** с детвой этой возиться полностью выбран; прочие способы обществу «служить» – еще в 71-м были перекрыты... А привез я уже из Кенеды той же, 88-го, осенью два тяжелых рулона толстой пленки для теплицы **поливинилхлоридной**; и хотя вынуждали алименты на дочь еще два года трудиться (добровольно платить я мог только по пересуду с согласия жены бывшей, удовлетворялась квитанциями на тридцать рублей в месяц в нарсуде *приставша*, кои я, почти 50-тилетний мужик, ей, 18-тилетней, красивой редкостно, ежеквартально приносил; она мне, как довольно моложавому еще мужинке (фотку Хемингуэя в газете, с усами, но еще без бороды, – лет еще через 15 кому показывал, – все неизменно за мою принимали), – с робостью явной даже симпатизировала) ... Итак, за 11 лет до шестидесяти наработанным стажем на пенсию ограничился, – а жить – и для «шевеливости» – товарная теплица, кролики, огород, сад, рыбалка **зимняя**... Опять поехал налево – или направо? О чем мы бишь говорили? Давненько я по своей биографии не галопировал «и рысью и в стороны «конём» – столь стремительно... О третьем томе «Капитала» Маркса мы говорили... Он пока в городской квартире на полке с первыми двумя недвижимо стоит... И только когда в осень 91-го «слепил» из камня пористого дикого второй этаж своего «замка» – и увенчал весной 93-го высокой крышей (третий этаж мансардой), – стал помаленьку библиотеку сюда на второй этаж перевозить; первые два тома «Капитала» в страшном пожаре 28—30 декабря 2004-го сгнули, – а третий с записями на форзацах здесь внизу, на веранде, сохранился; из-за событий на Украине связанные с ее историей четыре томища бесценной теперь капитальной «Всемирной истории» спустил (с 65-ого выкупал по подписке, 13 их, томов, накопилось), – остальные девять в пожаре сгнули; как раз тем летом перевез томов восемь «Исторической энциклопедии» разрозненной, купил случаем в букинистике, оставил внизу для просмотра; были еще рядом с лежанкой из серии «из искры пламя возгорится» революционных мемуаров три, выпущенные в 88-м весьма для меня ценные книжки (и хотя еще с десятка два о революции отобранных книг в пожаре наверху **сгнули** – все же здесь внизу уцелел необходимый для ссылок в историософских изысканьях моих – на наиважнейшие события необходимый минимум) ... И *только когда в марте 97-го появились признаки последнего, завершающего кризиса капитализма*, я тот третий том «Капитала» открыл, – и на форзацах с удивлением и удовлетворением великим увидел: этот кризис я еще лет ровно за тридцать чисто **теоретически** (априорно) воззрил! Это веру в способности свои мыслительные – сильно в тогдашней полной изолированности ободрило... И сам был тогда почти в кризисе: уже два года, как газету «Красное знамя» Ноздратенко утопил, – а до этого за 4—6 месяцев замглавреда Колесов, мой в газете уже третий протектор (сам Шкрабов, главред, ни разу не соизволил меня даже «заметить», – хотя сталкивались лоб в лоб в коридоре не раз), пустить в печать мою статейку с нетривиальной оценкой 50-летия

Победы отказался: не понравилась моя фраза «подзалежались на лаврах» (святая чистейшая правда!); на сем мое сотрудничество оборвалось с ним, еще я два-три письма присылал – публиковали, – к Рабаеву, в отдел писем; газета в еженедельную перешла, и до 25 тысяч съехал тираж... Да, в начале 95-го я спросил Колесова как-то – мы вдвоем из его кабинета по лестнице спускались, – и где-то уже на спуске на первый этаж (всегда запоминается антураж моментов важных), я спросил: «Так за что же, скажи мне, Ноздрат газету топит?» – «И за твои в том числе статьи»... Вот тогда я опасность ощутил: «губернатор» сам претендует на оракула (часто выступал на радио малограмотно, – но имел, имел дар ораторский (это, кстати, прекрасно сочетается... с узостью ума) ... Кто его знает... Первая обязанность интеллекта – самосохранение, – ибо, кроме как на него, – не на что обществу больше надеяться... Кто знает, сколь **далеко** мелочная мстительность простирается... Надо «залечь», переждать лихое время... В дневниках о том, как партия утратила контроль над прессой много подробностей: надо, покуда еще здоровье, – начать переписывать их ближайшей же осенью-зимой... Для меня это – тоже уже легендарность, – нельзя чтобы такой материал сгинул вместе со мной уникальный...

Ну, а о **третьей** моей «легендарности» вкратце – где-то здесь поподробней рассказано: она – в моем «метеорном» участии в постановке спортивного ориентирования в крае на точную картную базу... В конце мая 68-го «рисовать» карты ориентировщикам начал я, отсудил судьей главным за лето 4—5 соревнований, к каждому «рисуя» новую карту, – и в декабре вместо деспотичного Славы Китаева председателем краевой федерации меня избирали, – но, работая уже в парткоме ДВ пароходства, Валентина Мельника председателем рекомендовал, заместителем оставшись (Китаев все равно главным казначеем и лоббистом, «центральным колом», – оставался ...16.2.2019 ...Нет уже лет к 20-ти годам Мельника, 5 лет Китаева, прожившего 75) ...5 мая 71-го – мой *турдефорс охотником «итатным»* на благословенное побережье пролива Татарского хладного (по каковой причине – одно из последних немногих мест на Земле, людством отвязным еще не загаженных). ...В 76-ом, после развода в марте, после шести лет отсутствия, приехал во Владик, зашел на заседание федерации, – ведет заседание незнакомый тридцатилетний интеллигентный с виду парень. «А у Вас что, товарищ?» – отвечаю: «Моя фамилия Бевзюк, слышали?» – «О, фамилия легендарная!»... До сих пор греют эти слова, признаться... Честно, головой-ногами, – досталась мне та легендарность (к тому же в «жизни личной» мне принесся изряднейшие мытарства, – и всё по причине слишком увлекательности)...

31 марта... **ОККАМОВ ПРИНЦИП** Во всех религиях – к добру призывы, – но может ли оно стоять на лжи? **Нет никакой разумной внешней силы...** Ведь бога нет – не может быть!.. Не проявляется никак его наличие. Нельзя, мол, доказать, что бога нет, – жрецы талдычат... Но ты что есть он – докажи!..

За четверть часа нечто важное смастрячил, теперь бы хорошо еще поспать
29.03.2011 03.53

Вот выдумай хоть что угодно: фантазий бесконечность в каждой голове ведь может быть! И требуй от меня – попробуй, этого нет, – мне докажи... А я тебе в ответ: того, чего нет вот в этом помещении, – попробуй-ка ты в нем найди... Вот в этом именно религий суть: словом одним – абсурд злостный...

За перекусом к 12-ти размышляя о русском дворянстве... На пути исторических сил неодолимых нельзя оставаться, тем более против выступать: надо уступать, прятаться, – или – спасаясь! — в них вступать...

Мечтательность прилична младости, – и даже необходима лет этак до 15-ти-20-ти... И как же людям здравым видеть *мерзодикостно* жрецов фантазий, уж давно отживших, – с бородами длинными в одеяниях мрачно-диких... Дядям, по меньшей мере весьма солидным, давным-давно пора мудрее быть (если, конечно, их не проела насквозь *лживость*)...

По «альтернативщиков» нынешних блудливым изречениям – история, – это распутная девка, отдающаяся первому встречному... Но на самом деле она, *история, весьма разборчива: когда ей иначе не продвинуться вперед, только тому отдается, – кто за возмездие злод`яний – равно зло-не-деятельности! – бездарной власти берется:* – и в этом смысле – строго однозначна, безальтернативна... Ведь с бюрократией без строгости никак нельзя: чуть послабь, сразу и быстро весьма – разлагается (разумею управляющих, – а трудящимся надо свободу давать ради добра, – ради создания жизни нормальной)...

Войне серьезной с внешним врагом уже вряд ли бывать... Не начинают войны просто так: их начинают, чтоб по крупному урвать, – и заодно своих врагов домашних – на бойню «сплавить», – притом и целыми остаться... *Последнее уже «прорежет»* вряд ли... **Не может быть уже войны фронтальной... За фронтом то есть уж не спрячешься, своих противников «домашних» (и потенциальных даже!) на фронт погнав, – а «быдло» вкалывать заставив...**

Общественные катаклизмы – бедствия много страшней природных катастроф любых; особенно те, что надвигаются незаметно: из этих же – всего страшней безудержное потребление... Затем – населения тотальное, беспрецедентное *оглуление*... Вот зрим мы что уже почти что четверть века... ..Всего ужасней бедствия потенциальные, – если б они из бездеятельности властей актуальной – со всей неизбежностью не вытекали... **Младости всестороннее разращение всей силой зело оборзевшей техники... вот это бедствие страшнее всех в потенции!.. Поскольку следует «всему» уже «писец»...**

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА Человек животное всецело общественное... Откуда следует его право первое: *преждевременной животности предотвращение (интереса, т. е., слишком раннего к «сексу»):* – не стал еще человеком покуда!.. Дабы мог возникнуть к общественности интерес, осталась бы энергия на общества улучшение, – а не излилась напрасно *истощительным самоудовлетвореньем*, – иль хуже – ранним в топь жизни половой вступленьем... И это **базисное право** сейчас нарушается мерзейше, – чтоб младость от общественности отвлечь... Затем – *весь «спектр» сей мракобесий*, все религиозные бреды, давно уж устарелые... Лишая молодость энергии и отравляя мракобесием население, – его лишают средств **жизнеулучшения**, – и «светит» всем поелику «писец» ... не от какой-то там кометы – от в лжи сплошного «омерзения»...

Вот наступает и апрель, с ним *двадцатидюлетие* моего почти чудесного – *счастливым многих обстоятельств схождением* – **объявления** в прессе. ...Из коих первым было, конечно, соответствие историческому «моменту» моих текстов (при стиле безупречном их словесном). ...Затем – пару всего-то лет! – без содержания пребывала вечная *содержантка* пресса: существовала лишь за счет серьезного подписчиков к политике интереса. ...А исчез инструктирующий центр!.. Всё мыслящее давным-давно было изгнано из партии и из прессы, – а публика требовала навала событий разъяснения... *И вот пришлось выходить аутсайдеру, мне, – на спасение гибнущей идее... буквально из леса...*

3 апреля... **Хотя количество и качество средств связи нарастает** – в обратной пропорции к качеству, однако, содержание, – это пока от гибели нависающей мелочью сдача... Мир в **со-стоянии** опасном пребывает: не только духовно-нравственно не развивается, – но мракобесья тянут его вспять, усугубляется всей техникой усиливаемый разврат... *В безумнейше-бездумнейшем состоянии мир пребывает...* К жизни настоящей не приближается, напротив, – от нее удаляется... Еще, надеюсь, не на стадии мы **невозврата...** Но слишком борзо мир отчаливает от **здравости**: младость от мудрости (что вообще редчайшее – и всегда в старости) губительно отдаляется... Но старость гибель ожидает так и так с исходом времени, природой отпускаемого, – а многим из младости, я опасаясь, – до сих границ природных не добраться, – даже природой если – генами от предков – на то од`арены...

Через бабье людство с концов себя сжигает – с середины же комфортом развращается... Животным прежде возрастаньем – с одного *конца*, – откуда прежде войны убавляли... А как они абсурдны стали – животность стала в управление проникать, – и подкаблучность (пи... достараданье) стало мерзко проявляться: подкаблучник Рейган у них, Горбач у нас... Ведет сие к кровавым грязям: – Антуанетта во Франции конца века 18-го, у нас Александра в начале 19-го... (2.08.2011 Это Ане и Мише позавчера у них прочитал, – а здесь пока смородину они собирали, свою Афины показал, – и распространялся о том, как с нею повстречался... Они собрали по килограмму, пошел стихи к ним прочитать, – и, на пороге сидя, задержал их в прихожей на четверть часа... К концу моих файлов Аня встала, – торопилась по хозяйству; мне показалось, что задел ее этим словом смачным*, – но, намереваясь пройти по дачам и блондинку поискать, вернулся сразу... она еще про шампиньоны спрашивала; весь вечер тогда и вчера раскаивался из-за сего словца, – но нынче после трех прослушал заново: всё правильно, концовка неплохая, – но добавить надо): ... Беда, когда бабье до власти дорывается... установленья попирая естества, – то грозный признак, – мужики обабились!.. То значит: грядут грязи кровавые на долгие года... покуда мужики не разбавятся... _____

* Еще где-то в 69-е от Валентина услышал...

Мир нынешний пародоксален! В Европе девки обнажают задницу – в странах исламских даже и личико скрывают, – на этом свете самое прекрасное... Второе, ясно, безобразней, – первое опасней...

Корни религии – в магии, в замене реального желаемым – для омагаемых, – в своекорыстном обмане – для магов... Бывало в младости и у меня: напрягал иногда желание, чтобы женщина ко мне пришла вопреки своего нежелания... Приходили *всегда*... по собственному их желанию... 24 июля 2011

Страна и мир серьезно не управляются... Так было почти всегда, однако... Лишь в *веке двадцатом был период краткий мировой управляемости – с 1917-го по 1945-й, – коррекции, необходимо-страшиноватой – Советской Компартией: – одной советских людей части чрезвычайными стараньями, – другой – неопикуемыми страданьями* ... А после... на целых ... 60 лет хватило инерции... для... *прозябания бездейственного**... Но... **вскоре уже грядут бедствия: они-то и вынудят управление ответственное** ...

* Не только у нас – во всём мире, *повсеместно, – под копошнёй «суеты сует» – никогда не виданное раньше, воистину устрашающее духовно-нравственное разложение* ... Следствие неизбежное естественное – жизни в отрыве от земли неестественном, – обусловленном (относительным пока) перенаселением...

В стихо-творении – изначальное противоречие : в рифму пристало говорить лишь пустяки – или выразить эмоции, *издавна всем известные*, – или в афоризмах важные мысли, – кои всегда новы... Но их может породить лишь долгая небанальная жизнь... *К старости уже и тянет на обобщения-поучения – поскольку жизни личной-то всё меньше*... В юности толкает на стихи лишь выделиться личный импульс, – когда стихами, собственно, еще нечего говорить: приходится хитрить, – если природа внешностью или силою обидела, – если пиита пола сильного... Ну, а за слабый, – Сафо давным-давно главное высказала... (Есть и у «слабого» пола представительниц (относительно) сильные стихи, – об изменениях положения пола, *самой его прекрасностью пассивного*, исторических – почти исключительно...) ... – *Не жалобами стихи сильны – призывом к справедливости, – и, в высшем смысле, – отточенной мыслью* ...

Жжется животностью людство, как свечка, с обеих концов, – и разлагается безудержно удобствами... И обусловлено все это красотой «прекрасного пола»: одолевается духовность животностью... Это концом грозит людскому роду... Во-первых, возрастает неуклонно в целом населення плотность, – что умерялось раньше эпидемьями, войной: вносился в животный напор распорядок хоть какой-то: – хоть и кроваво – напряженье расслаблялось. ...А во-вторых, все та же *милость* (миловидность) женская *разлагает безудержно управление* тлетворной негою устремлений животно-комфортных, – которые таки умеривали **фронт**ы... Но ныне стали невозможны науки-техники половодьем... Всё то ж стремление к комфортным наслаждениям, – при попустительстве «мирового рынка» корыстном, – ведет к деградации совершенно неизбежной (и не представимой) – по экспоненте ускоренное сверзание в пропасть... Исход возможен лишь один – в суровостях для ради добра, – как было то в истории уже не раз (последний раз – при Сталине у нас)...

26 августа **Вчера Ника Стрижак на канале 5-м ленинградском собрала:** красавца Сергея Цыпляева, с его улыбкою зазывно обаятельной, Виктора Алскниса, Сергея Бабурина, уже изрядно полноватого (припоминаю, как долго чаши весов судьбы в 90-м на Верхсовете РСФСР колебались при избрании Председателя! Будь избран Бабурин тогда, а не Хасбулатов, – то не стало бы, всего скорее, и крушения в 93-м Советов. ...Но никаких «бы» в истории нет: Хасбулатова сам Ельцин продавливал, – а за «елдака» были все, понимающие перемен настоятельность, – даже я, сразу – и еще заранее – знавший: он – по природе своей свинья. ...Но не сполна еще тогда осознавал и я: – **циничное предательство пусть и с циничным разумом – не сочетаются!**.. (То была единственная – и *крупнейшая!* – моя ошибка ментальная. *Циничи моральнее, чем они могут быть, – оценивал я*) ... Впрочем, **остался верный индикатор того, что главное тогда я понимал все-таки адекватно: летом 91-го всех убеждал: через год «не станет денег» – обесценятся, надо их тратить, во что-то нужное, не медля, вкладывать!**.. Никто мне не верил, мать с'ердилась Вывел тогда я, таки, всему чиновничьему классу «общий знаменатель»: не преминут «провернуть» всеобщее «лохов» ограбление через обесценение денег; я знал – в истории такое, как правило (политэкономия всё ж не даром еще с десяти лет изучал я – по брошюрам «общества распространения политических и экономических знаний», по учебнику для вузов после 8-го класса, весь почти июнь 1955-го)Итак, тема у Ники была обсуждения: «Всё о КПСС», к 20-ию ее ельцинским указом запрещения. ...Алскнис, хотя его семья сильно пострадала от репрессий, горячо защищал компартии свершения эпохальные; Бабурин из нее и не выходил, и партбилет сохранил (я в 74-м по заявлению, в Совгаванском госпромхозе охотником штатным вышел, в горкоме партбилет на стол выложил в марте, – зная, что ее идеи еще буду защищать... возможность такая – в публицистике – лишь через 16 лет представилась). ...Цыпляев же всё еще не понял, зачем репрессии понадобились, – хотя все из беседующих согласились, что коррупция теперешняя грозит Россию развалить... Но ведь *тогда, в 30-е, никак нельзя было СССР разваливать!* Это ведь грозило гибелью всего славянства неизбежной! ...*Нельзя было и Сталина посему менять, как многие в уже (самим ходом времени) коррумпированном руководстве партии тогда было настраивались...* Время ведь было диктатуры, – не демократии... Старые кадры необходимо было менять! А они не хотели добром уступать! Они же революцию совершили! В Гражданку побеждали! И коллективизацию, и индустриализацию (на ней, в заграничных поездках, – многие и разлагались!) ... И дисциплину, главное, не только энтузиазма (одного его мало!), сознания (совсем мало!), – но и страха (вот это – массы! Такова подлая, сиречь животная, природа людства), – необходимо было перед войной великой **насаждать**. ...К этим сугубым необходимым примешивалось у вождя неизбежно и личное. ...Весной (2012), восхваляя в «Новой газете» бездарного в истории Рыбакова, соглашается по «Детям Арбата» с высказыванием: – де во всем бездарен был Сталин!.. Ничего не умел де, даже сапоги, как его отец, стачать... А что он

в **самой** политике, в деле «царском», самом что ни на есть **важном** (то есть и сложном самом, самом тяжком! Исключая поэзию – но это не профессия, – это призвание) был непревзойдаемым уже профессионалом... заветы Ленина в грознейших обстоятельствах выполняю... молчим, однако... И был, мол, «плохим мужем и отцом»... Да как раз в этом – и было наше спасение! (Животного, значит, у него было меньше, чем человеческого) ... *Как раз великий сталинский гнев к бывлым аскетам, капризом времени попавшим «из грязи – в князи», поменявшим особую, «революционную», честь – на благоволение деткам и племяшам, к «жизнелюбцам» всяким, поскользнувшимся на бабах, – и уже не гнушавшимся казнокрадством, – или хуже того – из корысти предательством, – и был эмоциональным двигателем великих чисток... (Это изредка в воспоминаньях о Сталине прорывается: «Каста проклятая» – родне всердцах не **раз** говаривал).*...

Как Гиммлер с Гитлером оправдывали... репрессии у нас... ..С Иосифом Сталиным я тем связан, что когда погасло его сознание, – мое только начиналось... с подачи заявления в комсомол через месяц после его смерти (был прием после смерти вождя массовый) ... Через три года (без месяца) я, в 9-м классе, как член райкома комсомола и комсорг крупнейшей в городе и крае школы, дважды прочитал в райкоме комсомола страшно дурацкий (через *несколько* только лет, после того, как *достаточно* проявились последствия, – это и мне стало вполне ясно!) доклад Хрущева на съезде партии двадцатом (но тогда, в 16, ясно, никак не мог понимать: был еще «в уставе» комсомола, стало быть и партии), сделал из него выписки, – и под непобедимым импульсом поделиться с другими, – успел еще (бегом в гору) в школу, спустил за две минуты с четвертого этажа на второй все три выпускных класса (105 десятиклассников на седьмой урок оставляет девятиклассник! И никто даже и не вякнул, – уверен, даже про себя! Все знали: по пустякам (комсомольский) секретарь не станет после занятий оставлять), – и самый важный в их жизни им урок преподал: зачитал тезисы того **архиразрушительного доклада...**

И сам я недопустимо долго пребывал под обаянием того дебильного доклада, пока об «отпуске цен» не заявил в конце ноября 91-го Гайдар, – и вмиг со Сталиным (назад – и вперед со всеми нами) – мне основное стало ясно!.. А большинство подавляющее – из гуманитариев, чего ж говорить о простых гражданах! – и до сих пор пребывает... Но подлоуровая реальность – кап-кап-кап – мало-помалу, по капле, – но неуклонно – всё на свои места ставит... Но надо, **надо разьяснить, – чем и занимаюсь...**

*И Ленин, и Сталин, и Киров (и Муссолини, и Гитлер – и все другие века 20-го властители), – все начинали с журналистики... А мое – отшельника (но не аутсайдера!) в неё «встряние» в марте 1990-го в «Тихоокеанском комсомольце» началось с опубликования статьи «Тоталитарная цена» («Цена тоталитаризма» надо бы – Ю.Б.: – не мое название, не хватило додумать статью до конца, – мол, в редакции озаглавят: только сам потом озаглавливал) ... И вот в том же ТОКе (№31, 4 – 11 августа 2011) в рубрике «Новейшая история» статья Сергея Турченко (из «Свободной прессы») «За что расстреляли маршала Тухачевского»... Репрессалии высших офицеров и последующие страшные поражения лета 41-го в том «эпохальном» (по дебилизму!) докладе сильнее всего **подействовали** и на меня, – поэтому меня всю жизнь интересовало, был ли в реальности заговор высших генералов... Понятно, **заговорщики не ведут протоколов своих сходов**. Нам остаются только домыслы – и протоколы допросов (нельзя доверять и которым, если признания вырваны пыткой, или подделаны были)Сергей Турченко рассматривает три наиболее правдоподобные версии (из десятков за три четверти века!) ... Первая: ведомство Гейдриха (разведка СС) «слямзило» в вермахте досье действительных переговоров и переписки Тухачевского в период сотрудничества наших военных с немецкими, дабы обойти им Версальские ограничения; снабдили **записи тех переговоров** фразами дополни-*

тельными, талантливо почерка и печати подделав, – и на стол Сталина **положили через посольство Чехии**; ... вторая версия, заговор высших офицеров действительно имел место, – но исключительно против Сталина, а не против Советской власти... Но Сталин неотделим от Советской власти так же, – как Ленин от компартии! Он ее укрепил до непобедимости, – и уже не его ошибками она (пока!) сгнула...; третья версия весьма кудревата: Сталин сам, превзойдя в коварстве самого себя, приказал сварганить досье заговора, подбросить немцам, – те за нее ухватятся, – и, полагая, что уничтожат верхушку Красной Армии, на самом деле помогут ему уничтожить перед тяжелой войной троцкистскую «пятую колонну»... В пользу этой третьей версии Турченко Сергей приводит два «другой стороны» документа В выступлении в октябре 43-го (стало быть, после «Курской Дуги» уже, – когда уже вполне определилось германское поражение) Гимmlера, рейхсфюрера СС: «Когда в Москве шли большие показательные процессы, и были казнены бывший царский кадет, а впоследствии большевицкий генерал Тух-ий и другие генералы, *все мы в Европе, включая и нас, членов партии и СС (стало быть, они зрители событий, – а не их провокаторы-инспираторы!)*, придерживались мнения, что большевицкая партия и Сталин здесь совершили одну из своих самых больших ошибок. Оценив так ситуацию, мы сильно обманули самих себя. Мы можем уверенно и правдиво заявить об этом. Я полагаю, что Россия не выдержала бы все эти два года войны, – а сейчас она уже на третьем, – если бы сохранила бывших царских генералов» (вот это мнение верное – Ю.Б.: равно она и сейчас не осчастливится реставрационными попытками нынешними, как-то поповщина, полиция, Николая Кровавого – в великомученики «святые», перезахоронения Ильина и Деникина, *премьерские дифирамбы* Столыпину – весьма запоздалому реформатору, et cetera)...

Во-первых, как историк, рейхсфюрер СС, безусловно, не «хватал звезд»: высокопоставленные военные были казнены **между** большими судебными публичными процессами: осуждены Ульрихом во главе «тройки» келейно, – и сразу расстреляны; во-вторых, в цитате нет на немецкую провокацию ни малейшего намека... На прикосновенность к ней Гимmlера, по крайней мере. Но это не значит, что к ней не прикосновен сам Гитлер. На этот счет запись Геббельса от 8 мая 43-го (тот был по-своему от природы правдив – своим и особенно Гитлеру, не лгал, как многие, – как Гитлер! – себе, – и даже был наивен: – доказал это самоубийством себя и семьи: его дневнику есть все основания верить): «Шла конференция рейхсляйтеров и гауляйтеров... Фюрер вспомнил случай с Тух-им и выразил мнение, что мы были полностью неправы, когда поверили, что таким способом Сталин уничтожит Красную армию. Верным было (точнее бы «оказалось», – поправляю Геббельса или даже самого Гитлера! – Ю.Б.) обратное: Сталин избавился от оппозиции в Красной армии и, таким образом, **положил конец пораженчеству** (подчеркнуто мною – Ю.Б.) ... Здесь слабый намек на то, что кто-то убеждал Гитлера предпринять провокацию против наших генералов – и он дал санкцию, – и раскаивается: имеет обратное ожидаемому... Можно и предположить равно, что Гитлер с присными, узнав о казнях генералов у нас, – просто торжествовали и злорадствовали, – но вот поняли: в дураках оказались... *Это еще до Курской Дуги признание, в мае 43-го, уже тогда Гитлер не верил в свою победу* (а Гимmlер в октябре мог просто повторить мысль Гитлера) ... Гитлер тоже был наивен, – хотя и не сказать, что слишком глуп, – чего никак нельзя сказать о Сталине, который был и не глуп, и не наивен, и тверд в придачу, – а жесткость могла и не быть врожденным качеством Сталина, – а привнесена жестокими жизненными обстоятельствами... В этой последней «из Гитлера через Геббельса» цитате весьма ценно вражеское отождествление «оппозиции в Красной армии» – с пораженчеством...

Благодарность наша Сергею Турченко за цитату, позволяющую хоть как-то проникнуть в менталитет Сталина:

«Сов. секретно

тов. ВОРОШИЛОВУ

Клим, ты знаешь, что я очень уважаю т. Тух-го, как необычайно способного товарища. Но я не ожидал, что марксист*, который не должен отрываться от почвы, может отстаивать такой, оторванный от почвы (я бы избежал тавтологии, написав «от реальности» – Ю.Б.) фантастический «план» (создание 11-миллионной армии – Авт.). В его плане нет главного, т. е. нет учета реальных возможностей хозяйственного, финансового, культурного порядка. Этот план нарушает всякую мыслимую и допустимую пропорцию** между армией, как частью страны, и страной, как целым, с ее лимитами хозяйственного и культурного порядка. «Осуществить» такой «план» – значит наверняка погубить и хозяйство страны и армию. Это было бы хуже всякой контрреволюции.

Отрадно, что штаб РККА, при всей опасности (? «соблазнительности» – Ю.Б.) искушения, ясно и определенно отмежевался от «плана» т. Тух-го. **Твой И. СТАЛИН**

Здесь удивляет несколько не столько «неожиданная» интеллектуальность оболганного всячески вождя (очевидно, в письме давнему товарищу он не слишком напрягался, – это его обычный стиль), – сколько то, что обращается с таким письмом аналитическим к бывшему слесарю луганскому, вовсе уж дурачком теперь представляемому борзыми и беспринципными писаками...

* Как видно, для Сталина марксист – синоним прагматика, – а вовсе не оторванного от реальности романтика... как их представить сейчас борзые писаки тццатся...

** Вот эта-то пропорция и была нарушена после смерти Сталина глупыми властителями (за «негативный отбор» послесталинский плата!) под напором тупых генералов (великой Победы результат), – вредным самым из коих был вооруженческий маршал Устинов (имевший в вооружении Победы заслуги не **оспоримые**), – ввязивших нас, в конце концов в Афган, – что равносильно стало «шваху»...

*И на двухчасовой этой (без вычета рекламы неизбежной) телебеседе, как и на всех подобных прочих «судах времени» прошлогодних всех – и нет уже никаких развивающе-информирующих телефорумов в году этом! – ни один мне не встретился спец хотя бы близкой к моей остроты мышления... – Ни словом, ни намеком не обмолвился ни один эксперт о факторе развала СССР из самых существенных: о роковом решении Горбачева «опрезидентиться»! Эта юридически безграмотная (подозреваю: «подкаблучная» акция – надо же было Раечке «первой леди» стать!) разом лишила Союз ленинской легитимности!... Говорено не раз: де в 22-м был прав Сталин с предложением допустить республикам войти в РСФСР лишь российскими автономиями... Забывают, что **на тот критический момент исторический** Ленин предоставлением народам бывшей российской империи, – народам автохтонным и с государственностью российской подревнее, – суверенности юридической, – сохранил империю фактически, – что и позволило потом все-таки победить в схватке со всей континентальной Европой титанической (правда, с помощью англо-саксов, важной критически, – что и позволило – особенно янкам заокеанским огрести главные выгоды экономические... но вот и они... на наших глазах за последние два десятка лет **подистощились**... но остается навсегда великий исторический смысл... А за идиотства, последовавшие победе и восстановлению, уж Ленин-то никак не ответствен! И даже Сталин ни в малейшей степени! Уж он-то после войны что угодно мог сделать, – в том числе и вогнать республики автономиями в РСФСР... Но не стал этого делать... Он еще в 22-м признал правоту Ленина... А после Сталина – последнего в правлении революционера – «лидеры» все по менталитету уже и не могли ведать, что делают... **До Горбачева – и вообще ничего не делали, кроме отжившего, реальности не соответствовавшего, самосохранения**, – а это уже было **антидело**... СССР еще до Горбачева вконец разь-*

ели: гонка на истощение в вооружениях со всем индустриальным миром даже по достижении стратегического паритета – вместо перевода еще в 60-х страны на «мирные рельсы»; дебилные «культы личности» разоблачения – вместо своевременного снятия намордника с прессы; вместо *широких рыночных дозволений* – идиотское хрущевское пригородного семейного животноводства в 57-м повсеместное порушение (вот как бездарно-преступно-к`орыстно была использована **мощная дисциплины компартии – и всей страны! – инерция!**.. Вместо хотя бы в ученых сферах толкового обсуждения общественных проблем – шибание оппонентов схоластикой от Маркса и Ленина (наверное, «в гробах не раз перевернулись» корифеи, враги всякой схоластики, как известно) ... Это последнее – *общества ослепление*, – надо бы поставить на первое место! (Аргументация чуть ниже, где о красавце Цыпляеве, о том, как у нас говорили о «физиках и лириках», провознося физиков, – вместо «самые способные – в политику!» ... Так что нечего все на Горбачева валить Его история сотворила «из того, что было» – и за то ей «спаси-«бо» (употребляю единственно ради рифмы: нет ведь бога и не может быть! – это словцо лживое). ... Горбачев был малограмотный приспособленец-хитрец, от природы не одаренный хоть сколько-то острым умом, – так и не научившийся грамотно говорить... Его на самый верх выпер паскудный механизм подбирать глупее себя заместителей! Сталин за это башки снимал, – за что, беднягам не говоря: следовательно что-то вроде издевательски писал (не исключено – по указанию вождя: юморок того, конечно, черен весьма, – но чтоб башку снимали за что бонзы ощущали) «Для передачи шпионской информации рыл тоннель от Москвы до Англии»... **Все, в том числе и сами бедняги, «жертвы ритуальные», – понимали...** А после Сталина – перестали за это головы снимать! (Возобновлять не призываю! Но жить захочет «нация»* – заставит!... ..Самое безотрадное – никто на этих форумах в 2010-11-м году не сказал, что решением своим, самым дурацким, стать президентом, т. е. избираемым полумонархом от преобладающей нации, – Горбачев *возвращал ситуацию к году 1917-му*, году развала империи царской! Введением «президентства» этого «обезьяннего», «слямзенного» у Штатов (и Франции, бывшее значение историческое утратившей значительно), без поддержки хоть какой-то массовой – вредного, не только напрасного: – союзный Договор года 1922-го глупейше «похерялся!» Вместо Высшего органа коллегиального, Президиума Верховного Совета, где от каждой республики был представитель, – и чувство суверенности национальной как-то удовлетворялось, – стал бутафорский полумонарх от «титульной» (преобладающей) нации... Самое страшное: – по всеобщему закону бюрократии (даже Ленина великого не исключая!) хитрец слабый, подкаблучник *Горбач подбирал вокруг себя еще глупее себя!*.. А я, хотя и вышел еще в 74-м из партии, все-таки за нее – за страну, которой она **единственной скрепой на тот момент была!** – всё-таки переживал... Отказываясь от партии, Горбач и себя всякой силы лишал! Это ведь был приспособленец только сильный, – но слабый, никакой повелитель! (*Когда приспособливаться не к кому стало – Горбач разом лишился – для страны! – всех своих талантов!* ... *Он стал приспособливаться (для себя) ... к мировой олигархии!* *Выходит: компрадором стал, своей родины предателем!* *Сколько угодно доказательств*) ... Как все-таки жаль, – но неизбежно в момент критический во главе страны оказался не лидер, – а подкаблучник- (п..дожертва) ...этим, впрочем, и Людовик 16-й страдал – и Наполеон сам, как ни кажется странно, если не **этим самым**, то nepoтизмом изрядно страдавший, – и малохольный наш Николай, – и Борька шальный после Горбача: всё это люди были даже не настоящие, – но вот законом разложения каст властвующих на самый верх всплывали... **всеобщим несчастьем**... Оставайся Наполеон лишь генералом... так надо же было до власти дорваться... в которой оказался... глупой бабой ... (и Гитлер также)До чего же тяжело было мне наблюдать все «мышкованье» Горбачева во власти! Даже Сталин, повелитель с детства сильный (у него ведь фактически не было в одной руке силы, – пришлось ему левой руки слабосилие тренировкой силы воли компенсировать: не быть затоптанным дабы – тренироваться людей себе подчинять; так он слабость превратил в силу, – так, между прочим, и само

людство возникло: не отличаясь размерами, не имея острых длинных клыков и когтей, уступая всем животным в беге, – *по принципу дополнительности* оно только ума развитием в животном мире и возвысилось! И ныне под страхом исчезновения ему требуется еще одно великое усилие – над своей животностью духовно (но без всякой религиозной мистики!) возвыситься... Это отвлечение (не лишнее) мне простите. ...Итак, даже Сталин, повелитель сильный, действовал всегда, опираясь на коллектив, – а слабый характером Горбач вознамерился повелевать без поддержки хоть сколько-то **массовой**, одним **только** своим «*высшим чином*»... (Да всех его хитростей «страусиных» не перечислить)...

Тема эта для меня весьма болезненна Волею разных благоприятных обстоятельств, совершенно случайно я в конце 1990-го декабря, у подруги тогдашней, на улице Кирова оказался перед телевизором (который годами – многими десятилетиями даже! – совершенно игнорировал) ... Горбачев на экране объявляет несколько стеснительно: «Мы вот решили президентство ввести», – у меня: «А как же республики?!» – в тот же миг, незамедлительно... ..Написал я статейку наутро (1 янв. 91-го – 10.12.2017) с изложенной здесь аргументацией чуть выше ниже ...Но в полдень вдруг мой друг заявился: прямо в западное окно низкое чуть не уперся лыжами; статейку ему прочел, благодушно он: «Может, Горбачев порядок наведет, набрав полномочия»... Я, ему доказав всю сего невозможность, – тем не менее не пошел с ним на станцию, – или на следующий день хотя бы, – да хоть и через неделю... не отвез в редакцию (*да надо было ему статейку и дать! Там же п`ехом меньше километра!* ... опубликовали бы сразу: с 340-катысячным тиражем – на менее чем 2-хмиллионный Примкрай! – еще крайкома партии «Красное знамя», – еще денежными мешками не оприходованное, – с лёту, передовицами публиковало все мои статьи: чтобы удержать такой тираж, – надо было и разъяснять, и прогнозировать накат событий ... а ни одного способного из всех журналистов! Вот и пришлось прибегать к аусайдеру, из КПСС еще в 1974-м по заявлению вышедшего ... сам, впрочем, сразу и предвидел... ..Дошло таки через ... 17 лет... Вот не сумел я тогда сразу умыслить важнейшее ... *ergare humanum est*... (В той, к прискорбию, неопубликованной и опустившейся на самое дно в бумажных завалах статье, – доказывалась вся юридическая гибельность для Союза президентства – и предрекалось: окажется лишь роковым инструментом страны разграбления ...И много раз корил себя за тот малодушный прослаб; **теперь вот только сколько-то искупаю** – 10.12.2017) ... Не то, чтобы так уж повлияла **статьейка!**, – но часть тяжести с души сняла **бы: всё, что мог я сам, – все и сделал для Союза спасения** (но ведь тогда его развал мало кому виделся в самом диком сне! Я, правда, сам через два месяца написал в статье, опубликованной 4 марта 91-го в «Красном знамени» («Утреннее размышление» – к то же дурацкому, притом кощунственному вдобавок: быть или не быть Союзу референдуму): «...ведь, понадеявшись на (благоприятный) результат этого референдума, (бездарный: в скобках – из «сейчасности») Центр этот Союз **уже окончательно развалит**»). ...Это было опубликовано 4 марта 1991-го, – было еще в грядении, – самому себе не хотелось верить, – но вот оно, сбывшееся *утверждение*, – **такое где-нибудь еще есть? Так почему я под сопкой дою козу здесь, – а не преподаю хотя бы в университете!.. Кто хочет, пусть проверит по подшивке газеты... (*Да нет, не рвался я и в 30 в преподы, нет: не то, что в привузовских «фимейлах» тех не было мне места: не мог я еще в ту неделю педпрактики одно и то же в пяти классах повторять, всё новую и новую версию сочинял, – что страшно утомляло; еще тяжелее, при чувствительности, – коему еще и не по мозгам были развиваемые мною историсофские проблемы; не было мне и в журналистике тогдашней места, – и среди тех «увластных» баб «с яйцами в штанах»)* ... Но как только возможно стало – не упустил в газетах свой шанс... **То ведь был точный, ясный прогноз, – а не «то ли будет, то ли нет»...** Мне бы тогда не здесь под сопкой в лесу сидеть, а быть в Москве при газетах... Но никак тогда не могло сие «иметь место»! *Мое ведь место в Верхововете занимал Цыпляев красав`ец (в этом ему «сейчас»ному, а тогда сущему в политике «салаге», я, ста-***

рик сейчас, – тогда не уступал (тоже был с усами – только помужественней были черты лица), – но превосходил несоизмеримо и характером – и, главное, – **истории пониманием...** На Ники Стрижак позавчерашней передаче он скромненько свернул: мол, закончил физмат (на почти каждой из частых явлений на телеэкране вворачивает, мельком так, наивно полагая – это хвастанье его реноме прибавит... Мне об его уме этим многое сказано! Но не в пользу ума, как рассчитывал наверняка этой «скромненькой» похвалой Цыпляев, – совсем обратное... Ему сейчас где-то 50, он моложе меня лет на 20! Значит, где-то в 77-м ему было 17. А мне – в 57-м. В 10-м классе мне как-то учитель математики сказал, когда я много проще, чем в его «решатнике», решил сложную задачу: – Вам бы, Юрий, подавать на физмат! ... – **но, хотя** все будущие «медалисты» списывали у меня (а меня «за правдивое высказыванье» – вкратце и здесь где-то упомянуто, – лишили более чем кому в выпуске положенной медали), – я уже понял (а красавец Цыпляев и через двадцать лет, когда физиков людству гадости уже вполне достаточно обозначились, не понимает), – что карьера-«успех» в простейших из «наук», физике-математике, – не что иное, как «сильным мира сего (мерзавцам)» **холуяж**, – что человечеству физики-математики очень сильно напакостили... **Одна лишь история есть наука точно: хотя в ней нет и не может быть ничего точного, – требует представления точного и обо всех «науках» прочих...** Итак, я уже в 57-м, в свои 17, понимал главное, – а Цыпляев не понимает этого и сейчас, **в почти 2012-м** (иначе бы физматом своим не хвастал!), – **не понимает и в свои 50...** Ну и продолжал бы в веществе ковыряться, раз историей смладу не интересовался... Ты ведь и сейчас не понимаешь в ней самого главного (и не поймешь, ясно, никогда! Ею надо с десяти лет, как я, серьезно интересоваться, чтобы к 17-ти главное понять, – и с сим общим пониманием частности **важные** целенаправленно познавать, – чтобы в 50 начать публично высказываться) ... А ты главного и в 50 не понимаешь, – раз всё еще скулишь о репрессиях сталинских в 30-х... Ведь что ты там в веществе наковырял – могли бы таких еще, по меньшей мере, десятки, – а в Верховном ты место занимал такого, может, как я... Кто не в материи косной (где всегда повторяется найденный результат), – а в обществе **бурлящем**, постоянно меняющемся, хоть что-то понимал... Впрочем в Москве, месте тогда уже проклятом, и не мог обретаться человек настоящий (сегодня тем паче! Ах, ты ж в Ленинграде, – ... вообще в городах... Вы меру своего ничтожества хоть оцущайте, коль уж не дано понимать... Это очень печально, что в верхах так долго отирался – до сих пор отирается столь историософски отсталый, **заморокам**, преодоленным мною еще в 17, более полувека назад, – до сих пор рабски подчиняющийся...

* Как-то мне не нравится словцо это нацистское – «нация»... Но нелегко от наличного словоупотребления избавиться... Во-первых, отжившей уже, опасной «буржуазностью» не нравится; во-вторых, *нацисты* (как и «полицай») *навсегда у нас испоганились*... И «народ» животностью прямой, «врагами народа», – нравится тоже не очень... Остается одно слово – **общество...**

Политика временна – поэзия вечна, политика злободневна, не терпит промедлений, – поэзия может ждать своего часа поколениями... Политика – судьба, поэзия – душа людей, – и пусть далеко не каждый ей привержен, – но без нее нет – и быть не может! – человечества... 28 сентября 2010

СКОРБНАЯ в жанре публицистики САГА о том, как величайшая во всей истории партия, в сражениях грозных всех врагов своих с 1917-го по 45-й **посокрушившая**, – в свершениях житейских, мирных... неизбежно завершилась пииком...

КАК ВЛАСТЬ ПРОСПАЛА ПАРТИЯ ВСЕСОКРУШАВШАЯ*,

НА ЛАВРАХ ПОБЕД ЭПОХАЛЬНЫХ ПОДЗАЛЕЖАВШИСЬ (НА ОСНОВАНИИ ЛИЧНЫХ ДАННЫХ)

Сложнейший феномен – Победа, – в нем бесконечны переменные, – и много надо разума отваги, чтоб к истине сквозь них пробраться... Победа мнится победителю добычей, – но побежденный должен шевелиться шибче: в итоге *будто* впереди развитием (*да все ведь в этом мире относительно*)...

Победа – есть такой закон, – побольше к побежденным благосклонна, – их заставляя шибче размышлять, как победителей и где ужать... В итоге *победители – в немилости у Ники: она стагнации у них причиной!* Зане Победа – *стык противоречий, – и воплощение той самой «диалектики»: в итоге «черная ирония» истории, – вся суть которой разрушая – строить...*

Вот так напрасно прошел века 20-го остаток – с шестидесятых – наш, – за исключением самым малым: – кто наделен был силою характера... И я тем паче жизни благодарен, что есть еще чем жить мне в старости, есть чем еще себя занять: могу помочь векам двадцатый век понять... 28 сентября – 6 октября 2010 г. – 16 апреля 2011 г.

*Из песни на слова Сергея Михалкова «Партия – наш рулевой», мелодия коей торжественно-величаявая в отдаленные годы моей молодости частенько звучала... И хотя я уже летом 64-го определил в дневнике верхи партии, как новый паразитический класс (а в 74-м подал заявление из КПСС, – грандиозными ее в прошлом делами (как поэт неявный, латентный, – всю жизнь восторг в душе неся) не мог не восхищаться. В поэзии это нашло наивысшее отражение (по моему, разумеется, мнению) в поименованном выше стихотворении, – в коем наисильнейший куплет: «*Думы народные в жизнь воплощая, / в бурях крепка, как скала, / в грозных сраженьях врагов сокрушая, / партия наша росла*»; выделенной строкой куплета до сих пор восхищаюсь, невзирая на полнейшую солидарность с Гафтом («Россия, слышишь страшный зуд? \ Три Михалкова по тебе ползут»). ...Только бы я, для полной точности, у Сергея Михалкова расплывчато-популистское «Думы народные» (каковые всегда розны: народ это и трудящиеся – и захребетники, – искоренить коих у нас доблестно стремился век прошлый), заменил бы на «Волю трудящихся»; с **таковой** моей поправкою строфа выражает уже возможно точно ту судьбоносную эпоху И хотя уж лет двадцать у нас давно проклятого историей старья *архинапрасная реставрация*, – но впереди – без сомнения (под угрозой всеобщего **нет!**) – к тем великим идеям возвращение...

8 сентября ...Поскольку езу уже четвертый год не далее Надеждинской, то пополняю свою *четвертую* библиотеку отобранной второпях букинистикой из тамошнего книжного магазина в двух-трех моих на люди вылазках Оттуда и 128-страничная «Избранного» С. Михалкова книжица, 1975-го года выпуска В ней, помимо того, что Сергей Владимирович с 1913-го, моего отца ровесник, – очень для меня интересная характеристика Александра Фадеева, которая ярко характеризует и самого Михалкова Сергея – и, в Гафтовском преломлении (см. начало под * пояснения), – не только михалковский род весь, – но и всё *российское высшее холопство* с самого его зарождения... Видна вся недалекость михалковского ума – при несомненной службистской талантливости, – вплоть до высших проявлений: шедевров поэзии отца Сергея (актерства – но уже не режиссуры сына Никиты, – и уже откровенного *сексизма* другого сына, забыл имя... Андрона, вспомнил):

«Решающую роль в моей литературной судьбе сыграло знакомство с замечательным человеком и писателем А.А.Фадеевым. ... Он был щедр и скромн, добр и отзывчив, резок и принципиален... даже ... когда в чем-либо ошибался. Он любил читать вслух стихи, петь протяжные русские песни, бродить с ружьем по лесам и болотам, общаться с друзьями. *Он умел спорить, защищать то, что ему нравилось, и нападать на то, что было противно его натуре. ... Он был демократичен в самом прямом смысле этого слова, и его подкупающее человеческое обаяние покоряло собеседника раз и навсегда. ...* Таким я знал Александра Фадеева на протяжении двадцати пяти лет. Мне было 23 года, когда я, почитатель его „Разгрома“, опубликовал в „Огоньке“ стихотворение, посвященное А. Фадееву. Это ему не понравилось (право на восхваления в стране имел лишь один человек! – Ю.Б.). Он заподозрил начинающего поэта польстить ему, одному из руководителей Союза писателей. Увидев автора, он так и сказал ему, глядя прямо в глаза...».

Разумеется, всепобеждающая михалковская искательность, вкупе с юношеской обаятельностью победили быстро некоторое фадеевское к искательству отвращение, – все вскоре же, несомненно, стало совсем о`кей... *Мой к Фадееву в том интерес, – что в нем отражается суть 20-го века...* (Кроме того – где он в юности партизанскими тропами ходил, – я, через 37 лет, путешествовал) ... Строка, чуть выше выделенная курсивом, о врожденной демократичности Фадеева, – отражает в нём и со Сталиным общее: то есть демократичность та была *сущностная, не показная, – из самых глубин духовного* нутра...* То была демократичность рыцарственная, боевая, – потому *беспощадная...* В жизни она прикрывалась самыми разными психологическими ипостасями – в зависимости от общественных обстоятельств, – но все силы личности к главной цели направлялись – **освобождению трудящихся** ... *Великие цели достигаются лишь к себе и другим беспощадностью...* Все Это проясняет также **средство Сталина с Лениным весьма важное: как то – ненависть последнего к тунеядцам-попам, – и гнев сталинский к перерожденцам-соратникам, из рыцарей революции пролетарской переродившихся в животных- пи... страдателей**... _____

***Людство – огромный есть рой, – скрепленный не вещественным – духовным...** Не запахами-феромонами, как муравьи и пчелы: идеями-эмоциями, – стремлением обеспечить в людстве – довление человеческого... Что к правде есть стремление, – к красоте между людьми отношений...

Михалков Сергей не только превосходной аллитерацией, – по-моему, наиболее созвучной грозному 20-му веку («в грозных сраженьях врагов сокрушая, партия наша росла»), – в ней более чем даже в симфониях Шостаковича и Оннегера слышатся раскаты тяжких канонад, планету сотрясавших, и скрежет страшный грандиозных сражений танковых (все-таки, поэзия – царица искусств! – в восьми всего словах – суть века судного; но сам автор по своей природе холопской этого не мог ни понять, – ни даже прочувствовать: тому доказательство – дебильный новый гимн, доказательство немного ниже), – но и соавтор, наряду с Регистаном великого СССР Гимна, – редактором которого был сам Сталин, – тоже в юности поэт, опубликовал по-грузински и предчувствие своего возвышения выше самых высоких гор, и грядущей (возможной) гибели отравлением от людей, которым слишком тяжела несомая им правда, – это Иосиф Джугашвили опубликовал в 17 лет; позднее он был захвачен всецело грандизнейшей поэзией колоссальнейшего **политического действия**, каковое происходило только один раз в истории всей человечества (и в Гимн СССР, эпохе соответствовавший, внес существенные уточнения)...

И вот Михалков Сергей, более всех из русских поэтов (Федора Глинки, разве, тоже пережившего 90-летие, за исключением) одарен долголетием, – пишет гимн и «новой» России: – от «старого» энергичного Гимна отличие ухудшительное разительное! В том разве «сплотила навеки великая Русь» несколько самонадеянно, – в новом... лепет какой-то детский, притом

с реальностью в постыдном расхождении... «широкий простор для мечты и для жизни грядущие нам открывают года» – после 25-ти уже не мечтают люди самостоятельные, – маниловы разве; что простора касается – попробуйте оформить на «дачный» участок без дачи на лапу «кадастр»!.. И совсем уж дебилные, сверхлицемерные слова: «одна ты на свете, одна ты такая, хранимая богом родная страна» того же самого автора, – некогда написавшего: «Слава борцам, что за правду вставали, знамя свободы (в том числе и от мракобесия поповского – Ю.Б.) высоко несли, партию нашу они создавали, к цели заветной вели. Долгие, тяжкие (и поповским засильем! – Ю.Б.) годы царизма жил наш народ в кабале. Ленинской правдой заря коммунизма нам засияла во мгле»...

В позапрошлом еще январе, отслушав нынешний гимн чуть свет в «модерновом» издевательском, пожалуй, исполнении, – и без того в самом нестерпимом диссонансе мелодии величавой (бывало, лет в 15, заслышав Гимн, даже вставал) дебилно-детским, мракобесным словам текста, – в негодовании сочинил за час снаружи на морозе на сопке, «на дровах», основу своего обращения к России (**с прицелом на текст грядущего гимна**, – когда, наконец, выздоровев, страна сбросит все же – сто лет назад отжившего старья – корыстно-лицемерно-бездарных реставраторов); после ряда, понятно, более чем трехлетних поправок, текст окончательный:

К РОССИИ

Страна громадная, Россия, – / по северам Евразии раскинувшись, – / венчаешь главный материк Земли... / Трудом к жизни вызвала великими / земли лесные, зимами остывшие... / Людьюми ты сильными заселилась, / что за свободой век от века шли – / в края суровые и дикие...

Народы многие, Россия, ты объединила / порывом страстным к справедливости – / в Союз могучий, путь заступивший злу – в век судный... Ты их речения, обычаи сохранила – / и языком своим великим наделила...

Невзгоды многие ты испытала, / **ты все нашествия покуда сокрушала**, – / и в грозные последние века не раз – / **ты мир ценой сынов своих народам даровала**...

Тобою выстрадано право / и образ жизни **здравый** устанавливать... / И, – **путь примером** к лучшей жизни пролагая, – / в который раз, себя спасая, – / и человечество спасать...

(Слова «в Союз могучий, путь заступивший злу», – считаю своим высшим достижением в поэзии, – искал аж три дня, – обычно же слова подбираются при импульсе эмоциональном сразу, как бы написанные заранее; «в век судный», продолжив грозное гуденье этих «у», – добавились с год назад, – хотя много раз за почти три года продумывал... .. В предпоследней строке сначала заменил сеутре «образ жизни **новый**» на «**верный**» – но запашок религии, потом на «**честный**» – *но относится в норме лишь к мужским особям, – и, наконец – «здравый»!* 04.01.12...Первую строку закончил 05.01.12)...

Летом того же, 9-го, года, днем, на прогулке, – и о Союзе:

*Советского Союза нет? Неверно! / В грозном веке **людство к добру он повернул** – / жив потому теперь во всех живущих... / Остались ведь на месте страны, народы те же населяют... / Пускай попробуют свободы – / и вместе вновь объединятся **в семье великой мировой**, – / объединятся по призваниям... / Русский язык великий крепкой станет, заветы советской эпохи славной, – / вместе с интересами неизменно вечными добрососедства... (последнюю фразу добавил только что окончательно)...*

С Александром Фадеевым связь имею... через старую (уже в конце 50-х) женщину – Головнину Тамару, с которой будущий над писателями наместник Сталина, – над «инженерами человеческих душ», словами вождя, – в юность свою боевую партизанскую даже спал как-то на одной лежанке (по его собственному в письме объекту безнадежной отроческой влюбленности Асе Колесниковой владивостокской признанию), – ничего больше не было, намекает... Ровесник 20-го века был Фадеев (с 1902), спал когда с (тогда не лишенной милотвидности) Тамарой, – было ему, как и ей 20, – трудно удержаться в такие-то года от объятий (разве что очень уж сильно устали, – или уж очень страшенькая)Искре, дочери Тамары, было как раз лет 37 в 59-м (как и моей красивой еще матери) ... Мне было тогда 19, Искра поглядывала на меня, еще «девственника» тогда, масляными глазками «плотоядененько», – но меня «размагнитить» тогда могла (лишь два с половиною года спустя) только молодая скромная красавица (нежная блондинка полулатышка синеглазая). ...Искра же краснотлица была, с румянцем тугим на щеках полноватых; энергия в ней ключом била, – казалось, коснись – брызнет, – но дебела, полновата, фигура никакая (у меня и на ликом милых, но полноватых, – при всем желании и уже опыте немало – «падало», – и никакими стараньями вновь естество мое было не поднять). ...А Тамара, с которой раза два на детской турстанции – еще одноэтажная деревянная была на перевале к заливу Амурскому от вокзала, почти впритык к торцу школы 13-й, – в гулянках участвовал: мне она глубокой старухой (в 60) тогда казалась, –

многоедливостью от всех отличалась (может, у себя голодала, ела, так сказать, «в запас»), красота там «и не ночевала» (у матери моей следы до 85-ти, как последний раз видел, сохранились) ... Вряд ли у лопухого хотя, но красавца Саши, на такую грубую связную что-то там «встало» (8.12.2017 ... позднее, увидев ее тех лет девичью фотографию, – беру назад! О, время, ну до чего же ты безжалостно!) хотя... далеко не у всех такая избирательность, как у меня (один в армии друг-«политик», парень тоже красивый – и несравненной меня речистой, – такую страшенькую (но, видно, податливую) облюбывал, – что мне только и оставалось (про себя) удивляться)...

Есть женщины особенно прелестные каким-то милым сочетаньем мимики лица, игры глаз, – и, главное, голоса звучаньем – в незлобивых высказываньях их возмущающего... Таковую – неподражаемой – из райкома комсомола Валя Ильина в годы далекие 55-57-й, школьные старшекласные мои, комсекретарские памятно-определяющие, была... Раза-то всего два на **тротуаре обочь** шоссе Калининской, между райкомом внизу и гастрономом вверх встречалась, и, уважая особо юнца меня, жаловалась голоском тем неподражаемым, такое тем или иным негодованием милое высказывая, – что навсегда остались те ее интонации в моей памяти... Ей было лет 20—22, мне – лишь еще только шестнадцать... Она стройненькая была, рост женский нормальный, шатенка, голова маленькая, черты лица островатые, не красавица, – но очень, очень, очень мила... Больше не встретила такая...

Во мгле ночей, в полдневный зной сонливый, иль на лыжне среди зимы, вдали от шумных толп и гула клятой техники, – отшельник думает за всех

В народе русском мощь духовная огромна: вобрал он бодрость с Азии, с Европы... со всех сторон... И суть этой мощи – слово

И только в тишине возможно мозгу брэнному вобрать и заострить, – и испустить суть мысли всех столетий

Возникло человечество в борьбе – с природою и между собою, – и каждого с самим собою

Стихи мои сырые позднозато родились совсем неожиданно. Подытожить формацию на закате явились. А сие не под силу никаким молодым, – осознание истории, полнотелый опыт только могут осилить. Не под силу и прозе – много емче стихи... И не ждать им привета в опалевший наш век... Но надежда не меркнет, – впереди у них вечность ...будет жить человечество

4 января 2012... **В 64-м, вскоре после Хрущева на ЦК смещения еще глупее и подлее Брежневым**, – Слуцкий, поэт значительный наш **последний**, еще надеялся на что-то пару месяцев, – но написал слова такие в декабре: «Устал тот ветер, что листал страницы мировой истории, какой-то перерыв настал...» ... – и по декабрь сего 2011-го ... 47 лет, без трех годов полвека, продолжался... Истории вдох-выдох несоизмерим с нашим...

Дальше – чрезвычайно важное! Не помню когда и где купил двухтомник Конрада «Жизнь Гете», перечитывал его десятка за два лет раза три, – и пропускал потрясающее! Не обращал внимания на не слишком талантливый перевод (двумя женщинами-переводчицами с немецкого): «Чего от меня хотела судьба? Вопрос этот дерзок: не требует ведь она слишком многого от других... Ей наверное удалось б создать поэта, не ставь ей в этом немецкий язык препон»... ...И только когда сам стал... вроде бы... поэтом на старости лет, – вос-

принял всё этих строк **значение!** ... Тут же – когда-то раньше сочинено будто – улучшил перевод довольно неуклюжий — и в размере **явно** не подходящем (*не предназначен объективный гекзаметр для субъективных признаний* (так и сыплю афоризмами):

Судьба! Чего ты от меня хотела? Спрошу **тебя**, прости меня за дерзость. От всех других, за малым исключением, – не ждешь ведь ты чего такого экого... Тебе наверно удалось б создать поэта, – будь благозвучнее язык немецкий

И тут же мой моментальный ответ. Не Судьбе – самому Гете через почти два столетия:

А у меня нет ни малейшей к языку претензии! Любая мысль чеканится в стихе, любые чувств оттенки И не предъявишь их причудливой судьбе, что поздно так открыла мне поэзию ... Но нет мудрее времени и места, – и случая! – когда родиться, где... .. На деньги я не разменивал дары бесценные: поэзия не стала в жизни средством, – а под конец лишь средством осмысления, – и, значит, жизни продолжения, – когда других уж не осталось средств

Задача поэта – создать экспрессию, найти такие речи, – чтоб, разъясняя, – воздействовали

Людство проходит, возможно, полосу самую тревожную: обуздания, насколько возможно, в человеке животного, – что до сих пор выражалось в войнах, – кои двигали его становление и развитие, – но взрывным техники в двадцатом веке засильем, – стали невозможны.

*Войны всегда начинали зачинщики в уверенности, извлекиши выгоды, – остаться в целостности самим. Но возмездие великое в России – казнь монаршей семьи, – (и вытекающий из него суровый конец главарей гитлеровщины) их **проучило**, – а технический взрыв, ликвидировав фронты, за которыми мерзавцы отсиживались, – невозможность «фронтирования» довершил...*

Но это породило совсем безвыходность: исхода реального из нынешней ситуации – кроме всеуничтожающей «войны всех против всех» – не вижу: **надежда слаба на разум слишком, – на добро, – когда до сих пор в основном двигало зло...** За исключением революций, впрочем, – нашей особенно... **Видимо, есть закон отшатыванья от пропасти...** Вся надежда – на него...

Мой перевод той строфы знаменитой ГУРИИ (кою издавна знал наизусть) Гете, – но эту строфу вот никак не мог вспомнить:

Я изведал и наветы, и неправой власти гнев, и друзей былых измены, и безвестье, и болезни**, – несмотря на все я пел, – что мир этот не вечный – вечно добр и справедлив, пел о верности сердечной, веру сердцем окрылив _____ *Это – не о самом Гете, отлично уживавшимся с всякой властью, – а о поэте настоящем, – который «был в мире человеком, – это значит, – был борцом»; но выше Гете ведь признался и сам, что «не поэт»*, – но «валит» на неблагозвучность языка немецкого, – которая ведь не воспрепятствовала Генриху Гейне великим поэтом **стать**, – именно потому, что был борец, дружил даже в 45 с 25-тилетним Марксом, который помогал ему **стихи** «шлифовать»). * В этом высшем смысле – и «наше все» А.С. – не (настоящий) Поэт, – и **обращается в одноименном стихотворении не к себе, – а, всего вернее, – к Рылееву.**

Расхожее заблуждение: у каждого возраста свои прелести. У старости – одни болезни, – да горькая привилегия рассуждать с высоты лет: кому – ближний круг, кому – историю всю...

Не применимо в прошлом «бы», в минувшем – нет альтернатив! Они всецело все в грядущем: владеем мы одним лишь будущим, – если отсудим у судьбы

Библейское «В начале было слово» – неполно, невсеобъемно В начале жизни, в смысле общем, – лишь ощущения, затем эмоции, – людство **ж** со слов и начал^ось И затем в начале всего нового – а только тем оно жив^о! – **новое слово...**

Лишает разума судьба, кого ей надо наказать, – но разны сроки наказанья; Горбач вот был наказан сразу – за *президентство свое дурацкое...*

Но крепки нервы у «заразы» – вписался славно в созданный им хаос, был юбилей 80-й... С Сергеича, как вода с гуся... (Этот афоризм оцениваю, как свой политически самый-самый)...

С пяти пришлось слушать только звук с few waves: на приемничке 24 телеканал – как Берлинскую Стену воздвигали в декабре 1961-го (а я тогда уже в 22 мужчиной только стал): после трех лет томлений-«минжеваний» – три года перед ними меня от злой похоти избавляла начисто юная любовь платоническая тайная. ...Нашлась, наконец неяркая, скромная, добрая белокурая 23-хлетняя красавица (потом не встречал ни единой со всех этих качеств столь гармоничным сочетаньем). ...В своей времянке спал с женой не любящей биатлониста, чемпиона края Рисковал, – по ее рассказу он был крутоват: вроде бы убил одного даже на Загородной, на танцплощадке, просто над собой подняв и на бетон грахнув (выпутался потом как – не вникал: всего два раза под Новый год Оля со мной спала, потом меня из города – старшим («страшным», – тогда говаривали старшие, вспоминая лихие репрессий времена) был по туризму инструктором крайсовпрофа тогда; краевого турклуба, между прочим, первым председателем; с инструктора турклуба, понизив (председателем совета клуба выбранным оставался), – перевели на Океанскую помогать в ремонте в апреле турбазы (это, может, меня спасло если не от смерти самой, – от серьезной трамвы: несмотря на все страхи я два раза приезжал к Оле в общагу, где неподалеку в мужской строительной общаги на Загородной и ее свирепый муженек живал: я готов был драться, защищаясь, – на свою молниеносную реакцию, резкость удара увесистого кулака полагаясь, – но избавила с юности меня судьба от серьезных драк. ...Итак, на третью уже байку от основной темы отвлекаюсь, завспоминался старикан... – в апреле помогал на подхвате ремонтировать турбазу, – а в мае из сотни первого заезда крепких ребят, красивых девчат подбирал, человек 15, – первый пешеходный маршрут прокладывать; и пошло-поехало: почти плейбоем стал на Океанской – еще с двух заездов так вот подбирал, – только одну-то **и** «поял», – но две-три **преlestные** еще со мною целовались страстно, – и больше поглядывали, готовые уступить, только мне чуть «нажать»; как следует разгуляться не дала суровая, в июле, армия, – но это уже другая сказка (ничего не приукрашиваю, ничего не добавляю, – кое-о-чем по необходимости, конечно, здесь умалчиваю)...

Остроумный был с пяти на 24-м телеканале материал, слушал его, придремывая, по приемнику... *В Восточной Германии небезмудро говаривали: если капитализм уже у пропасти – зачем его догонять!..* Но многие, работая в Западной Германии, – а тамошняя марка вчетверо была тяжелее восточно-германской, – в Восточной отоваривались, – где цены были ниже в разы; Ульбрихт Хрущева долго уговаривал границу «засобачить», – Никита упирался, даже своим дурацким умом понимая, какой афронт идее воспоследует, – дефициты Вост. Германии за наш счет погашая, – но к декабрю сломался; грандиозную операцию – в ночь была возведена стена! – совершенно блестяще маршал Конев организовал; разведка западногерманская «обосралась» манерой самой жалкой – до самого конца подготовки операции гигантской разведка западногерманская даже и не подозревала, – тем паче американская; утром посол американский не мог уже в Восточный Берлин попасть без замухрышки-пограничника санкции, –

тот, английского не зная (посол-то немецкий должен бы знать), – величаво ему назад показал; рассерженный посол сразу с молодым, горячим Кеннеди связался, – тот приказал немедленно к границе, вновь объявленной, 11 американских танков послать; Конев, с Хрущевым связавшись моментально, через 10 минут **подогнал** наших тоже 11 танков **равно**; и был молодым на экране показан – не видел – отвлекся – я, – но еще не раз до декабря, еще только август, покажут, – пуше меня старикан, в младости восточно-германский лейтенант или сержант, – фамилиё не запомнилось, какая важность, допустим, Шумахер: – посреди этих с обеих сторон танковых групп стоял, шамкая, далёкую молодость свою вспоминал... А я чем тогда занимался – чуть выше вкратце описал, – а в октябре 62-го, в Карибский кризис, был в дивизионе зенитном на СОНе (станция орудийной наводки) оператор, – а внеслужебное время библиотекарь части (то есть после боевой учебы – после обеда в столовой – ни на работы, ни в какие (кроме караула) наряды...)

Покуда существуют бюрократы – Гоголь на мир своим «Ревизором» бессмертным влияет... И хотя он в мистике увяз в финале жизни своей краткой – мистика царила тогда, – лишь после смерти автора нашего славного нанес удар ей Дарвин (жизнь, понятно, великая тайна, – но безусловно не было, – не могло **и** быть!, – «творца») ... Совсем без мистики на массы тогда не повлиять... Тогда, в годы тридцатые века 19-го, *главный узел мировой истории завязывался (только сейчас начинает развязываться —)* ... Умерли в 20-х века 19-го и Наполеон и Байрон, ушел с петлею на шее в века наш Рылеев Кондратий: в момент разгрома, безнадежный самый, когорту декабристов славную возглавив; и Гоголь молодой силой гениальной своей любви к человеку «маленькому» – и ненависти, главное, к **тунеядствующим** классам, – посеял «драконовы зубы» страшной революции будущей (с ужасом вполне осознал сам лишь к сорока! И даже покаялся, – но творения его гениальные – **нет в мировой истории автора, с еще большей силой на нее влияния**, – уже **были заряжены на века и без** наличия автора) ... Наиболее прозорливые уже увидели устрашающий капитализма оскал, уже написал в Венгрии Ленау, свою прозорливую «Весну»:

«...землю роя, лес губя, верный твой приют, – гости, злые для тебя, – рельсы так и прут...
...Поезд поезд с воем пролетит, вырвется вперед: он цветов не пощадит, набожность* убьет...
Но ведет ли этот бег в милую страну, где Свободу человек примет, как жену (лучше бы – Ю.Б. —: «встретит, как весну»)?..

А десятилетие спустя зачнет молодой «сын юриста» Маркс, – еще не вполне освободившись от гегельянской схоластики (ее Ленин только убрал спустя лет полста после смерти Маркса), – **революцию пролетарскую**; и, кажется, еще десятилетие спустя выступит Дарвин со своей книгой знаменитой «Присхождение видов», – которой досталась наибольшая слава после марковского «Капитала»**; книга Дарвина революцию в мировоззрении произвела, всерьез религиозность подорвала, – но сильно грешила *панспермией* банальной, – тогда как Грегор Мендель почти одновременно уже результаты своих опытов с разновидностями гороха опубликовал, в коих **реальные** основы **теории** наследственности заклал; Дарвину*** досталась при жизни великая мировая слава, – а о книжке Менделя вспомнили лишь после издания лет через полста, когда великий **монах** давно уж в могиле **почивал**... _____

*** Как искреннюю, наивную нравственность – не лицемерие повальное, – как сейчас...**

** Маркс имел темперамент, – но гениальностью, как и Дарвин, – не обладал: а Ленин, как и Гоголь, – был гениален и как мыслитель, и как организатор, – и даже как военный стратег...

*** Я все десять весьма массивных, в темнозеленых обложках таких, томища Дарвина с увлечением – перевод был идеальный! – в сахалинской областной библиотеке в 63–64-м годах, на срочной службе прочитал, в политотделе дивизии служа сержантом в должности капитанской (Родина немалую экономию в деньгах имела на мне, однако); от Дарвина нельзя было

оторваться, – но идея-то выживания наиболее приспособленных ведь – еще от древних греков, – а вот **начало** — в начале еще 1850-х годов — **объяснения самого механизма происхождения и изменения видов положил Грегор Мендель** (и книжицу Менделя первую, с гороха разновидностями гладкими и морщинистыми, в библиотеке Южносахалинского Дома Советской Армии офицеров, – 20 годов еще издания, – в 1963-м году я проштудировал)...

Язык живет в общении живых – и бывших тех его носителей, к книгоизданию сумел кто приобщиться, – чтоб для других мысль сжато, точно, благозвучно – наикратчайше донести.

Речь есть само начало человека, в истории его всему предшествует, ею возвысился в животном мире, – и гибель близкую нависшую он только ею может отвести, – зверя в себе... достаточно смилив..

Сочинением стишат очень многие грешат – поэт является не часто

Когда собирались оравы людства – всегда наверх кого-то выпирали: кто-то всегда поверх всплывал – лидер всегда объявлялся... Одно исключение – Ленин. Его в Питере в 17-м не окажись, – история людства, возможно, уже бы завершилась, – и началась б история звериная, – и мы бы точно не родились... Ленина в Питере в 17-м не окажись... [17.02.2019 ... Уже к 1939-му году не было б России]

Я с детства знал, – не слаб весьма, – но никак в себе не подозревал такой замах к старости

Пока без мощных толп, без громких возгласов, без всякой крови, – как никогда ускоренно, – тысячелетняя меняется история... (25.09.2009., 05.57) Свершается мировая революция та самая, которой грезили отважные, в 1917-м взяв власть **трудящимся** низам... Достанет ли теперь у младости отваги взять правде власть уж навсегда... (06.10. 2011)...

Все эти технические ухищрения – следствие явления простейшего, – но существеннейшего! – человеческого сверхразмножения, – и надобности, стало быть, «естественной»* – его прорежения, – то есть тут покуда не жизни – смерти довление... И надо нам подумать крепко, как к жизни повернуть всю эту чудо-технику, – и отворотить **ее** от смерти... (02.05.2010)

* Если животные устремления берут верх

Считают медики – способны к оплодотворению стариков еще две трети, по меньшей мере, – чуть ли не до самой смерти... Отсюда серьезные мысли следуют, – но здесь им нет места... Извлекайте, пожалуйста, их из *моих* флэшек...

Была одна мировая война, – второй называемая – ее окончание

Гибельное техническое развитие *небывало опередило умственно-культурное развитие спасительное*

В мышлении на недомыслие, в политке на бессилие, – не ссылайся... не истинно...

Дурак изрядно разнообразен, но злее всех дурак с претензией, как тот Кара-Мурза Сергей... Несносней всех – дурак-профессор!.. У нас в гуманитарии таких «по самую шейку»...

Гений невозможен в технике, что в рабском услужении у тупой военщины; гений – только в познании человечества... ..Гений – сущее несчастье ближнего окружения – но в нём человечества *самопродвижение*...

«Дабы **помудреть** (получить успех в мудрости), – надлежит быть зрителем, – а не действующим лицом тех комедий, которые играют на земле», баснописец Иван Крылов двадцатилетний, Почта Духов (Изрядно мудро для 20-ти-то лет!)

Для мудрости полезней лицезреть комедии страстей, кипящих на земле, – чем в тех комедиях нам действовать... ..Важнее мудрости лишь д'еянья подъема освободительных движений, – то не комедии уже – трагедии... И мало мудрости – в них действовать, – еще потребно самоотвержение; и вместе – это и есть гений; и было это всё сполна у Ленина, – ни у кого в такой же мере! И никаким клеветам это не стереть...

Нет невозможного в природе, – в людстве же такового много, – и невозможнее всего: в себе себя глупец чтоб разглядел

Животность в людстве вошла в смертельное противоречие с техникой, – своим порождением; техника – функция от плотности населения; причина плотности населения – известна; до сравнительно недавних пор войны поглощали (относительный) избыток населения, – но свертехника войны никому не выгодными сделала, – и этим теперь техника обращается против всех; одно утешение: техника и порождает проблемы – и дает средства их разрешения; например, уже с тридцати я в городе совсем не жилец, – а здесь, один, – средствами связи современными могу еще порадовать человечеству; я не один такой, надеюсь... Но не надеюсь еще кого такого встретить «до самых смерти» (уже одним сим высказываньем протопопа Аввакума доказывается: вера была для него лишь средством: смерть всему конец, – средством в условиях тех в жизни **действовать**)...

Во все века, людство покуда развивалось, судейства тяжкий груз на «хрупкие плечи» женские, из рассуждений самых здравых и гуманности, – отнюдь не взваливали... В *закатные* последние менее столетия из-за животного начала довления: из-за тотального разложения морального – стали взваливать: ведь «слабым полом» «властям» полегче управлять (к тому же фактор сексуальный, исследуемый мною детальней далее, – уже крайнее разложение моральное: **лицемерие в последние менее века просто гибельным фактором стало**)... Очненно мне не нравится – как увижу судью, бабу надутую, на телеэкране, – матерясь про себя, дальше по программам проскакиваю...

Способности проявляются желанием, – а оно любит труда разнообразие, – чего не любит производительность труда; техника позволяет, наконец, потрафить желанию (а оно, в конце концов, – самое главное, – если, ясно, от добра).. В этом техники главная *положительная* сторона: куда ее направить – зависит только от нас с вами...

Тщеславие, помноженное на зависть, на публику заставляет вылезать... Мужество, помноженное на ум, побуждает на публику – выступить...

Из многих невозможностей в людстве, пожалуй, невозможней всех – себя в себе глупец чтоб разглядел

Самое, самое людства проклятие – производительность труда возрастающая – весьма в контрасте с ее приятием: сие противоречие в конце концов и сгубит человечество... – Если, конечно, бездействовать, – отрывом слишком от среды естественной... Возвращение на землю – спасение, — но не в деревню! (В ней нет уже нужды современному человеку – и – главное! – не ужиться с тесными соседями —)С автономным энерго-водоснабжением в каменную, как я, «фазенду»... **Экономика только тогда экономна, – когда автономна ... (Не ожидал даже от себя такого юмора здорового, – самому интересно узнать, когда же точно меня постигла такая мысль: 08.06.2011)**

Давно нет организованных коммунистов – но история скоро затребует подобных им

В июне наш «тандемный» лидер отменно пустословил в Питере о некоем модерновом прорыве, того не видя, – что *потолок технологический в двадцатом веке уж достигнут капитализмом, – который именно мы на целый век продлили, – на словах тягаясь с ним* ... И стала невозможной сшибка, которой поглощался людства излишек (относительный: еще много на земле осталось мест, куда расселиться, – но людишки ведь тщеславны и завистливы, – к тому же вероломны, циничны, злы: они норовят ведь изгнать с лучших освоенных мест предшедших им!), – *словом, почти вконец зашились, наукой-техникой из настоящей жизни вышиблены (вернее – своими страстями-корыстями злыми)*Но и в самом деле необходим из городов, чудовищно разросшихся, подобно злокачественной опухоли, отравленных всбесившимися авто, в развратах всяческих погрязших, – вместо безопасности, наоборот, ставших местом всяческой повышенной опасности, – *из городов, ловушкой ставших, категорически необходим прорыв...*

Дошибся высшего я в наивысшем – но не пошло б всё это пшиком. Покуда мысли чужь *лопошащие* не слышат, борзой цифирью оглушены Должны мы ради блага высшего, – должны мы цифру эту злую прошибить... 31 мая 2010 (Не помог мне 34-тилетний тогда сосед близкий, компуторщик Дорошенко Миша, кому адресовались сии стихи, установить электронную почту через смартфон, – не услышал... Разница, видно, велика возрастная слишком, уровни умственного развития —)

Удар ужасный капиталу нанеся в 17-м, – потом его мы продлевали лет так полста выгодным ему весьма – но зело нас истощавшим (!!!) глупейшим – противостояньем, – а с 65-го посейчас – еще своей (необязательной!) стагнацией ... покуда власть, взятая отважными в 17-м, – их последышами слабыми отгнивала... И лишь тогда ветер истории страницы залистал*, – когда, лишившись мощного надсмотрщика-соглядатая, – капиталисты пустились во все тяжкие... безудержными спекуляциями... полагая, что сокрушили нас... На самом деле *вместо старых схоластов... поспособствовали заменить у нас молодыми негодьями!*.. И только тогда правда всем, способным понимать, – кроме негодяев** – ясна стала! И открылись у капитала рана, нанесенная у нас в 17-м... ..И вот в году 2008-м самая-то агония началась... Она, может быть, будет и недолго сравнительно длиться, – но труп капитализма будет долго гнить, – и как бы миазмами своими напоследок всю жизнь, проклятый, не отравил ... 7 июля 2010

*Из совершенно гениального стихотворения Бориса Слуцкого, одного из главных моих учителей в поэзии, осенившего его в декабре 1964-го в результате «ухода» в октябре «придурка Хрущева»: «Устал тот ветер, что листал / страницы мировой истории. / Какой-то пере-

рыв настал / словно антракт в консерватории. / Гармоний нет, мелодий нет, – все отправляются в буфет...

** Ни (слово забыл напрочь! Вставим наудачу – :) *партипробы*, ни Бердяев, ни журнал «За рубежом» – не спасут от негодяев, пьющих нехотя боржом... Иосиф Бродский

Выходит, Брежнев со «соратниками» были еще не негодяи, – но лишь конформисты-схоласты, – а негодяи настоящие – их детишки-внучишки, циники зубастые **нынешние**... Но зубы притупятся, повыпадут, – и – время это близится, – повышибут...

Чудовищные абцессы назрели на планете. / Назрели на земле людства страшные нарывы: / из городов категорически необходим **прорыв** (12 июля 2010)

Как быстро в мерках исторических обуздано электричество! Хотя еще древние греки его заметили назад более двух тысяч лет Но начали постигать электричество – сначала лишь эмпирически, – с середины 18-го века лишь Довел эмпирику электричества Майкл Фарадей до предела высшего Постиг законы электричества математически – Максвелл великий еще в 50-х годов века 19-го середине (лет 26-ти – и умер 48-ми) ... И только в конце века 19-го – начале 20-го были поняты вполне Лоренцом, Пуанкаре, Эйнштейном... гениальные четыре дифференциальных уравнения Джеймса Максвелла, отождествлявшие природу электричества и света, объяснявшие доступную человеку динамику вселенной... **К добру и злу вполне безразличны законы электричества, – но мы должны к добру их устремить**... (13 июля 2010, 05.22 – 16 августа 2011 последние две строфы)

Надо сказать, Путин у «байкеров» смотрелся даже привлекательным, к себе невольно располагал даже меня, – кто видит явственно обрядов этих горестный финал...

Это же надо! «Эпохальная» давка в Германии: на пошлый «музыкальный» фестиваль – «любви парад» (навверняка процентов не менее чем на пятьдесят «любви» гомосексуальной), – ломанулось молодых бездельников аж миллиона полтора! И *что-то много насмерть задавлено*... Не знак ли начала нового Апокалипсиса там? Лезет в города людская биомасса («фаршем» стать!). *Таких-то и людьми признавать... не так как-то... что лезут незаметно, словно «икра», – в гибельные города* ... Не времечко ль уже настало мал-мал икорку эту убавлять?.. Сама себя вот убавляет... Не лучше ль в горы их (в Грецию!) послать делать террасы и хоть бы возделывать виноград... (июль 2010 – 16 августа 2011)

Новая немецкая агрессия – посредством экспорта!.. Только год-два назад китайцы вышли на первое место по экспорту, – а то всё были немцы! Но двадцать ведь китайцев на одного немца... Вот только проблема – докуда будут немцы кредитовать безвозвратно свой экспорт? Как ни тупы в целом немцы, – как, впрочем, и мы почти все!, – но ведь «доп`етрают», – и таки перестанут загажать греческие города своими фольксвагенами... (июль 2010 – 16 августа 2011 —)

Через Сванидзе беспринципного цезарь новейший наш таки и выволоч на лице-зренья «быдла» Августа Октавиана лик, – с которым сходство сразу я увидел – как раз к зиме уж лет одиннадцать (27 июля 2010); тогда Володимир (знаковое имя! Россия – целый ведь тоже мир) был благообразнее, как все мы в младости, – и больше, чем ныне, походил на известной статуи Августа лик; и роль его в (траги) комедии людства досталась та же – замирить волчьи стаи как-то (себя отнюдь не забывая —) ... **За две тысячи лет кое-что не меняется – однотипные люди во-время на месте ключевом появляются**; ну, а дальнейшее зависит уж

от нас (две тысячи лет прошли ведь не зря): от меня старика (других таких пока не знаю) и тех немногих, кто мне помогает, на кого полагаюсь (а это в будущем пока, – надеюсь, будут через месяцы...), – и, главное самое, – от младости... (16 августа 2011)

Ждет наказание олигархат уже без малого лет двадцать (09.08.2010., 04.43) Сошел ей с рук как будто возврат к сброшенной революцией паскудной символике царской (04.46). Но, несомненно, – не сойдет отказ кощунственный от названия органа охраны правопорядка, данного революцией (04.55) ... *Горько-забавно наблюдать, как пигмеи духа глупо-корыстно заменяют название органа охраны правопорядка, данное гигантами...* (16 августа 2011). Пока неясно – то ли Дима Володей «подставлен», – то ли ума совсем лишился олигархат (09.08.2010, 04.56), надеюсь сменой названий саму историю «обставить» (16 августа 2011)...

Судьба, мы знаем, любит ретардацию, – и не спешит с возмездьем Правда, – зато и быют уж наотмашь... Сами злодеи коль избегнут кары – потомство их таки достанут (как то и началось у нас в 17-м, – и будет, будет повторятся – не обретутся покуда Правдой – с помощью нашей! – от повторений зла надежные гарантии) ... 16.8. 2011 —

Марионетный «спикер» нашего «сената» свое вступление на пост (так лет уж пять) означил сразу «холуяжем»: предложил срок президентства увеличить н`а год, – и до сих пор – на месте «св`ятом», лицедейно-холуйственную оппозицию отвлекающую – на телеэкранах недельной щетиной изображая (09.08.2010., 05.03) ... Прохужается однако всякая перчатка, – и выбрасывается (в Думу, однако) за безнадобностью... 16.8.2011

Анекдотец довольно старый. Встретились хохол и москаль. – Как у вас теперь Верхсовет называется? – Рада —. – А чему она рада? – А шо не Дума она... (Думать до выступления в парламенте, – и говорить уже продуманное надо)...

У меня изрядно похожий на Ельцина был один из четырех капитанов, с которыми год помполитом (первым помощником, на самом деле – «комиссаром») я плавал (ходил в моря – говорят мореманы); такая же помесь блондина... с азией; сначала тот капитан был лучшим для меня из всех капитанов, с коими довелось плавать (капитана Фивейского, чуть ли теперь не из басни, исключая, с коим месяц плавал практику перед зачислением в парткома Мортранспорта «аппарат»); а там года полтора работал с Мальковым, меня туда зазвавшим, – пока тот наверх не «попёр» круто: и допёр до того, что «коммунистов» охвостье предлагало его в 1990-м в председатели Верхсовета против Ельцина... – И он *отказался* (здесь по «транзистору» его голос знакомый слышал), – видимо, опасаясь, как бы в самом деле не избрали... (Зюганова в 2006-м – а что толку! – и избрали, – да нельзя и тогда еще коммунистам было брать власть (кстати, **власть не берут, – на нее силы социальные ставят**) ... – Не отвечать за маразм «комуняк» дабы, за ельцинско-гайдаровский развал... – И паче, чтобы **идею** надолго не гнобить (**навсегда ее погубить ничто не в силах, – и уж когда к ней вновь присоединится сила, – а это неизбежно!**, – ничто пред нею не устоит)...

Так тот душка капитан сначала, – по-первости мы с ним не разлей вода!, – обо всём разговаривали, – вдруг форменной скотиной стал, – когда наш танкер, вместо рейса в Японию (после тоже «валютного» на Вьетнам) – в хладный Магадан в феврале 71-го отправили, – зане у танкера туда планового подогрев солярки вдруг отказал (возможно «подмандячили», и скорее всего, – но это только по теперешним временам мне представляется! А тогда не только я не додумался до возможности такой подлянки, – но даже и тот «скотина» -капитан), – и в посудину ту бензин закачали, который при любой температуре выкачивается, – а честных нас – на Магадан. ...И там мы еще оставались с капитаном закадычными друзьями, – но тяжкие

льды поднесло в тот февраль к столице Колымского края: льдиной изрядной метров семь довольно тонкой стальной обшивки (уже подржавленной, покрашенной) нашего старенького танкера («Черновцы») сорвало, – и нас вместо благословенно теплой – и валютной, самое главное!, – Японии, – завернули на ремонт (заодно и длительный был на носу плановый), – в тоже хладную Совгавань!.. ..Сразу осволочилась вся команда, а главное – сам капитан ... А я, напротив, был несказанно рад новым местам, просто берегу был рад – Мне, чемпиону края по спортивному ориентированию менее года назад, буквально в *последние полдня* перед плаваниями, – просто хотелось донельзя на лыжах пройтись как следует! Хотя, как и все, терял в окладе десять процентов, – и шиш валюты совсем! А она была главное, зачем плавали! Я думал, что и мне в ремонте оставаться, – а, оказывается, – помполита сразу с судна снимали, – в Находку самолетом – и без промедления в загранку (без помполита за границей запрещалось членов команды на берег отпускать)!.. А я сего не знал! Что помполита сразу с ремонта снимают... Очень много важного (не доступного даже большинству подавляющему) тогда уже знал, а – тот *пустячок* не знал... А бедняга капитан и мысли не допускал, что *это* я и не знаю! Я знал больше самого дьявола, – а этого-то «пустячка» (на деле – самого главного!) **и** не знал!.. Вот же какие в застойные времена бывали казусы... Такая-то бестактная (в представлении несчастного капитана) моя в предвкушении берега щенячья бескорыстная радость – была принята беднягой за злорадство изрядное, за садистское издевательство: тебе, мол, в ремонте корпеть, – а меня сразу в загранрейс... *Вот какие злые казусы создавала тогдашняя наша «зажатости» практика! (Ну, – а теперь нас вообще «сюр» захлестывает! С той только «обратно пропорциональной» разницей, что большинство подавляющее не знает свое будущее ближайшее, – а я, в числе немногих очень – и друг с другом не сообщающихся, – знаю) ...* Так что, может, не такой уж негодяй (как Ельцин, на него лишь похожий, оказался!) был тот капитан, – может, он о «тачке» всю жизнь мечтал, – только той валюты японской толики ему и не хватало на давно вождевленное авто несчастное! (Неоднократно описал тот казус судьбоповоротно-знаменательный по-всякому, читайте, коль дойдет до издания и моих воспоминаний, – а здесь закругляюсь)Крепко тот капитан мне нервишки за те полторы недели потрепал (*равно – без малого весь год плавань на том танкере почти явное несогласие с моей синекурой «бездельного кота», почти явно судовым плотником высказываемое, – и буфетчицей Турчинской, «хулиганкой Валеи», весьма ворчливой (которой вполне можно было и «вставить» (и весьма не прочь была и она поначалу) – ежеутренне ведь у меня и у капитана в каютах прибирала, – но мне этого было никак нельзя себе позволять... а она, «вставки», естественно, от меня не дождавшись – возненавидела «аза» подсознательно «по бабски»*) ... **Но больше «проел мне плешь» (тогда еще не было), все-таки, капитан...** – и по гроб ему я должен быть благодарен: через те передрыги я «штатным» охотником стал – и мало того, что *душу спас*, возможно, и здоровье, позволяющее **на 74-м** вот так сочинять (хотя абсолютно ничего не «сочиняю», описать с наивозможной точностью все стараюсь – мне можно верить, как самому «богу» (ежели бы таковой был возможен в природе) ... Благодаря тому казусу, тому неудачливому танкерному капитану я – «провёл, как должно, сильные лета, – и **есть на старости лет мне, кроме всяких житейских передрыг пакостных, – есть что и повспоминать**»...

Моральные передрыги характер, волю укрепляют; от внешних и от внутренних причин бывают: от внешней среды давления, – и от твоих собственных решений ей сопротивления; у меня тех и других было достаточно с самого «ранья»... Сначала от поздневоенных шпанят, угнетавших поменьше их размерами малышат; затем, со школы в 47-м, – от отца, страдавшего в его отцовско-материнской семье «синдромом младшего брата», где трех сестер старших и брата, с`амого старшего (бывшего им за рано умершего отца, моего деда, стало быть), – все, без исключения, отпрыски «людьми стали»: отец опасался, как бы его старший сын «бал-

бесом» – стыд и срам – не оказался: на мне отец и сбил свои молодые родительские амбиции; из-за него мой первый серьезный стресс-кризис, в апреле 50-го, за три месяца до мирового корейского кризиса... .. Робинзонад начитавшись, давлением и в семье и в школе утомившись, я уже лет с девяти мечтал от людей в лес уйти; случай представился в начале апреля, в десять с половиной лет... Бешено, как и все, на переменах носившись, толкнул нечаянно парнишку – и он, отшатнувшись, порвал школьную стенную газету! Кары за это и в школе и семье, мне мнившиеся, – решил побегом из дому избежать... Мать, не обратив внимания, что пришел из школы слишком рано, дала мне 25 рублей хлеба купить; переправился через бухту катером на Мальцевский базар, купил ножичек в чехлике – все мое вооружение, – в пригородный поезд сел и до Надеждинской в почти пустом – один в плацкартного стандартного вагона купе проследовал, затем пошел по шпалам на север, всматриваясь в то приближавшиеся к пойме Суйфуна безлесной мыски хвойного леса, то отдалявшиеся; кое-где дорога железная близко к реке подходила, раз, к воде почти спустился; резкий, холодный неприветливый северо-западный ветер гнал по реке мелкие беляки, пронизывал мое пальтишко; грелся движением впервые, – как потом много в жизни; сразу почти того, что замыслил, химеричность ощутил, – вернее, что предпринял под паническим импульсом: землянку не выроешь без лопаты, никак в лесу без топора, посуда нужна, запасы...; стараясь от ситуации безнадежной мысли отгонять, – к Раздольному против плотного ветра холодного по шпалам двигался, там жила тетя Надя, старшая сестра отца – две двоюродных сестрички и братцев двое (умер третий старший); к сумеркам к Кипарисову подходил, у здания станции дореволюционного одноэтажного кирпичного с криком орава детишек носилась: – оборванности одежки их нищей, несмотря на удрученность, – поразился; не мог знать – лет через тридцать пять многократно буду к тому вокзалу кирпичному с другой стороны подходить, – что именно здесь моя детская мечта осуществится... .. К Раздольному уже где-то одиннадцати вечера подходил; к тете решил не заходить, зная, что встревожу и ее, – как уже родителей: успел – везение – на последний поезд во Владивосток пригородный минут за десять; словами не описать моего отчаяния, моего нежелания к родителям возвращаться, – но случай благий редкую красавицу, яркую блондинку в одно купе со мною посадил: лет двадцати, немного пышноватую плечьями, как вообще натуральные блондинки; сидела все полтора часа с лицом невозмутимым, – ее красота редкая, дотоле мною невиданная (за те месяцы, что интерес к женскому полу уже проявился, – или, вернее всего, он с той блондинки яркой и возник (*сразу высокую планку взвив*, – а она у меня не низка и генетически: и мать и отец были красивы); такая красота сразу мое отчаянье сбילה, – я просто «аховость» своей ситуации забыл, ощутив интуитивно, что все это мелочи, пустяки, – *раз есть в жизни красавицы такие*; ...поезд пришел на вокзал где-то к половине первого ночи, трамвай еще ходил, – надо же людей развезти с последнего поезда пригородного; с Луговой – а нет, на катере на Мальцевскую чуркинскую: никогда не забыть отчаянное нежелание домой идти, вновь нахлынувшее: хотелось голову о коллектор водосливный, освещенный «как днем» полной луной в отчаянии тоскливом разбить; не стуча во входную дверь, дом обошел, постучал в окно комнаты родителей: – Юра, ты один?, – спросил отец тихо (за оврагом, близко, случай был: через сына в дом ворвались, вырезали всю семью грабители); ...разумеется, дома не было никаких репрессий – мать и отец были радешеньки, что кончилось вполне благополучно, что старший сын вернулся жив и цел; никто и в школе не вспомнил назавтра о той порванной стенгазете...

...Затем выше (к разновидностям опасностей описанное чуркинской шпане в лето-осень 53-го, – для меня «победное» противостояние и, разумеется, полезное: начал сполна познавать людей; узнал своего кулака резкость); моральные терзания свелись к страху, не повредил ли глаз несчастному Карасю Ваньке: в котле из двадцати шпанят ему поставил «за обзыванье», в темноте уже, фингал перед фильмом в «бригаде»... Тогда положил себе я – ни в каком случае за оскорбления – не нападать: силу применять – только от нападения защищаясь...

...Воюя в лето 53-го с с двухгорбово-окаатовской шпаной, не знал еще, – что с августа ...комсомолец... ...После смерти Сталина был в конце апреля прием в комсомол массовый; много было еще от войны недавней и оккупации – переростков тогда в семи шестых классах, – а я заодно заявление подал, хотя полгода еще до 14-ти не хватало.. Я стал консультантом для всей той массы – больше сотни в комсомол принимаемых (недаром же у меня еще одна кличка была – «политикан»: где какие страны, типы правлений в них, какие партии правят, в каком положении компартии, кто где в основных странах президент-премьер, – и, разумеется, по комсомола уставу: всё это у меня «от зубов отскакивало»): – консультировал не только шестые, но и седьмые, и восьмые классы; все страшно перед бюро райкома волновались, – один я спокойным пребывал; на бюро уверенно на все вопросы ответил, и чуть не был принят, – но кто-то спросил: – Юра, а в каком месяце ты родился? – Пришлось признаться – в октябре, – не приняли за недостаточей аж шести месяцев!.. Не описать словами мое отчаянье! В политике ведь разбирался лучше многих – всех! – принятых «чайников»... Не приняли в организацию Николая Островского, Аркадия Гайдара, Олега Кошевого – многих, многих прославляемых... Тогда ведь в кино, на радио только патриотические темы звучали... Месяц ведь только назад умер Сталин! (Хотя мне уже год или два уже не нравилось, вызывало досаду, – вся первая страница выписываемого в дом «Красного знамени», – *коей газеты почти через сорок лет стану «колумнистом» -автором*, – стандартными поздравленьями вождю занята; – то не могло еще быть политической антипатией, – а больше генетическое стремление к плотности информации... около тогда, в шестом классе, когда еще был жив последний год Сталин – или, скорее, уже в седьмом, первый год после его смерти, – я с отцом, сильно сердитым на Сталина, спорил яростно: мать еще ему кричала перестать, опасаясь, как бы я на родителя не донес, как известный Павлик... но я уже тогда отделял деяния от высказываний, да и отца в любом разе не предал бы; ...прошедшие полвека показали – подросток я был больше отца прав... ... Кто бы знал, как был удручен я тем в приеме в комсомол отказом... С горя набил карманы спичек коробками, и, серку в дуло «поджиги» соскребая, до темноты палил в овраге, – целясь в сердцах в пустые консервные банки: кусочками свинца их дырявил, великую свою досаду на тех банках вымещая...

...В горячее для меня, того же 53-го – боевое лето двухгорбовско-окаатовской шпане противостояния – не знал: в августе утверждён комсомольцем «автоматом» (всё еще за два месяца до положенных 14-ти), – только в январе 54-го в райком позвали комсбилет получать, – а до этого я на комсобрания класса рвался, – но пятерка переростков не пускали; до седьмого лидером класса был переросток (года на три), – стало быть, уже почти взрослый, Левченко Павел, – но как я в декабре (в 6-м классе) вдруг разом всю геометрию *понял* и стал задачки «щелкать» буквально, – а Павлик и к точным наукам был туповат, и к гуманитарным, – но был весьма аккуратен, отличным почерком обладал, засматривал учительницам в глаза своими светлоглубыми глазами: – хотя лицом был узковат, и постоянный на щеках румянец, – личиком был приятен, строен, ростом по возрасту нормален... Так вот, этот Павлик, умом особым от природы не обладая, стал к моим успехам в учебе ревновать, – и к холодам подговорил тоже переростка-амбала (года на два меня старше), с «камчатки» (с задних то есть парт), – и еще не успел прозвенеть звонок с урока последнего (а мы во вторую смену занимались), как погас свет внезапно, – и сразу мне по затылку тяжелый удар! Меня не то что спасла, – но избавила от потери сознания только моментальная реакция (и потом много раз спасала): успел пригнуть голову к парте; следом легкий хлопок по плечу, – Володя Кочетков тут свет включил, – и вижу в дверях широкий зад верзилы Максима (Максименко), следом долговязый Гена Тарасенко (этот вроде бы приятелем считался, и я у него бывал – как младший (ему тоже уже 16), – чаще; Кочеток кричит: – Это Левченко их подговорил! Я видел! ... – видел переговоры Павлика с Максимом-амбалом, и слабовольным Тарасом, – видел, но о чем говорили, не слышал, – а то бы меня, понятно, предупредил; Максим, как изрядный тупарь, меня

недолюбливал, ясно, но долговязому, бельмоглазому Генке Тарасу я ведь постоянно помогал задачки решать, – вернее, постоянно списывал у меня и другим давал списать... Так я стал одновременно *объектом приложения* и подлости – и благородства! Со стороны Гены Тарасенко – некоторое по слабовольности подличанье (Левченко Павлик – настоящий из зависти подлец) ... А Витя, кажется, не Володя, Кочетков, маленький, младше меня почти на год, сынок полковника, – не только не обладал завистью (в шестом классе он преуспевал по алгебре – я ею тогда скучал, в седьмом и она стала для меня пустяк, – оттеснил его с первого места и по этому предмету), – но и проявил внимательность к ситуации в классе, разглядел против меня низкий заговор, – и разоблачил его сразу бесстрашно (он был ведь очень маленький по сравнению с теми тремя уже дядьями); на следующий день, как собралась перед входом в школу вся вторая смена, я подступил к Левченко – ему 17, – а мне только 14 два месяца назад, – сделал рукой со сжатым кулаком выпад, будто собираюсь ударить, – он побледнел, уклонился ... струсил, как я и предвидел: хотя внешне вполне на парня походил, – он, что называется, «баба» был: с двумя такими же переростками-девицами на почве обмена сплетнями дружил, секретничал, хихикал... .. Та передряга с подзатыльником мне моральных терзаний вовсе не причинила, – напротив, я доволен был: познание людей значительно расширил, – и хотя не хотел, но именно здесь место упомянуть о моральном страдании, первом во времени, что я собою причинил другого пола представительнице... ниже описано...

...В восьмого же класса самом начале, в сентябре 54-го, от всех буквально тогда в тайне, – проявилось ярко-контрастно (уникально! вряд ли еще с кем-где-либо-когда!) мое врожденное «нелюбоначалие»: – противостоянием с директором-«бюрократором». ... По его же предложению я был избран секретарем комитета комсомола школы, он попросил меня после распределения обязанностей членов комитета «по секторам» зайти к нему на беседу; я подошел через полчаса к его кабинету... и, в ожидании приглашения зайти, – два часа голодный просидел битых; директор, меня не заметив, прошел мимо меня раз несколько, – так и ушел домой в гнев, сочиняя против директора «филиппики»; и после казуса этого я общался с директором несколько месяцев записками через секретаршу-машинистку исключительно! Отстранил директора восьмиклассник от всей работы в школе политической! ... А через год еще лишь тридцатилетний директор, но уже обрюзглый, толстеющий, – на своей выпускнице женился (наверное, в тот злополучный день предвкушал свидание с своей десятиклассницей, – а о секретаре комитета комсомола, восьмикласснике, – сам же и предлагал избрать – позабыл начисто!) ... – И его за этот, недопустимый по тем временам мезальянс (вернее бы – *рецидив первобытных запрещений меж поколеньями браков*) – бюро райкома партии со «строгачем» сняло с директорства сладострастника, – и пришлось ему на селе директорствовать; правда, там – пошел ему таки мой урок впрок! – отличался как раз организацией в школе общественности, раза два встречались потом ему похвалы в краевой газете... (В конце сентября 55-го Бутовец, дела уже передав директрисе Бевз, выходя последний раз из кабинета директора, – меня в конце пустого коридора второго этажа (шли занятия) заприметил, с расчувствованным лицом пошел мне навстречу, – руку мне крепко на прощанье пожал, с чувством сказал: «Юрий! Как начали – продолжайте!»... Ну, и получается так: как начал – так и продолжаю)

...

Затем в 56-м размолвка «малая» с приятелем, меня в двухмесячный поход **завзавшим**, – из-за защиты руководителя похода Ляшка: – тому 56, нам по 16: «зажимал» по мнению, понятно, постоянно голодных в тяжелом походе ребят сахар, чай всё казался не сладким; – я положение с нашими финансами наравне с Ляшком знал (сам и помогал деньжата в четырех местах «вышибать»), – и вообще уважал партизана в младости, – с молодняком, нами, в 56 своих таскавшегося (дневник того похода давно обработан, шесть уже лет ждет публикации); Юра Засорин, физорг школы (ф.11, справа, слева я; ф.12, в центре) – присоединился

к ворчуну Ереме в травле Ляшка, – чего не простил ему я... и 20 лет спустя (ф.13, я сижу слева, Ефрем Гавр. Ляшок – справа), не поговорил даже на вечере встречи одноклассников; он – уже каперанг, командир подлодки Боевой Части; давно – что не подошел – покаялся... – **Юра, встрече с тобой буду очень, очень, очень рад! Прости меня...**

Далее... в того же 56-го конце и 57-го начале аж два весьма передражистых противостоянья: с отцом сначала... Отец-бедняга, сильно страдавший в начале каждого из моих младших классов моими тройками – из-за врожденного нелюбоначалия (потом училки мои способности распознавали – в конце года каждого неизменно лист похвальный и книга с надписью в награду), – уже гордился моими успехами в старших классах, хвастал: меня «тянули на медаль», – но я, дурак, объявил в ноябре, что «в институт» не буду сразу поступать, – а пойду в работяги!.. Здесь долго, сложно почему – объяснять – там и сям дальше, – в подробностях в школьного моего дневника издании... «Ты убил отца!», упрекала в слезах мать... Но как я мог кому-либо тогда сказать – слишком экзотика: *решил я стать писателем...* ...А в 57-м, в конце января, я «отвечал» на бюро райкома комсомола за в школе развал (а был энтузиазм при мне, комитета комсомола школы секретаре в 8-9-м классах: – еще я членом райкома комсомола оставался в десятом классе, но согласился избраться лишь на номинального замсекретаря), – и правду об учителях сказал, двух-трех учительниц назвал самых отсталых... До сих пор мне не понять: или от наивной, еще глупой правдивости – или, напротив, – от слишком острого уже тогда ума (ибо – по того бюро уникальному результату!) – урок в психологии людства немедленно получил уникальнейший! ...Против меня – без промедления единого дня – ополчилось почти всё школьное учительство солидарно, – и в прозе и в стихах подробно описал не раз... И не то, чтобы был такой уже конфликтный я, есть объективное доказательство: секретарствуя в 8-м классе, дабы справиться с четвертьтысячной комсомольской организацией в 19-ти классах, поначалу немало выговоров на комитете за недисциплинированность понараздавал, двух десятиклассников (его – за пьянку, выпивши на вечер пришел слегка, другая еврейской обозвала единственную в школе девочку, внешности типично семитической), – из комсомола исключил даже (хотя и на самом излете, последние года полтора, – оставались еще суровыми времена) ... В начале 9-го класса, **в сентябре 55-го**, отчитавшись на отчетно-выборном собрании, я снова был выдвинут в комитет, – и после подсчета итогов тайного голосования с удивлением узнал: – из девяти предложенных – всех меньше голосов против меня – всего три – при голосовании тайном, – а против восьми других – от пяти до десяти (в дневнике 56 лет назад почти записано, так бы, за «баснословной» давностью прошедших лет, – а тогда не придавал никакого значения, – забыл бы непременно); а исключенные из комсомола несчастные десятиклассники подходили на улице уже лет их в 25, и он и она, – в разное время и порознь уже взрослые, докладывали: мало того, что вступили в комсомол снова, – но даже активистами стали... знать пошел им тот урок мой впрок...

Следующая передрага, постигшая меня неожиданно-негаданно, – *самая черная родины неблагодарность честно отслужившему солдату*, – причем последние два года сержантом за мизерную оплату, на должности офицерской, вплоть до капитана... Та передрага – самая тяжкая – и единственная непрощаемая, – поелику нанесена не только «учеными мужами», – но юристами даже: доцентом, деканом ДВГУ ист-юрфака Елисейкиным и замректора Овчинниковым, профессором... В августе 65-го по вызову из армии я вступительные экзамены в конкурсе 14 человек на место, *вторым* сдал (все на отлично, – но абитуриент один, тоже сдавший на отлично, был золотой медалист, – а как у меня, достойным гораздо более других, получивших, – с медалью этой пакостной получилось – намекнул вкратце чуть выше... далее и подробнее описано, – и уже с полными необходимыми подробностями – в дневниковых записях, если до их публикации дойдёт) ... И вот за неделю до зачисления секретарша факультета, с медузообразным ликом, лет тридцати, этакая мегера властолюбивая, к тому же, видимо, с ненавистью к парням симпатичным... собрала нас пятеро, три девушки, два парня, – лучше всех экза-

мены сдавших и заведомо зачисляемых, – и предложила поработать неделю на инвентаризации книг в библиотеке университета... В другое бы время я с большим желанием в книги зарылся – это же занятие, всю жизнь любимое, с радостью понятной пообщался бы – после трехлетнего-то «поста» в армии (хотя год средний, в политотделе, мог бы у дам ночевать хоть каждую ночь), – с удовольствием огромным пообщался бы с молодыми библиотекарями и девочками на подхвате, абитуриентками... Но именно тогда был так умотан последним службы годом – сбагрили таки меня начполитотдела полковник Пупышев и его зам – пп Рябов в Анивский мотострелковый полк комсоргом батальона, – тоже на должность капитанскую, – но спать в казарме, хотя, конечно, без строя после подъема, – и сиди себе в штабе хоть всю ночь, и, когда хочешь, – можешь идти без увольнительной в город; у меня-то в батальоне все было в норме (разве недолюбливал комбат Кучерук – солдафонская косточка; в приятельстве был со всем остальным офицерем, – а с капитаном Гырдымовым, замполитом батальона, – даже в доверительных отношениях – душевный был человек, – каких на гражданке в начальстве редко встретишь, – хотя и простецкий, – главное, моему уму (а по случайно подслушанному отзыву обо мне майора Соколова, замполита моего «родного» зенитного в Южном Соколе дивизиона, даже «мудрости»), будучи сам очень и очень неглуп – ни капельки не завидовал) ... (Здесь, ввиду редкости и важности такого, как *мудрость*, явления надлежит от моральных терзаний темы несколько отвлечься, вставить, так сказать, новеллу (но ничего не выдуманно в ней) ... Как это я в 24 узнал, что «мудрец», – и что из сего воспоследовало... В своем месте описал, в политотделе держался чем: задачки по «высшей математике» капитану Толмачеву, своему непосредственному начальнику, заму по комсомолу политотдела начальника, решал; по всему Сахалину Южному разбросанные части дивизии по комсомолу «окормлял», сведения собирал, нужные для ежеквартальной в округ, в Хабаровск, справки (это самое в работе главное!); а мой напарник, который, мне к благу, вскоре почти перестал в нашей комнате за каптерками в комендантской роте (там был даже отдельный от казармы вход, – тишина полная) ночевать вовсе (нашлась матрона), – трудно сказать, чем он на службе занимался, помню только, что подполковнику Рябову, замполитотдела начальника, обустроивал квартиру или дачу; он-то вскоре и стал на меня этому Рябову, сильно смугловатому, как Брежнев бровястому (и психически сходного склада... *только подлее гораздо*) «капать» (насколько мой напарник ненавидит меня, он невольно выдал спонтанно – как-то при Толмачеве и еще офицере каком-то, при мне высказался обо мне: «Ну кому такая улыбка может понравиться!» (бабам он, блондинчик узколиций, «симпотности» банальной, близкой к ним животностью нравился (пол прекрасный, прости: любил и люблю только вас), – но завидовал страшно моей «хемингуэевской» небанальности лица (есть фотографии юношеские Хэма и меня – как близнецы мы!, – и особенно в зрелости Хемингуэя фотографию в газете черно-бедую – неизменно за мою принимали, у кого для интересу спрашивал – «ты», всегда отвечали... – «Нет», разочаровывал я – «Хемингуэй это, не я»; но более всего, как все завистники, с моим превосходством умственным этот блондинчик не мог смириться, – как и пп Рябов, брюнетистый сильно (да и сам, пожалуй, начполитотдела полковник Пупышев, флегматичный еще фронтовик, лицом похожий на Горького удивительно) ... **Что совершенно неисправимо – так это к уму, то есть к развитию, – завистливость**... Рябов, как «злодеи» все, был хороший «псих`арь», он, несомненно, и стал через полгода моего в политотделе обретания Пупышеву «капать», дабы сбагрить вниз лицемерно «на комсомольских кадров *усиление*» меня: – назад комсоргом в «родной» зенитный дивизион ... Полковник Пупышев к рации меня подвел, спросил при мне майора Соколова, замполита зенитного дивизиона, не забыли ли еще Бевзюка такого, – «Как такого забыть, за мудрость чтим»... Так я в **23** прямо услышал, что мудёр таки... И вот Пупышев, в конце января 64-го, на своем «козле» в Южный Сокол на комсобрание зенитного дивизиона меня повёз... Это была для меня целая катастрофа! Опять меня тыкали «в собственную блевотину», в 16 лет еще обрыдла коя, – на низовую комсомольскую работку, в пределах тесного воен-

ного городка, – тогда как от политотдела общался преимущественно с офицерами, меж коими нередки были люди развитые (побольше даже, чем на гражданке), – и передвижения мои были свободны по всей южной половине Сахалинского острова; и библиотек между командировками лишился, особенно ДОСа, где было немало «крамольных» книг издания годов 20-х – из библиоколлектора в Хабаровске, куда стягивались библиотеки гарнизонов дальневосточных самых отдалённых, сокращенных Хрущёвым: – куда не добиралась чисток книг в 30-х ухватистая цензорская рука, и были книги даже философов-идеалистов, и даже Грегора Менделя, запрещенного у нас в 40-50-х «отца генетики», – я книжицу о скрещиванья гороха его с немалой пользой для себя прочел, – и это мне помогло потом здраво оценивать не только генетику, – но и идеологию, – и вообще *хитросплетения общества...* (*Грегора Менделя книжица маленькая, в невзрачной обложке мягкой, – дала мне много больше, чем все десять толстенных томов сочинений Дарвина в зеленой толстой обложке: – самой методикой анализа фактов простейших, – самую суть явлений вскрывавшей сложную...* ... Но та первая попытка начальства меня сбавить сорвалась бесславно... благодаря талантливой агитации против моего комсоргом избрания перед собранием... еврейчика-салаги, – и певца и чтеца и на всех дуд'ах играца: он с присланным уже после меня младшим лейтенантом Кондратенко, тоже брюнетом, телосложением субтильным, тонким, хорошим танцором... недурственную художественность в части сбавали, привлекая окрестный «пол прекрасный» (офицерские жёнки, *офшарки*); и без моей «мудрености» у Кондратенки неплохо в охотку потом пошла и комсомольская колгота... .. Таки пришлось пол. Пупышеву вести меня назад... Это следует считать моим **третьим** счастьем (первое – родиться в конце года 39-го, второе – комсомольским «богом» в школе избрание) Зная, что меня при первом удобном случае в низа всенепременно сбавят, я в последующие полгода со всей своей силой на самообразование навалился, обе областные библиотеки прошерстил – и всех частей Южного Сахалина, по комсомолу мною «окормляемых» (именно из них в одной, в Корсаковском полку, запомнил из огромного фолианта 20-х годов издания окончание бессмертного сонета Данте: *«Залит проклятым ядом целый свет, молчит, объятый страхом люд смиренный, – но ты, любви огонь, небесный свет, вели восстать невинно убиенным, **подъеми правду, без которой нет, и быть не может мира во Вселенной**»* ... Окончанье этого сонета стало мне повелением на всю жизнь дальнейшую. ... Значительно позднее, уже в конце 90-х купил в букинике объемистую книжку «Западноевропейский средневековый сонет»; оказывается, сонет этот – на убийство его единомышленницы политической, итальянской графини, – агентами римского папы и императора Священной Римской (германской) империи, – начинается не менее сильно: «Недолго мне слезами разражаться теперь, когда на сердце новый гнет... Но ты, господь, не дай слезам пролиться, – пускай твоя суровая десница убийцу справедливости найдет... что яд кровавого тирана пьет (всемогущий тогда римский папа! – Ю.Б.), который, палача приграв (германского императора – Ю.Б.), стремится залить...» – и далее, как я в Корсакове в 63-м – выше – прочитал... Наши составители фолианта только отсекали «феодалное» перед «залить» начало, убрали в этом глаголе мягкий знак, переведя из неопределенной формы в совершенный вид, «убиенной» заменили «убиенными»... Под ними я тогда понимал, конечно, репрессированных (составители фолианта в начале 30-х – жертв расстрела 9 января года 1905-го и бесчисленных войны Гражданской со стороны «красной»), – но после ноября 91-го – всех надо отнести жертв страшного 20-го века, в том числе и репрессированных, – но многих из них, теперь считаю – за дело... – *Все мы виноваты уж рождением и жизнью затем «во грехе», то есть в мерзостности: – слабости стремления к **взвышнию** над собственной животностью – причиной основной катаклизмов в обществе...* ... В те полгода, важные для моего развития: – раз уж люди признали меня «мудрым» в 23, – так надо стараться помудреть и на самом деле, – я «высосал» все стоящее из всех доступных библиотек, просеял «частым ситом» мировую поэзию, заучивая самое существенное (повторяя потом ночами в памяти, невольно подыскивал забытые слова в рифму, – почему

и «рифмоплетство» так легко далось... уже после 65-ти... чему и сам не перестаю удивляться) ... [Не только невольно учился банально подыскивать слова в рифму, – но и – гораздо важнее! – *важнейшие мысли вооружать рифмой* – лето 2013] ... Ну и в августе 64-го, в ожидании автобуса возле фонтана обезвоженного у танкового полка ворот в Хомутово – посетила меня важнейшая мысль: – *у нас под словеса марксистские самый настоящий паразитический класс образовался, вреднее даже и дворянства*, – те еще как-то традицией оправдываемы, – а эти подлейше-глупейшие «рецидивисты»... ..И только год назад (от 1964, как этой мыслью осенился я) – узнал я лет через 30 – «допер» до этой же мысли Джилас; учитывая, что ему уже было около 50-ти, – и опыт имел – в самой верхушке страны – войны, и государственного новостроительства, – а мне лет меньше было вполтину, – то объективно надо считать изрядным достижением ментальным...

...Таки в августе 64-го меня из Южно-Сахалинска выперли, – в Анивский полк комсоргом первого **мотострелкового** батальона сбагрили-упекли (см. полтора страницами выше) ... – ...Итак, моему уму ни в малейшей степени к-н Гырдымов не завидывал, хорошо видел, как мне тягостно в таком окружении **примитивном**, сочувствовал, – как мог облегчал мою участь: редкий, единственный даже человек с такой веселой, легкой душевностью... Зато изрядно потрепал нервы мой начальник непосредственный, комсорг полка ст. л-т Мошинец. ...Нет, совсем меня не преследовал, ничего и не требовал, имел даже, как к бывшему политотдельскому начальнику (хотя и сержанту) некоторый пиетет: раздражала сама его бестолковость на заседаниях полкового комсомола комитета и необходимость все-таки как-то подчиняться такому слабаку... Правду сказать, у меня на истощении вообще были нервы... Да тут еще животец заболел, не сильно, но длительно, – избавился экстрактом брусники (видимо, проявление цынги: хотя овощи в рационе солдатской столовой были, – а другие вроде бы не имели таковых признаков, – но я ведь ни с кем своими недомоганьями не делился)За тот я год, дабы гарантированно в ДВГУ на историю поступить, – университетски филологию изучил: в городской библиотеке анивской оказался полный подбор всех русских 19-го – начала 20-го века филологов знаменитых; девушка библиотекаря, довольно милая, хорошая и красивая (южносахалинского ДОСа коллеги постарше, лет 35-ти) – в меня явно влюбилась аналогично; – но спал тогда в сутки всего часа 3–4, – а, главное, они, хотя милые и симпатичные, обе довольно полноваты были... не в моем «вкусе» (был в этом довольно-таки привередлив); может быть, и была какая-то польза от филологии (вряд ли – на нее налегал, дабы экзамен по русскому устному гарантированно сдать), но урываемые от сна часы и напряжение от «лицемерного» непосредственного с людьми общения, мне неинтересными, при моей природной к людям избирательности («лимит» общения по необходимости «со всеми» я исчерпал еще в 15–19 лет), – подвели меня к пределу выносливости нервной системы, – и дабы подкрепить ее – настойку на семенах лимонника купил, – в результате пришлось еще сдерживать сильную раздражительность возникшую (*тогда я ощутил: не допинги мне нужны, – напротив, успокоительное*)...

...Армия в последнюю неделю буквально в ней пребыванья изрядную тяжесть взвалила на меня, – зато дала мне всего за четыре ночи и дня и в людоеденье и в юристике-криминалистике понятие неслабое... ..В отдаленной ракетной части, в глухих сахалинских горных лесах, пятерка «дедов» наглых вконец истерроризировала молодых солдат: год почти терпели те чрезвычайные издевательства, – пока одного не избили до реанимации ... В госпитале армейские юристы серьезное уголовное дело размотали... Общественный обвинитель из срочников был надобен – а кто же в дивизии, кроме меня?! – посему судебный процесс решили провести в полку Анивском... Ночами дело... помнится... пятитомное изучал, вникал, на процессе сидел три дня, речь обвинительно-оправдательную составил, первым ее зачитал (затем уж обвинитель государственный, полковник военной юстиции... потом мою речь похвалил,

«вот только вы, по-моему, слишком в психологию зарылись» – «надо же мне и для себя что-то извлечь было» ... крепко друг другу пожав руки, мы простились)...

На судебном процессе том над «дедами» в начале августа 65-го выступив – назавтра в Южносахалинск – самолетом во Владик; – через два дня поездки длинные с Чуркина до Горпарка на экзамены... все на «отлично» сдал... Назавтра опять нас пять, кто заведомо поступает (конкурс был 15 на одно место «на парте», однако), вызывает секретарша деканата, предлагает... с недельку поработать в университетской библиотеке на книжной инвентаризации – вместо месяца в колхозе в сентябре... «Козла в огород» буквально запускает! И книги, и девочки – умненькие абитуриенточки, и библиотечные нестарые, как правило, дамы!.. Но так был умотан страшно последним годом в армии, особенно самыми последними месяцами, – и сверх всего самая последняя армейская «клад», страшно меня умотавшая, – общественный обвинитель в процессе над «дедами»: и недосып, мало не недельный процесс, и увлечение юристикой, не ко времени дурацкое, – и, главное, страшный расход эмоциональный... Только одному побыть в лесу, на берегу таежной речки с недельку – как можно подальше от людей! ... – и тон еще секретарши-мегеры (лет 30-ти, еще не старой, – могли бы покрасивше подобрать... очевидно родственность, непотизм пакостный, – уже при одном виде подсознательно раздражаюсь): – узнаю, режет слух, – *тон паскудный командный*... середины 50-х, десятилетие назад... отвык от такого даже в армии ...Ничего не объясняя – а что поймет такая ... – просто от выгодного предложения – поработать недельку в библиотеке – отказываюсь... При зачислении на ректорате – зам ректора, декан нашего истюрфака профессор Овчинников за председателя восседает... Вхожу, читают ...все отлично сдал... зачисляюсь... повышенная стипендия назначается... уже к двери назад направляюсь... но вижу косо-задним (охотника) взглядом... кто-то невзрачный руку тянет ...Елисейкин, замдекана (потом узнал), юрнаук кандидат, навек фамилию своего «зоила» запомнил... в библиотеке поработать отказался, деканат истправфака лишит на первый семестр стипендии предлагает... лишают!.. Я в форме тогдашней солдатской несуразной, с нашивками сержантскими... Ветерана армии – не довелось воевать, – но нервы потрепались славно! – из-за жалобы некрасивой властолюбивой дамы, с комплексом к смазливим парням (хотя худющ был тогда, но проступало) повышенной стипендии (56 рублей) лишают, почти 26-тилетнего ветерана армии на четыре месяца на шею отца сажают!...

Но पुще разочарование ждало меня – через месяц колхоза – дальше... Дальневосточный «храм наук» по гуманитарной части оказался прибежищем самой гнуснейшей «марксоленинской» схоластики! ...Был в подспудной, растянувшейся на два семестра, ярости я: на семинарах спуску преподам отсталым не давал, все «отлично» всё же не могли не ставить; еле конца года дождался, на заочный перейдя (на туркружках при крайоно по старому знакомству потом, по окт.68-го, перебивался) ... Основной корпус преподавателей, по курсу первому меня знавших, которых изрядно постановкой «точек над і» на лекциях вопросами и заключеньями тем на семинарах напугал я, – «со свистом» меня, только «отлично» в зачетку ставя, пропускали... два, осмелившиеся было по незнанию меня мне возражать... сразу кочевряжились «пятак» мне ставить – через два-три дня в таковой своей наглости раскаялись... и пятаки положенные все же поставили... подробности ниже читайте, а *со всеми подробностями трагикомическими занятными – в моих воспоминаньях* ... Да, политэконом-ровесник, вступивший со мной в прения, – вынудил (спаси«бо»), под утро 14 марта 67-го года, после трех дней-ночей листанья бородатого классика с пристрастием, карандашом на форзаце третьего тома «Капитала» Маркса историю капитализма набросать вкратце, – и вывод-приговор в конце дать, главное, – [который ... лишь три года назад – 41год спустя! – только-то начал исполняться: **«Полное развитие мирового рынка – несовместимо с капитализмом»** (а я был тогда сторонник рынка у нас, – да и сейчас не отрицаю, – только полагаю: по продовольствию он не «катит», – и надо его мало-помалу утеснять ... (И вообще: с усилением техники слабеют деньги – результат уси-

лий частных, – а техника есть порождение хотя и передовой – лишь по части умелости! – части человечества, – но для всех! Техника – общественное! С усилением замещения живого труда техникой – ослабляется стимулирующая, – но усиливается соответственно – и по экспоненте! – развращающая – сила денег ... Это ставит под угрозу само дальнейшее развитие человечества! *Умение уже пятьсот лет довлеет над разумением, – крен особенно опасный последние полтора столетия... Требуется этого опаснейшего крена срочное выправление – 2013-го лето*

(Вот прихотливо так вывелось от передраг прошлых индивидуальных – собственно, тем лишением гнуснейшим повышенной стипендии ветерана армии меня, в университете, – они, по-настоящему, в 65-м, – и кончаются (в 82-м *трагипередрага* из тайги меня комуняками вышибания, – хотя и была весьма эмоционально затратной, – и хотя никак не мог еще знать – к какому великому – и для себя и для всех (книги не могло бы быть этой!) то вышибание меня из тайги было к благу, – ... и года два уже понимал – из тайги пора выбираться... И так, прихотливо так, – линия вывелась логическая: от невзгод всяких прошлых личных – к будущим всеобщим, – чрезвычайно приблизившимся... да и уже начал'ись... *Никогда не было видимости благополучия еще более мнимой! Тормоза отпустил капитализм – скоро уже пятилетней валют безудержной эмиссией! Уже неостановимо несется к полной своей гибели! Лето 2013]*

...Наугад из пакета привезенных братом газет вырванных «Арсеньевских вестях», в номере 30-м за 27 июля – 2 августа, – действительно, *на ловца и зверь бежит:*

Из дневника на форуме соцработников: «8 декабря 2010 ... Недавно мой старший сын сказал: «Мама, ты неправильно живешь. Сейчас живут знаешь как? **Подвинь ближнего, насри на нижнего!**» (!!!)

О ТОМ, КАК ГРОЗНОЕ КОММУНИСТ ПРЕВРАТИЛОСЬ в КОМУНЯКА ПРЕЗРИТЕЛЬНОЕ «Коммуна» (от communis, общее, всеобщее латинского), слово французское, – то же, что «община» – русское... Означало просто общину городскую. ... 14 июля года 1789-го из искры, высеченной Коммуной Парижа, – возгорелась **Великая Французская революция**, – возжегшая всеевропейский пожар, целых 16 лет полыхавший (*излишек, стало быть, значительный людства в Европе народился – и не могли уж мирно разместиться*) ... В итоге монархию во Франции в 1813-15-м реставрировали, – но в феврале 1848-го великой революции неистребимые традиции монархию окончательно выжгли Буржуазия воцарилась, верхушка города над селом над всей страной...

Вдохновленные провозглашением во Франции Второй республики Маркс, немецкий юрист-еврей, сын крупного юриста, – и журналист, и Энгельс, немец, сын крупного фабриканта и сам фабрикант, опубликовали «Манифест Коммунистической Партии», *гениальный по краткости и полноте содержания, строго реалистичной истории интерпретации; исполнение главной идеи этого манифеста – необходимость диктатуры пролетариата всемирной, – еще грядет, – к сему на наших глазах ускоренно толкают явления и события...* Но в самой Германии возобладали после 1848-го года идеи социал-демократические, кои есть **вынуждаемый международными противостояниями** компромисс с буржуазией...

Весной 1871-го, после поражения в войне с немцами, Коммуна Парижа снова взметнула флаг справедливости Со всей Европы люди лучшие вокруг этого знамени в руководство Парижской Коммуны собрались; но Дело Коммуны безнадежно было по двум основным причинам: первая – к врагам **неуместное** милосердие этих лучших из людей (уроки должны извлекли революционеры российские и тоже примкнувшие к ним отовсюду люди лучшие); вторая – немецкая оккупация (неминуемое вмешательство – и в случае победы **коммунаров** над версальцами), вторая...

Знамя Коммуны упавшее было подхвачено Декабрьским 1905-го московским восстанием, гром орудий громадных осадных, Красную Пресню громивших, **народные** массы в Азии разбудил, – и вкуче с другими подобными событиями в России *репетицией* революции пролетарско-селянской в 1917-м послужил величайшей, – которая явилась на $\frac{3}{4}$ (как это измеришь – приблизительно) средством противодействия грядущей агрессии немецкой *неизбежной*, – и на $\frac{1}{4}$ гигантской репетицией грядущей пролетарской революции всемирной (скорее всего, надеемся, после всех 20 века великих кровопролитий, – уже *практически почти мирной!*)...

Великие, надеемся, еще повторимые* поколения российских революционеров, ход мировой истории повернувшие, наконец, к добру, с начала века судного 20-го взявшие имя социал-демократии, вскоре себя большевиками объявили, конформистов меньшевиков из себя выдавив, – а после Октябрьской своей победы в 1917-м переобъявили себя коммунистами, взяв «большевиков» в скобквив названии партии... Вот тогда-то эта бэ малая в скобках – ВКП (б) – синонимом слова «коммунист» грозным стала!... Рыцарство славное коммунистов всех своих противников в битвах великих посокрушило, – но победами самими, – как все в истории рыцарства, – неизбежно разложилось... в комунок презренных их последыши превратились... Но **ничто не может загубить самую БЕССМЕРТНУЮ идею справедливости – она возрождается, очищаясь от житейского «дрязга» неизбежного, – она необходимо обретет свое новое рыцарство**.** ... В этом мой на будущее людства оптимизм **единственно**...

*Из обращения ЦК ВКП (б) в 1936-м г. на смерть **Валериана Куйбышева**, принадлежавшего «... к тому великому, *неповторимому* поколению российских революционеров, которое повернуло ось мировой истории...» (прочитал. в 82-м в вестибюле ДВПИ им. Валерьяна Куйбышева... но только теперь... по прошествии еще более 30-и лет... все наши надежды все-таки на повторение в новых условиях, уже без тогдашних жестокостей неизбежных, – на *довержение тех спасительных дел*, – и, стало быть, – и на *народждение* подобных твердокаменных деятелей) ...

**Отсюда следует: *рыцарство с житейским дрязгом* (Гоголь) – *несовместимо*

ПОЭТЕССЫ После Сафо в античности не слышно поэтесс приличных более двух с половиной тысяч лет; в 18-м веке начала и первого цвета русской поэзии тоже поэтесс (неприлично женщину называть «поэтом»); в 19-м только Каролину Павлову лишь знаю; в начале 19-го Цветаева, Ахматова и Гиппиус Зинаида, – у всех ностальгия по дворянству отжившему генетическая («барин-красавец снился мне всю ночь», непонимание необходимых исторических сдвигов (сокрушавших феодализм) ... В 30-х, в послереволюционном всплеске советской уже поэзии тоже не слышно женщин... В годы военные голос Ольги Берголиц в блокадные Ленинграда годы... Римма Казакова (собою к старости покончила) ... В годы застоя Ахмадулина, Новелла Матвеева, Наталья Иванова, – что-то стоящее у них не припомню... В годы застоя и двадцатилетие после в журналах поэтесс от поэтов, как и всегда, больше, – но здесь **явно редакторов половая корысть**... Многие девочки во все веки балуются поэзией, но мало из них поэтесс, – и, вполне естественно, – даже и вовсе нет поэтов... Поэзия – не нежное дело женское, это суровое мужское дело, – и если ты действительно поэт – то и *грозное*, никак не совместное с слабостями природными ... «Слабый» **ведь пол** — естественной *консервативности** **ЗАЛОГ**... Его привлекательность – действительно *страшно (корыстная)* сила, – **со справедливостью, как всякая корысть, – никак не совместимая (но движет биологическим, животным, то бишь, – развитием) ... – Но истинного поэта сила – как раз в справедливости... (с половым – более, чем с чем-либо другим не совместимо)**

... _____

*Отсюда очевидный вывод: **консерватизм со справедливостью – не совместим**, – в нем больше, чем человечности (женская осторожность) – животности... **Людство же – огромный рой, скрепленный не вещественным, – духовным...** *Духовное – не биологически информационное, как то приказы от системы наследственности – и системы обществом управления, – духовное – выбор каждого между добром и злом!.. Между мракобесием всех видов (в том числе и религии) – и просвещением; между животностью – и человечностью; между консервацией (бездвижением-регрессом, как то сейчас у нас есть!) – и движением – прогрессом...*

10 июля 2011 **В смартфоне рыская вчера мобильным интернетом, запросил Арманд Инессу**, – а выдал гугол резво всех трех валькирий нашей революции, наиболее известных, – и фотографии и тексты... Арманд Инесса, Лариса Рейснер – обе красоты бессмертной, способности отменные; Коллонтай Александра – красоты поменее, – зато и пережила их существенно, талантов от товарок не меньше: в войну помогала, в ампула посла в Швеции, удерживать страну эту от сближения с немцами... .. Арманд Инесса помогала Ленину существенно сколачивать партию, как эффективный инструмент завоевания власти трудящимся (и эта партия потом людство спасла!), – и между делом (есть подозрения) – утешала еще вождя (неизбалованного этим) прелестями своими женскими... Лариса Рейснер – прототип комиссара-женщины в «Оптимистической трагедии», – самая из всех троих воительница известная: в 18-19-м, в самую критическую Гражданской войны годину, комиссаром Волжской военной флотилии служила, – а после с Федором Раскольниковым, командующим той важной тогда флотилии, дружественный договор с Афганистаном заключила, – о всем этом – и не только! – успела выпустить несколько книг, – прежде чем погибнуть в 26-м от тифа лишь слегка за тридцать... Дожила всего до пятидесяти Арманд Инесса прежде чем умереть в 20-м от холеры, – чем, считали некоторые, приблизила существенно и смерть самого Ленина...

Такая главная п`агуба интернета: для молодежи прошлого как бы и нет!.. Ее отсекает от культуры хитрая виртуальность эта ... Что-то из с`ети истребовать, надо знать еще что, когда и где, – а все время и энергия заняты преследованьем оборзевшей техники интернета... ..Но это – временно...

12 июля **Старик не нужен никому в натуре:** для размножения он втуне, – и содержать его обуза; напоминание – таким сам будешь... **Когда-то в спросе была мудрость – но пожрал`а ее «наука»:** могли б спросить чего-то внуки, – но интернет теперь повсюду: чего захочется спрошу... Полегче все-таки старухе: смотреть хотя бы ей за внуками... .. **И все ж сильней науки мудрость! Да только мудрость-то ведь – уник...**

...Этим летом – **пятидесятилетие явления Валентина мне** большеголовым, сероглазым блондином рыжеватым – на пляжике бухты Анны, что ниже Змеинки, – свели туристы заводика в бухте Малый Улисс, где я с осени 59-го мало не два года мыкался, – пока Леша Симаков не перетащил меня в Крайсовпроф старшим («страшным!») инструктором самодеятельного туризма... Мы сразу с Валентином на темы серьезные доверительно заговорили, – что долгие годы тогда можно было только с ним. – ... В Совгавани лишь, через одиннадцать лет, нашел я себе равного, поэта Женю Вязанцева, историка по образованию, распределен после универа Омского в местной тюрьги (колонии) школу, – с ним тоже полная доверительность, может быть, даже превосходил меня кое в чем по эрудиции, зане был из Томской профессорской семьи, – и хотя моложе меня был мало не на десять лет, – но ценный был по обсуждению проблем собеседник: я вел, разумеется, в тех долгих беседах ... Старше меня года на четыре Валентин, тогда ему уже двадцать пять было, в оккупации на юге был, интересовался литературой, искусством, – к социальному его я приобщил, – зане что опыт уникальный у меня здесь с пятнадцати лет был... С **третьим**, армейским другом по жизни, Толей Канашевичем,

почти ровесником, – с октября 39-го я, он с 40-го, месяца рождения не знаю, полного доверия не было, – не было и особых опасений: год с ним тесного общения – я дивизии был инструктором политодела, корпуса он, – прошел в спорах, – в коих я, неуклонно сокрушая вбитую в него ранее догматику, изрядно его развивал, – и тоже на выбор жизненного занятия им повлиял: он, хотя в грамматике и общем развитии был слабоват, – но прирожденный был оратор темпераментный, – какого я ни до ни после не встречал, – из армии таки в МГУ на политэкономии поступал... долгое время ее преподавал в электротехническом институте в Иваново... потом, кажется, в родной Могилев перебрался, тамошнюю делегацию на последнем съезде КПСС возглавлял... Ирина Твердая, его бывшая жена, года два-три назад таки соединила нас у меня по своему мобильнику – голос Толика услышал я, стариковский уже изрядно... и, лет уже 7, – нет его на сем свете

На «Культуре» с понедельника по пятницу «документальный сериал» под названием архилживым «Дело России» – к очередной годовщине расстрела семейства последнего царя... Имеется в виду дело уголовное, – кое вел колчаковец следователь Соколов, еще в двадцатые выпустил книгу который... вроде бы беспроегрешную... С двадцатых ею козыряли ретрограды-монархисты, – с девяностых к ним присоединились – дабы хоть за что-то уцепиться в оправдании прихватизации грабительской! – последыши разложившиеся тех железных коммунистов, – что в 1918-м необходимо, безусловно справедливо царскую семью искоренили, – дабы не оставлять даже тряпки монархистам (кою даже использовали бы как знамя, – не то что какой-либо живой символ... Царскую семью искоренить – как бы то жестоко ни было, – тогда искоренить абсолютно настоятельно было – из сразу *двух необходимостей* Во-первых, – возмездия исторического (Карл в Англии, Людовик и Антуанетта во Франции) за монархий *злодеянья* (а у нас много больше – за монархией – *злондеяний!*) ... Во-вторых, пощажение кого-либо из пр`оклятой (историей!) царской семьи затянуть гражданскую войну грозило: – гибелью трудящихся многих тысяч за двух-трех всего уже неисправимых паразитов. ... Хотя монархическую блевотину зреть нестерпимо, – но эти слезы и слюни ради подробностей фактических, как историк, я высидел. ... В 66-м в Свердловске – на семинаре по спортивному ориентированью от крайоно я был, и нас к дому приземистому инженера Ипатьева полулегально – на экскурсоводов страх и риск – подводили... В 70-х **Ельцин**, тогда первый на Свердловщине лицемерный «коммунист», приказал тот дом скрыть, – дабы навсегда лишиться реликвии монархистов... А в 90-х презренный перевертыш благословил использование сей кроваво-грязной истории в ущерб-упрек подлинным коммунистам... И в нулевые годы как же кровавую грязь не размазать, как же слезы-сопли-слюни не распустить! И нынешним прямым преемникам ельцинистов попрежнему не за что уцепиться, – как всё за ту же реставрационно-мракобесную гниль...

1 сентября 2011 ...**Припоминаю, первое сентября бывало ясное, прохладное** в моих шестом – восьмом классах, солнце восходящее светило ярко, желуди с попутных дубов под ногами валялись... шелестел первый опавший лист с больших дуплистых лип – мог в этих дуплах скрыться целый выводок детсадовской мелкоты... (Да три всего помню твердо такие липы: одна центра района близ, на спуске к 27-й школе с северо-востока; другая – между теперь кинотеатром «Чайка» и скрытой «вышкой»; третья же при повороте крутом дороги на север на Малом Улиссе; спилены все три и корни бульдозером скрыты при строительстве на родном Чуркине анонимно-глухих джунглей городских, – в которых подобно на свалках крысам неумная проклятушая мотота беспрерывно рыскает)...

...А 1956-го первое сентября мы село на Уссури большое (в дневниках подробности) на лодке-бате проплывали, километрах еще двухстах от Хабаровска, в школу шли девочки в белых надплечьях и передниках (где теперь тогдашняя свежесть! Где теперь такие девочки!); в школу мы опаздывали на неделю, завершая свой поход «Владивосток – Хабаровск» слав-

ный, без двух дней двухмесячный; чуть свет мы с места ночевки отплывали, тихая в низовье Уссури нас за свет дня километров на сорок всего подносила к Хабаровску, километров двадцать мы греблей добавляли, сменялось нас, парней больших четверо через полчаса, пятый был маленький, две еще девицы весьма дебелие (обе через тот поход геологинями стали)Ляшок Ефрем Гаврилович, ровесник века двадцатого – нас с веком девятнадцатым собою соединял... ..Нередко севернячок резвый дул встреч, гроза однажды среди реки (километра два ширина уже, однако) внезапная застала, впечатление незабываемое (отсылаю к подробному описанию)...

Я через тот поход уникальный приобрел в горной тайге ориентирования без карт навык редчайший, – весьма мне скрасивший затем ранней младости мытарства: позволил время-от-времени сбегать от *рано мне опаскудевшей цивилизации* – И в то же время получить представление о состоянии в крае народного образования и затем профсоюзной работы по части отдыха трудового народа ...И вообще – о хозяйстве в крае ...В немалой степени поэтому – и с цивилизацией «советской», все более и более загнивавшей мерзко, – хватило мне *дерзости* в 71-м *порвать* (за исключением самых необходимых касаний) резко ...В 82-м комуняки меня – к моему же благу немалому! – из горных лесов изгнали ...Опять пробавлялся с детьми туркружками ...Здесь, под сопкой, на $\frac{3}{4}$ в лесу таки (три кмэ от Кипарисово, от Таежки полтора) обустроивался; по 88-й на полтора месяца на ягоду бруснику в старые горные места еще выезжая ...С 88-го конца декабря – почти безвылазно здесь на «даче», «фазенде» -замке из дикого камня, – но мыслью, писания навыком в делах цивилизации, как стала у нас пробуждаться от 20-тилетней спячки В 88-м – 95-м таки поучаствовал тридцатью в газетах проблемно-прогнозными (всё почти уже исполнилось, – а что нет – еще грядет!) статьями ...Все лет 16 после 95-го за всеми в **цивилизации** выкрутасами – коя (с **91-го**) к кризису последнему понеслась: **капитализм отравился нами!** – слежу внимательно (с позиции аутсайдерской)Тем не менее, – и в ней к 73-м своим летам отваживаюсь вновь на публику вот этой книжицей заявляться...

Под этой сопочкой здесь, всех выше в долине Таежкинской с севера, – осуществилась, наконец-то, моя всегдашняя, с десяти лет, мечта... Вот только-то *с прошлого лета всё чаще меня успокоение посещает* (от ощущения – поэзией овладел достаточно, – главное, что зависело от себя, – сделано, – а уж этого оружия применение больше будет зависеть от потребностей (всё убыстряющегося) времени) ... Живу я в двух контрарных, – но вполне во мне совмещающихся, – измерениях: первое – в историсофских эмпиреях: *мало кто способен вполне в них сосуществовать мне, – но результаты истории прояснения благотворно коснутся всех...* Второе измерение доступно всем: старичью немедленно, – остальным в не столь отдаленном грядении; это измерение максимально приземлено: одной ипостасью (употребляю церковный термин, мистику отринув совсем, – всецело для торжественности) оно есть осуществление мечты моей детской быть независимым от всех (полная независимость немислима, – да и глупо отказываться от информации о состоянии дел в мире и стране, – но вот в питании, – да при том, что рынок питания всё более и более трáвит, – да главное – чуть дальше поясняемое *нравственное*); другой (ипостасью) – *антейский* – умножения (собственной) силы от к земле близости необходимый пример...

Заставляет «творить» какой-либо побудитель внешнего мира Вот и о жестокостях человека к животным на телепрограмме «Центр» позавчера крутили лицемерно-жалостливый клип... Где-то близ «второй столицы» у какой-то воинской части отпала надобность содержать с десятков сторожевых собак... И не нашли ничего лучшего от несчастных избавиться, как их расстрелять Пальба, понятно, встревожила окрестных обывателей, – и кто-то позвонил защитникам «братий меньших» наших Понаехало (бездельников) таких не меньше шести, с ними,

понятно, журналист! Нужно же (но не надо!) обывателю, «быдлу» нервишки щекотать, от бед, над людством «дамокловым мечом» нависающих (века еще не прошло от небывало массовых, многомиллионных *людских* закляний), – на несчастных тех псов отвлекать, вдруг ненужными ставших...

С утра на эту тему набрал вкратце о моей в сем практике строк с десяток, но компьютеру-«заразе» краткость не понравилось, – эти строки у меня «украл»! Сбросил, зараза, – видно, чай пия, не на ту кнопку вскользь нажал... Требует зараза сия внимания... Теперь через две-три строки сохранение (сначала) нажимаю... И, ввиду темы важности, чуть ли не с «яиц Леды» начинаю. ...Помню, в детстве раннем оболтусы постарше мучили котят, толпешка шпанят собралась, – я брезгливо отошел от мучителей подальше... Не помню особой своей к котяткам жалостливости – брезгливо лишь ужасался, как у них кишки выпускали, – и чуть не бегом от садистов начинающих подальше... Ужас испытывал при виде на чердаке шкуркок козлят-телят... Лет в 14 отец брал меня раза два кабанов колоть помогать. Его и раньше приглашали, считалось, у него «твердая рука», с минимумом визга боровов приканчивал. Но однажды хозяин заднюю ногу кабана не удержал, тот отца слегка в агонии ударил – «лучше пусть Юрка будет держать» (силе моей руки, – больше самообладанию, – знать, уже доверял) ... И, наверное, инстинктивно передавал нелишний в жизни навык ... Резкий визг умерщвляемого кабана в околodge с ноября по конец февраля часто раздавался, я притерпелся как-то, – но внутренне ужасался, когда тушу вскрывали, сизые кишки, паром дымящиеся, обнажали, кровь сливали, внутренности извлекали, – и то, что совсем недавно, хрюкая, из хлева, пробежке радуясь, выбегало, – через полчаса вот на куски окровавленные рассекалось... Правда, потом мужики за столом собирались, по стакану водяры, двести граммов, хряпали, мне, как юнцу, но экзекуции участнику, лишь половину стакана... Закусывали почками кабана поджаренными – вкусы необычайной... Отцу тогда, в осень 53-го – весну 54-го было около сорока, так что он еще не выбивался из еврейского правила *резником быть до 45-ти* (отец, как и мать, украинец чистый) Годам к 16-ти я уже знал, что к животным показная жалостливость обычно с черствостью, даже жестокостью к людям сочетается, – с узостью интересов, по крайности... Один такой, с фамилией Еременко, тоже украинской, был как раз в походе Владивосток-Хабаровск, (стартовало 13 – 7 дошло до конца), паренек был упрямый... учился со мною с первого класса по десятый... Как-то, еще в похода начале, в селе, в доме, где столовались, он подобрал с пола толстого крупного щенка и на столе, за которым обедать мы собирались, с ним сюсюкать-играть... Я, не раздумывая, спонтанно смахнул щенка на пол, Ярема, помню, «базлал» на меня... Жили они в старом доме на двух хозяев, на перевале с бассейна бухты Диомида, сразу на восток от начала спуска узкой дорогой к бухте Золотой Рог; другая, пошире, дорога огибала сопку Двухгорбовую улицей Запорожской: их дом темный, длинный, приземисто-низкий был меж этих дорог... Дружбы с ним не получалось, разных мы были складов... .. Все-таки нет у меня злопамятности: сначала вспомнил о Яреме хорошее – до конца похода дошел, – и лишь на третий день то, чем мне досадил этот любитель щенков... С первого по десятый классы отсидел с ним в школе, – а узнал лишь в походе том после девятого класса... Вышло нас 13, без руководителя, 56-летнего Ляшка; из Чугуевки троих отправили за расхлябанность назад, еще трое к ним присоединились сами; серьезных разладов в группе не было до Сидатуна, где закончился наш самый трудный пеший путь... Мы оголодали, всё чай-кофе кажутся не сладкими, разве что килограмм на ведро сыпать сахару... Вечно недовольный ворчун Ерема «покатил бочку» на старика Ляшка – де тот деньги на поход зажимает, – а я де ему, подхалимствуя, – потакаю, вместо того, чтобы на него нажимать... Обидное самое – и вроде бы приятель, физорг школы (впоследствии каперанг, командир Боевой Части (ф.12, 13) на подлодке атомной), меня в этот поход «сблатовал» (я собирался, как после 8-го класса изучал политэкономии, так после 9-го «вдарить» по философии, – еще не ведая ее пустопорожности; – а поход тот мне принес неисчислимые пользы); к ворчуну Яреме кляузе той пустопорожней присо-

единился Засорин, а остальные в тупо-равнодушном нейтрале пребывали... Физорг школы, вроде бы даже приятель, знал же, с каким трудом нашелся этот Ляшок, – забыл, двух месяцев не прошло... слишком для него было психологически тонко... В честности партийца старого, в юности партизана, я нимало не сомневался, как редкого человека уважал, до солидных лет преданного трудным путешествиям – с младостью наравне... Правда, только я был с самого начала в курсе «финансов»: мы «четырёх маток аж сосали»: школу родную, районо, Дом пионера и школьника городской и Краевую детскую турстанцию, – но уже с Чугуевки просили у Дома пионеров деньгами добавки (потом в Имане и в самом Хабаровске): поход ведь затягивался: – кроме питания, обувь – тапочки парусиновые на литой подошве резиновой – дважды нужно было покупать... Ичиги, сапоги из юфти мягкие, кои мы (в основном я) таки сварганили по настоянию Ляшка, – совсем не той обувью оказались: протерлись до дыр в первый же день под ливнем – обувь эта (потом сам трижды на охоте шил) сугубо зимняя, для лыж... А на деньги за юфть, лосину для подошв (эту пакость особо трудно было найти!), в сапожной мастерской пошив, – можно было пять пар тапочек с литой резиновой подошвой купить... И задержались со стартом недели на полторы. ... Тут не надо было изобретать – обыкновенные легкие парусиновые на подошве резиновой дешевые тапочки... А сколько же из-за тех не к сезону ичигов мне мытарств было!.. Зато не забыть, как на 28-м километре (Сад-город теперь) я колодочного мастера разыскивал три часа битых! Знай я, что так колодки ичижные просты, – за час бы сам выстрогал разных размеров все три. ... Но мастер интересный оказался мужик: еще на Первой мировой участвовал в Брусиловском прорыве... И ориентировщик Ляшок оказался никакой (впрочем, как и несравненно развитее его Петр Иннокентьевич Костромин, оба ровесники 20-го века), – зато – и поэтому именно: в том походе я на всю жизнь научился ориентироваться... Но главное – был Ефрем Гаврилович, не взирая на малограмотность, что называется, «с искрой»... В походе рассказывал о детстве дореволюционном во Владивостоке, о местах, людях годов десятых-тридцатых: партизанил с 18-го, в 20-х гонялся за бандами, в 30-х колхозы по краю сколачивал, – я в дневник не ленился записывать за ним (*дневник тот давний чудесами истинными в зигзагах моей жизни «беспутной»* – **в смысле прокладывал сам пути!** – не сгинул, – лет уже шесть как переписан на компьютер, набран племянником Саней, ждет когда схлынет бессодержательный «железьячный» компьютерный ажиотаж, – и все же неизбежно понадобится, затребуетя настоящее, жизненное содержание) ... Из всей группы – из семи – только я был способен Ефрема Гаврилыча оценить (да я и больше всех был с ним связан, я фактически наравне – нет, больше! – с ним **поход** возглавлял, – а ориентировался практически только я) ... В 59-м, через три года после похода, когда я был, 19-ти лет, на краевой детской турстанции (при крайоно) методистом, Ляшок принес мне пухлый опус своих воспоминаний: хотя и переписано на машинке дочкой его, учительницей, – не мог я в чтении продвинуться дальше двух первых страниц: настолько язык был детски-наивен... Так и осталась рукопись в моем столе методистском – я полгода курировал пятую часть городов-районов края по школьному краеведению и туризму... наверное, автор пришел, забрал... Но Ефрем, однако, был достаточно упрям, настырен: уже после 60-ти, на пенсию выйдя, он спелеологией увлекся, отыскал в крае новых пещер немало, с помощью грамотных школьников-старшеклассников (вроде меня ранее) описал, – и таки книгу за своим именем о пещерах издал... (Я, хотя в 57-м, сразу после 10-го класса, впервые походом руководя, Макрушу посещал, – и в колодец тамошний с риском для жизни спускался, – не нашел никакого смака, ни кайфа в темноте и сырости и пещер и шахт, – также и в скалолазанье, также избегал по возможности и водного слалома (хотя на реках провел в общей сложности 12 лет, весен и осеней, – подвергаясь на горных реках и на «араратах» всяким опасностям, – но, как и на охоте самой, – никогда их не искал... _____

*Беспутный – и кто с пути сбился, – и *сам кто прокладывает путь* и...

Однако, о собаках закончить бы надо... Не ради самих собак – через них, как вот через того в Чугуевке щенка, – и человеків суть вскрывается... Меня почему эта тема с умерщвлением псов где-то под городом, с коего компрадоры сняли имя Ленина славное, под каковым знаменем погиб миллион ленинградцев, таки задела?... Аморальна сия жалостивость к десятку собак, – когда не столь уж давно миллионы людей заклали под тем же Ленинградом!.. А и **наблюдаемая уже лет 20 разграбировки вакханалия также ведет к массовым закланиям, – разве что силы разума обеспечат таки справедливую избирательность наказания...**

Людям настоящим, – тем, кто лишь на себя полагается, избегает скоплений людства *многопагубных,* – приходится иногда брать на себя и тягость приканчиванья собак – и милее их гораздо жвачных... Мне по сугубым показаньям пришлось с 1971-го по 2001-й прикончить пяток этих «братий меньших наших», – четверых за дело (куродавка и куродав; охотники-любители при моем зимовье оставили превосходного кобелька европейской лайки, и он пошел по моим путикам добычу съедать, в самоловах приманку, – притом понимает умнющая тварь, что виноват, – от меня скрывается; пришлось тратить два дня, подзывать, ждать, пока подойдет к консервным банкам на свалке, – и через щель в приоткрытую дверь из зимовья с облегчением немалым псинку шаррахнуть жаканом прямо посреди лба! Да забыл превести «белку» на мелкашку: круглой пулей 32-го калибра (Пушкин такую убил) шаррахнул, сам грохота испугавшись, – шелк`а мелкашки ведь ожидал) ... Четвертого кобелька пришлось здесь удавливать: со щенка, довольно крупного уже при больнице выводок подкармливали, успел одичать, сосед подманил, поймал: меня за хозяина, сидя на цепи, не признавал, подростил, стал даже кидаться, – а тут привели нормального кобелька, – что ж делать, как ни тягостно, пришлось одичавшего беднягу удавливать... кстати, это конец самый «гуманный»: в первую же секунду всё исчезает: в детстве, балуясь, перетянул полотенцем шею как-то – и упал сразу, на миг «потеряв сознание»; может, придется еще к этому способу прибегать, совсем невыносимой жизнь станет!»: ощущения все исчезают сразу, – а конец наступает по-разному: гитлеровский фельдмаршал Кейтель, по медиков воспоминаньям, якобы минут еще сорок содрогался, – тело лишь, то был уже не Кейтель – смерть мозга, знаем, наступает без доступа кислорода минут через пять...

...Итак, первую мне собаку пришлось приканчивать, – под новый 72-й год куродавку, – потому ее хозяйева нам и «сплавили», – задавившую летом-осенью десяток крупных уже цыплят (задавит и не трогая, из будки не вылезает виновато, – отбираю, ощипываем, суп варим: вкусна своя свежая, молодая курятина, с нынешней магазинной нельзя и сравнивать) ... А под новый год привел я Бельчика, сына очень талантливой на охоте собаки напарника (к сожалению, нимало не обладавшего талантами своей матери, – к тому же меланхолика завязатого, как оказалось, – вдобавок и трусоватого: по каковой причине следующей же весной на уже тронувшейся ледоходом Хуту – железнодорожный мост льдины плывущие временно задержал – по ним-то, местами через воду перепрыгивая, на свой берег Хуту левый перебирался (рискуя весьма изрядно!), – а псина трусливый отстал, перепрыгнуть с льдины на льдину за мной побоявшись) ... А четырьмя месяцами раньше, под новый год 72-й, дабы освободить будку тому трусу, я куродавку, подавив душевную тяжесть, сразу же выстрелом за ухо из мелкашки застрелил... Кормили с лета не холощенного кабанчика, к тому же Люська впроголодь его держала, – и с ним надо было кончать, дабы освободить мою утонченную, античную красавицу совсем от лишнего хозяйства: она работала бухгалтером в ресторане, в кладовке с ноября лежала лосиная ляжка килограмм под двадцать; брезгуя, до марта она к ней не прикасалась, – но потом распробовала то мясо, еще борщами с ним восхищалась, – за милу душу та ляжка пошла. ... В тягости на душе минут десять полежал, пошел в хлев, застрелил и кабанчика (тоже до весны к мясу не прикасались) ... Тягостно ее было мне оставлять на бывшими зэками наполовину населяемой Курикиши окраине, с лесом рядом, – собственно, наполовину и в лесу: слева, если

по склону вниз, непролазный ольшаник-березняк, – а сверху лиственницы в комле до метра диаметром и высотой под тридцать метров стояли: до шоссе на аэроплощадку метров двести разреженно, – а через, вплотную к шоссе с севера, густой светло-лиственничный же лес потоньше и пониже... Место, что и говорить, было красивое... Когда я с ней был, была поначалу легка, весела, – а без меня ей... не то слово было тоскливо, – ужас, как при разводе выразилась, непрерывный... Но сразу же, в день прилета в июне, дочку ей счастливо (для себя – года на три продлило моё семейное счастье) – зачал, – улетела в Алма-Ату к матери с сыном двухгодовалым дочку рожать, – а я с Бельчиком избушку новую строить отправился на охотучасток; река тронулась, жизнью рисковал, – но во времянке без нее невысказанно было одному оставаться... В Алма-ату, заработав на рыбе горбуше рублей под 800 в мае-июне месяца за полтора, в июле-августе на месяц слетав (кошмар – весь месяц в хрущевке не высрался: первый у тещи этаж, до двух галдит снаружи на скамейках рядом чёртов молодняк, – с пяти утра грузовики гудят, в магазины жратву подвозя (да пропади ты пропадом житуха такая!); от авто смог и тогда там стоял, в квартиры проникая, – ну а сейчас... страшно и представить... недаром же в Астану продуваемую смылось казахстанское начальство); на зиму семейство у тещи оставил; через год только Люся вернулась в Совгавань, с сыном трехгодовалым и дочке год – «кышкентай мартышка» ее ласково звал (жена по-полуказахски басню Крылова перелагала (только-то по-казахски и знала – и я вот от нее тоже два слова узнал): «Бзын (большой) осел, бзын козёл, бзын косолапый мишка, – и кышкентай (маленькая) мартышка...»); за два года, работая на «труде и зарплате» в ресторане, Люська ознакомила, ясно, с совгаванским мужским персоналом – такие птички редко – сами никогда – туда залетали, такие нестандартные красавицы, – и к осени 75-го ее переманили на «Двадцатку», район лесозавода при зековском строгом лагере, километрах в 15-ти от Совгавани по на Ванино трассе, – сразу квартиру трехкомнатную дали (три большие смежные комнаты отапливаемые, холодная вода, – горячая – из отопительного радиатора, нужник во дворе, правда; сразу и триста в месяц зарплата (вдвое больше, чем в ресторане); сразу и ощутил я, смутно пока: от меня вполне независима стала – вскоре, стало быть, и расставаться...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.